

Содержание

Введение.....	3
Конфликт и сотрудничество в международных отношениях.....	9
Сила в международных отношениях.....	16
Субъекты мировой политики.....	20
Международная организация: роль институтов.....	24
Международная организация: роль права.....	41
Мораль и политика.....	68
Система международной безопасности.....	82
Заключение.....	96
Приложение 1. Краткая биография И. Канта.....	102
Приложение 2. Фрагменты оригинальных текстов И. Канта по международной проблематике.....	106
Приложение 3. Литература о Канте.....	179
Summary.....	181

Table of Contents

Introduction.....	3
Conflict and cooperation in international relations.....	9
Power in international relations.....	16
World policy actors.....	20
International organization: role of institutions.....	24
International organization: role of the law.....	41
Ethics and politics.....	68
International security system.....	82
Conclusions.....	96
Appendix 1. Kant's short biography.....	102
Appendix 2. Excerpts from Kant's original texts on the international	106
Problematique.....	
Appendix 3. Literature on Kant.....	179
Summary.....	181

Введение

Иммануил Кант, будучи родоначальником и виднейшим представителем немецкой классической философии конца XVIII в., оставил после себя богатейшее творческое наследие во многих областях науки. Не составляет исключения и теория международных отношений (ТМО). Наряду с Гуго Гроцием, аббатом Кастелем Сен-Пьером, Жан-Жаком Руссо, Эмерихом Ваттелем и пр., Кант совершенно справедливо считается основоположником так называемой либерально-идеалистической парадигмы ТМО, а также некоторых школ глобализма (в частности школы изучения проблем мира – peace research school).¹ В то же время его вклад в создание ТМО недостаточно хорошо изучен в истории науки – отечественной и зарубежной: существует множество стереотипов, мифов, неточностей и заблуждений относительно его истинной роли в этом процессе.

Так, одним из популярных мифов является утверждение, что основная заслуга Канта - это создание теории о вечном мире.² При этом сама теория, как правило, оценивается с прямо противоположных точек зрения: либералы и глобалисты относятся к ней сугубо положительно,³ реалисты и

¹ В теории международных отношений принято выделять три классических (традиционных) – политический реализм (и близкую к нему геополитику), либерализм (идеализм, плюрализм) и глобализм (радикализм), - а также альтернативную (постпозитивизм) парадигмы (см.: Rosenau, James N. *Order and Disorder in the Study of World Politics* // Ray Maghroori and Bennet Ramberg (eds.), *Globalism Versus Realism: International Relations' Third Debate*. Boulder, Co.: Westview Press, 1982, pp. 1-7; Viotti Paul R., Kauppi, Mark V. *International Relations Theory. Realism, Pluralism, Globalism*. New York: Macmillan Publishing Company, 1993, pp. 8-10; Banks, Michael. *The Inter-Paradigm Debate* // Margot Light and A.J.R. Groom (eds.), *International Relations: A Handbook of Current Theory*. London: Pinter Publishers, 1993, p. 18).

² См., например: *История философии*. Под ред. М.А. Дынного и др. М.: Издательство АН СССР, 1957, т. 2, с. 54; Friedrich, Carl Joachim. *Inevitable Peace*. Cambridge, Ma.: Harvard University Press, 1948; Williams, Howard. *Kant's Political Philosophy*. New York: St. Martin's Press, 1983, pp. 244-268.

³ Butler, Nicholas Murray. Introduction // Kant, Immanuel. *Perpetual Peace*. New York: Columbia University Press, 1939, pp. VII-IX; Doyle, Michael. *Liberalism and International Relations* // *Kant and Political Philosophy: The Contemporary Legacy*. Ed. By Ronald Beiner and William James Booth. New

ортодоксальные марксисты – критически. Правда, мотивы критики были различными у двух последних школ. Реалисты пытались представить Канта таким кабинетным ученым, наивным мечтателем, непонимавшим всех сложностей реальной политики и переоценивавшим возможности индивида и общества в самосовершенствовании.⁴ Марксисты же критиковали Канта за его философско-этический идеализм, отсутствие классового подхода и отказ признать примат экономического фактора в общественной жизни.⁵

Haven & London: Yale University Press, 1993, pp. 173-193; Murphy, Cornelius F. *The Search for World Order*. Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers, 1985, pp. XI, 61-104; Friedrich, *Op. cit.*; Veblen, Thorstein. *An Inquiry into the Nature of Peace and the Terms of its Representation*. New York: The Viking Press, 1945; Wright, Quincy. *The Causes of War and the Conditions of Peace*. London/New York/Toronto: Longmans, Green and Co., 1935, pp. 11, 94, 118.

⁴ Характерно, что классики реализма предпочитали критиковать Канта не прямо, а заочно, т.е. не его самого, а его идеи. Так, Э. Карр, не раскрывая суть идей Канта, попросту относит его к «утопической традиции» в ТМО (Carr, Edward. *The Twenty Years' Crisis, 1919-1939*. London: Macmillan & Co. Ltd., 1949, p. 25). Г. Моргентау критикует «легалистский подход» к международным отношениям (т.е. подход, основанный на примате международного права), не называя его родоначальника (см.: Morgenthau, Hans. *In Defense of the National Interest: A Critical Examination of American Foreign Policy*. New York: Alfred A. Knopf, 1951, p. 101; Morgenthau, Hans. *A New Foreign Policy for the United States*. New York: Frederick A. Praeger, Publishers, 1969, pp. 241-244). В одной из своих работ он лишь упоминает кантовский проект вечного мира - без какой-либо оценки со своей стороны (Morgenthau, Hans. *Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace*. 9th printing. New York: Alfred A. Knopf, 1953, pp. 309-310). В хрестоматии по мировой политике Г. Моргентау и его соавтор К. Томпсон вообще не нашли места для Канта (из либералов представлен только В. Вильсон): Morgenthau, Hans, Thompson, Kenneth. *Principles & Problems of International Politics: Selected Readings*. New York: Alfred A. Knopf, 1950. Сходную позицию «замалчивания» Канта занимали и другие классики реализма. Так, А. Уолферс вообще предпочитал игнорировать вклад Канта в развитие ТМО, считая основателем либеральной парадигмы ТМО В. Вильсона и обрушивая свою критику именно на него: Wolfers, Arnold. *Discord and Collaboration: Essays on International Politics*. Baltimore: The John Hopkins Press, 1962, pp. 68, 80, 81, 86-89, 93, 100-101, 96, 183, 185, 234, 243, 246, 249, 257, 261. Р. Арон ссылается на общие философские труды Канта, упоминает его учение о роли этики в истории человечества (Aron, Raymond. *Dimensions de la Conscience Historique*. Paris: Librairie Plon, 1961, p. 146-147; Aron, Raymond. *Introduction to the Philosophy of History: An Essay on the Limits of Historical Objectivity*. London: Weidenfeld & Nicolson, 1961, p. 284; Aron, Raymond. *History, Truth, Liberty: Selected Writings of Raymond Aron*. / Ed. By Franciszek Draus. Chicago/London: The University of Chicago Press, 1985, pp. 349, 362), но кантовский проект о вечном мире упоминает лишь в критическом контексте – или в отношении предложений Н.С. Хрущева о всеобщем разоружении (1959 г.), или в случае с деятельностью чикагского Всемирного совета мира (1962 г.), предлагавшего ядерное разоружение (Aron, Raymond. *Articles de Politique Internationale dans Le Figaro de 1947 p. 1977*. Tome 2. Coexistence. Paris: Editions de Fallors, 1993, p. 540, 1071-1073).

⁵ См., например, примечания к трактату Канта о вечном мире: *Иммануил Кант*. Соч. в 6-ти тт. Под ред. Т.И. Ойзермана. М.: Мысль, 1966, т. 6, с. 675-677; Глебов А.В. Вокруг трактата Канта «О

Между тем, многие из этих утверждений и критических замечаний являются необоснованными. Так, в своих трудах Кант рассматривал гораздо более широкую проблематику ТМО, чем только вопрос о вечном мире: природу международных отношений, причины войн и конфликтов, пути их преодоления, роль государства и других субъектов в мировой политике, принципы международного права и его значимость для укрепления международной стабильности, международная финансово-экономическая система, будущий мировой порядок и пр. Что же касается степени реалистичности идей Канта, то, как мы увидим далее, многие из них были позже реализованы в практике международных отношений, другие же, будучи нереализованными, тем не менее, до сих пор находятся в самой гуще мировых политических дискуссий.

Еще одним стереотипом является мнение о том, что Кант – по-настоящему первый автор концепции вечного мира.⁶ Однако, при более тщательном изучении вопроса обнаруживается, что эта идея присуща уже древнеиндийской, древнегреческой и средневековой философиям (Абу-Наср Мухаммед Фараби (870-950 гг.), Дюбуа (XIV в.), Данте («Монархия», 1317 г.), Марсилий Падуанский (XIV в.) и т.д.). В позднее средневековье (период Ренессанса и Гуманизма) подобные идеи можно было найти в трактатах Томаса Мора «Утопия» (1516 г.), Эразма Роттердамского «Мольба мира» (1517 г.) и немца Себастьяна Франка «Боевая книжка мира» (1539 г.). В Новое время концепцию мира развивали чех Ян Амос Коменский (1592-1670 гг., «Необходимо только одно» и «Всеобщий совет человеческому роду...»), уже

вечном мире» // *Вопросы философии*, 1958, № 2, с. 173-175; Лазуренко В.Д. Немецкие мыслители-гуманисты (И. Гердер и И. Кант) о войне и вечном мире // *Советское государство и право*, 1963, № 10, с. 142-146; *История философии*. Под ред. Г.Ф. Александрова и др. М.: ОГИЗ-Политиздат, 1943, т. 3, с. 123; *История философии*. Под ред. М.А. Дынника и др. М.: Издательство АН СССР, 1957, т. 2, с. 54.

⁶ Butler. *Op. cit.*; Murphy. *Op. cit.*, pp. 64-66; Friedrich. *Op. cit.*, pp. v-xi.

упоминавшийся голландский юрист-международник Гуго Гроций, француз граф Сулли («Мемуары», 1634 г.), американец Уильям Пенн («Опыт о настоящем и будущем мире в Европе», 1693 г.), французы Сен-Пьер («Записка о сохранении вечного мира в Европе», 1713 г.) и Жан-Жак Руссо («Суждение о вечном мире», 1782 г.).⁷ Кстати, сам Кант ссылается на многие из этих работ. Другое дело, что у Канта идея всеобщего мира получает более серьезное философское обоснование и изложена более детально, чем у его предшественников.⁸

Некоторые историки науки считают, что нужно говорить о вкладе Канта в развитие не столько ТМО, сколько международного права.⁹ Действительно, при первом ознакомлении с его трактатом «К вечному миру» (1795 г.) и «Метафизикой нравов» (1797 г.) складывается впечатление, что правовой подход полностью преобладает в процессе анализа проблем войны и мира. Однако при более пристальном изучении работы, а также всей совокупности его трудов становится понятно, что Кант рассматривал мировую политику через призму не только права, но и философии, религии, морали, истории, экономики и общественной динамики (того, что сейчас называется социологией). В связи с этим поражает, насколько цельным и логичным является учение Канта, где каждая отрасль научного знания

⁷ Подробнее об истории трактатов о вечном мире и школы по изучению проблем мира см.: *Трактаты о вечном мире*. Под ред. Ф.В. Константинова. М., 1963; Smith, Mary Campbell. Translator's Introduction // Kant, Immanuel. *Perpetual Peace: A Philosophical Essay*. London: George Allen & Unwin Ltd., 1917, pp. 7-46; Wilson, G.K. *A Global Peace Study Guide*. London: Housmans, 1982; Wallensteen, Peter. The Origins of Peace Research // Peter Wallensteen (ed.). *Peace Research: Achievements and Challenges*. Boulder and London: Westview Press, 1988, pp. 7-8.

⁸ Кстати, Кант обращался к идее вечного мира раньше, чем в опубликованном в 1795 г. трактате на эту тему. Сходные мысли были высказаны им уже, например, в трактатах «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784 г.), «Об изначально злом в человеческой природе» (1792 г.) и «О поговорке «Может быть это и верно в теории, но не годится для практики» (1793 г.).

⁹ Lorimer, James. *The Institutes of the Law of Nations: A Treatise of the Jural Relations of Separate Political Communities*. Edinburgh & London: William Blackwood and Sons, 1884, p. 225-227; Wheaton, Henry. *History of the Law of Nations in Europe and America*. New York: Gould, Banks & Co., 1845, p. 750-754.

(включая проблематику ТМО) находит свое четко определенное место. Конечно, во времена Канта еще нельзя говорить о возникновении ТМО как самостоятельной научной дисциплины (это произошло гораздо позже – в XX в., да и то, ученые спорят относительно более точной периодизации), но утверждать, что Кант имеет отношение только к созданию международного права, означало бы умалить заслуги великого немецкого мыслителя в развитии теории мировой политики.

Другая группа ученых (в основном юристов-международников), наоборот, почти полностью игнорирует роль Канта в развитии международного права. Они указывают на то, что зачатки международного права существовали уже в Древнем Риме (*jus fetiale* и *jus gentium*) (о чем, кстати, неоднократно упоминал сам Кант). Эта группа правоведов считает настоящими родоначальниками международного права итальянского юриста, а позже профессора права в Оксфорде Джентилиса («О праве войны», около 1598 г.), Г. Гроция («О праве войны и мира», 1625 г.), немецкого юриста Самуила Пуфендорфа («О праве - естественном и народов», 1672 г.), швейцарского мыслителя Эмериха Ваттеля («Право народов», 1758 г.), соотечественников и современников Канта - Иоганна Мозера и Георга фон Мартенса и пр.¹⁰ Трудно оспаривать вклад этих мыслителей прошлого в

¹⁰ Бирюков П.Н. *Международное право: учебное пособие*. М.: Юристъ, 2002; *Курс международного права*. В 6-ти томах. Под ред. Ф.И. Кожевникова и др. Т. 1: Понятие и сущность современного международного права. М.: Наука, 1967; *Международное право*. Под общей ред. В.Н. Дурденевского и С.Б. Крылова. М.: Юридическая наука, 1947; Пашуканис Е.Б. *Очерки по международному праву*. М.: Советское законодательство, 1935; Baker, Chesterton (ed.). *Halleck's International Law*. London: C. Keagan Paul & Co., 1878; Fenwick, Charles. *International Law*. New York & London: The Century Co., 1924, p. 50-60; Friedman, Leon (ed.). *The Law of War: A Documentary History*. Vol. 1. New York: Random House, 1972; Oppenheim L. *International Law: A Treatise*. Vol. 1 – Peace. 7th edition. London/New York/Toronto: Longmans, Green and Co., 1948, p. 85-95; Roberts, Adam and Guelff, Richard (eds.). *Documents on the Laws of War*. 2nd Edition. Oxford: Clarendon Press, 1989; Smith. *Op. cit.*, pp. 24-29; Van Vollenhoven C. *The Law of Peace*. London: St. Martin's Press, 1936; Verzijl J.H.W. *International Law in Historical Perspective*. Vol. 1-12. Leiden: A.W. Sijthoff, 1968-1998.

развитие международного права, Кант и не претендовал на роль его основоположника. Но нельзя полностью игнорировать его роль в этой области. Во-первых, Кант – в противоположность своим предшественникам – рассматривал международное право не узко-технически (инструментально), а в более широком контексте – с учетом других сфер общественной жизни. Международное право его интересовало не само по себе, Кант видел в нем инструмент преобразования и совершенствования мира, т.е. он воспринимал его преимущественно в философско-социологическом ключе. Во-вторых, в отличие от профессиональных юристов, специализировавшихся в отдельных отраслях права (право войны, право мирных договоров, международное частное право и пр.), Кант пытался дать интегрированное видение международного права и определить его место в общей системе права («Метафизика нравов», 1797 г.). В-третьих, подобный философско-теоретический подход не помешал Канту внести в международное право некоторые новации – например, теорию о всемирном гражданском (космополитическом) праве или собственную классификацию видов этого права. К сожалению, эти новации игнорировались или замалчивались как современниками Канта, так и последующими юристами-международниками.

Задача данного исследования – двоякая и заключается в том, чтобы, с одной стороны, помочь избавиться от указанных выше стереотипов и заблуждений, а с другой - выяснить реальный вклад Канта в создание ТМО.

Автор благодарит своих рецензентов - зав. кафедрой мировых политических процессов факультета политологии МГИМО-Университет МИД РФ, профессора, доктора политических наук М.М. Лебедеву и профессора той же кафедры, доктора философских наук П.А. Цыганкова.

Конфликт и сотрудничество в международных отношениях

Анализируя воззрения Канта на проблемы мировой политики, необходимо, прежде всего, отметить, что ему, несомненно, принадлежит заслуга теоретического обоснования так называемой консенсусной парадигмы как в ТМО, так и в целом в обществоведении. Если конфликтная парадигма, получившая в XX в. название политического реализма и настаивавшая на том, что конфликты и войны вечны, уже имела устойчивую традицию к концу XVIII в.,¹¹ то количество мыслителей, веривших в то, что можно создать такое общественное устройство, при котором можно было бы избегать, предотвращать или успешно урегулировать конфликты, было весьма невелико.

Кант вовсе не отвергал конфликтную парадигму как таковую¹² и признавал, что во многом ее сторонники правы. Вслед за Гоббсом он считал, что человеческая натура имеет двойственный характер, и часто злое, эгоистическое начало превалирует в людях.¹³ В свою очередь, это приводит к

¹¹ Некоторые ученые находят истоки конфликтной парадигмы уже в трудах древнегреческого историка Фукидида («История Пелопонесской войны») (Doyle, Michael. *The Ways of War and Peace*. New York: W.W. Norton, 1997, pp. 41-92; Heilke, Thomas. Realism, Narrative, and Happenstance: Thucydides' Tale of Brasidas // *American Political Science Review*, February 2004, vol. 98, no. 1, pp. 121-138). В период Ренессанса реализм получил мощный стимул в творчестве Николо Макиавелли - «Государь» и «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» - (многие специалисты считают его настоящим основоположником этой школы), а позже – в работах Томаса Гоббса («Левиафан»): Rourke, John T. *International Politics on the World Stage*. 9th edition. Guilford: McGraw Hill Co., 2003, pp. 281, 316.

¹² Еще один стереотип в отношении учения Канта. Часть ученых считает, что Кант не видел противоречивой природы человека и социальных образований и обращал внимание только на положительные качества индивидов и возможность переустройства общества на справедливых началах (Butler. *Op. cit.*, pp. viii-ix; Friedrich. *Op. cit.*, pp. 58-60).

¹³ В своем трактате «Об изначально злом в человеческой природе» (1792 г.) Кант выделяет три вида задатков в человеке: «1. Задатки *животности* человека как *живого* существа. 2. Задатки *человечности* его как существа живого и вместе с тем *разумного*. 3 Задатки его *личности* как существа разумного и вместе с тем *доступного вменению*» (Иммануил Кант. Соч. в 6-ти тт., т. 4, ч. 2, с. 27). Проявление в человеке добрых или злых начал зависит от имеющихся в нем предрасположенностей, самого человека и окружающих обстоятельств.

столкновению людских интересов и конфликтам между индивидами (по терминологии Гоббса, «война всех против всех»). Вообще, по Канту, противоречие, антагонизм – источник развития человеческого общества. В трактате «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784 г.) Кант отмечает: *«Средство, которым природа пользуется для того, чтобы осуществить развитие всех задатков людей, - это антагонизм их в обществе, поскольку он в конце концов становится причиной их законосообразного порядка»*.¹⁴ Далее следует настоящий панегирик противоречию: «...да будет благословенна природа за неуживчивость, за завистливо соперничающее тщеславие, за ненасытную жажду обладать и господствовать! Без них все превосходные природные задатки человечества оставались бы навсегда неразвитыми».¹⁵

Нечто подобное существует и в международных отношениях. Кант приписывает государствам те же качества, что и отдельным людям – эгоизм, корысть, страх, приводящие к конфликтам и войнам.¹⁶ Причем, государства ведут себя на международной арене гораздо более бесцеремонно, чем во внутренней жизни, ибо наиболее развитые народы уже научились поддерживать уважение к закону внутри страны, эффективно же действующего международного права пока не существует. «Если еще можно было бы усомниться в некоторой порочности, коренящейся в человеческой природе, поскольку дело идет о людях, совместно живущих в государстве; если вместо нее можно было бы с некоторым правдоподобием указать на

¹⁴ Иммануил Кант. Соч. в 6-ти тт., т. 6, с. 11.

¹⁵ Там же, с. 12.

¹⁶ В трактате о вечном мире Кант утверждает: «Народы в качестве государств можно рассматривать как отдельных людей, которые в своем естественном состоянии (т.е. независимости от внешних законов) уже своим совместным существованием нарушают право друг друга и каждый из которых ради своей безопасности может и должен требовать от другого вступить с ним в устройство, подобное гражданскому, где каждому может быть гарантировано его право» (Иммануил Кант. Соч. в 6-ти тт., т. 6, с. 271).

недостаточность слишком слабо развитой культуры как на причину противных закону явлений их образа мыслей, - то во внешних отношениях *государств* между собой она бросается в глаза как совершенно явная и неоспоримая». ¹⁷

Кант подчеркивал, что войны – это, в известном смысле, естественное состояние человечества. Так, в трактате «К вечному миру» (1795 г.) Кант отмечал: «Состояние мира между людьми, живущими по соседству, не есть естественное состояние (*status naturalis*); последнее, наоборот, есть состояние войны, т.е. если и не непрерывные враждебные действия, то постоянная их угроза». ¹⁸ Он считал войну одним из факторов, который, собственно говоря, создал само человечество – расселил народы по территории планеты и способствовал возникновению наций, государств, военного дела, дипломатии, права и пр. Так, в том же трактате о вечном мире Кант пишет: «...2) посредством *войны* она [природа – А.С.] рассеяла людей повсюду, забросив их даже в самые негостеприимные края, чтобы заселить их; 3) войной же она принудила людей вступать в отношения, в большей или меньшей степени основанные на законе». ¹⁹

Однако Кант идет дальше Гоббса и других сторонников конфликтной парадигмы. Если для последних конфликт – это вечное состояние и движущая сила природы и общества (по выражению древнегреческого философа Гераклита «конфликт – отец всех вещей»), то для Канта это – лишь первая, неизбежная, но не конечная стадия развития социума. Вслед за Дж. Локком он считал, что, хотя эгоизм человеческих индивидов противопоставляет их друг другу, но тот же эгоизм вынуждает их вступать в отношения сотрудничества и взаимопомощи (к тому же, основанные на

¹⁷ Там же, т. 6, с. 296 (примечание).

¹⁸ Там же, с. 266.

¹⁹ Там же, с. 281-282.

праве). Кант считал, что задача социального созидания состоит в следующем: «Так расположить некое число разумных существ, которые в совокупности нуждаются для поддержания жизни в общих законах, но каждое из которых втайне хочет уклоняться от них; так организовать их устройство, чтобы, несмотря на столкновение их личных устремлений, последние настолько парализовали друг друга, чтобы в публичном поведении людей результат был таким, как если бы они не имели подобных злых устремлений».²⁰

То же имеет место и в отношениях между народами, эгоистические интересы которых, хотя и противодействуют друг другу, все же вынуждают их именно ради осуществления своих собственных целей устанавливать отношения сотрудничества, а также правовые нормы и содействовать соблюдению последних.

Что же побуждает народы к сотрудничеству и упразднению войн как инструмента достижения своих целей? Кант дает на это двоякий ответ – с позиций морали и философии. С одной стороны, этого требует разум, кантовский категорический императив. Не прирожденные человеческие доброта и благородство (напомним, что Кант весьма скептически относился к человеческой натуре), а стихийное развитие дисгармонии, хаоса, злого в отдельных индивидах и государствах и в отношениях между ними с неизбежностью ведет к преодолению этих негативных явлений и социального зла вообще. Философ подчеркивает: «...при помощи эгоистических склонностей, которые естественным образом даже внешне противодействуют друг другу, разум может использовать механизм природы как средство для того, чтобы осуществить свою собственную цель – предписание права – и

²⁰ Там же, с. 285-286.

этим способствовать внешнему и внутреннему миру и обеспечить его, поскольку это зависит от самого государства».²¹

К тому же, как отмечает Кант, война стала настолько разрушительной по масштабам людских жертв и экономических потерь, что стирается разница между победителем и побежденным. Война стала в известном плане бессмысленной: слишком высока цена, которую приходится платить за подобную победу. Негативно сказывается война и на соседних, невоюющих, государствах, т.к. они тоже страдают от нарушения экономических связей с одной или обеими воюющими сторонами. В случае военных действий также оказываются под угрозой их сухопутные и морские торговые коммуникации. Суммируя эти негативные последствия войн для человечества, Кант подчеркивает: «...сама война постепенно становится не только искусственной и по своему исходу для обеих сторон сомнительной, но – ввиду печальных последствий, которые государства ощущают от все растущего бремени долгов (новое изобретение), погашению которых нет конца, - рискованным предприятием, причем влияние, которое разорение каждого государства в нашей благодаря промышленности столь тесно спаянной части света оказывает на другие государства, так заметно, что эти государства под давлением угрожающей им самим опасности предлагают себя в качестве третейских судей...»²²

²¹ Там же, с. 286.

²² Там же, с. 20. Любопытно, что Кант пришел к выводу о бессмысленности и неприемлемости войны как способа решения конфликтов между государствами веком раньше, чем либеральные мыслители конца XIX-начала XX вв., стоявшие за идеей проведения Гаагских мирных конференций 1899 и 1907 гг. Так, например, сходные мысли были высказаны русским военным теоретиком И.С. Блюхом в его шеститомном труде «Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях», где он предсказывал сокрушительные последствия назревавшей общеевропейской войны, включая разрушение самих основ государственности воюющих государств (Кулагин В.М. *Международная безопасность*. М.: Аспект Пресс, 2006, с. 19-20). Эта тема (о бессмысленности и бесперспективности войн) с особой силой зазвучала в работах либералов и глобалистов с появлением ракетно-ядерного оружия.

С другой стороны, Кант считал, что в самой природе заключен некий объективный механизм, который, проведя общество и мировую политику через длительный этап хаоса, конфликтов и войн, вместе с тем, гарантирует социальный прогресс и достижение вечного мира. «Эту гарантию [вечного мира - А.С.], - отмечает Кант, - дает великая в своем искусстве *природа* (*natura daedala rerum*), в механическом процессе которой с очевидностью обнаруживается целесообразность, состоящая в том, чтобы осуществить согласие людей через разногласие даже против их воли; и поэтому, будучи как бы принуждающей причиной, законы действия которой нам неизвестны, она называется *судьбой*, а при рассмотрении ее целесообразности в обычном ходе вещей она, как глубоко скрытая мудрость высшей причины, предопределяющей этот обычный ход вещей и направленный на объективную конечную цель человеческого рода, называется *провидением*».²³ Кант настаивает на фатальном характере этого природного качества: «Итак, можно сказать: природа неодолимо *хочет*, чтобы право получило в конце концов верховную власть. То, что в этом отношении не сделано, совершится в конце концов само собой, хотя и с большими трудностями».²⁴

Следует отметить, однако, что, указывая на объективный характер тенденции к вечному миру, Кант в то же время не отрицал необходимость работы по повышению уровня образования людей, воспитанию в них нравственных качеств, терпимости к другим народам и уважения к закону.²⁵

²³ Иммануил Кант. Соч. в 6-ти тт., т. 6, с. 279. В трактате «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784 г.) говорится: «Историю человеческого рода в целом можно рассматривать как выполнение тайного плана природы – осуществить внутренне и для этой цели также внешне совершенное государственное устройство как единственное состояние, в котором она может полностью развить все задатки, вложенные ею в человечество» (там же, с. 18-19).

²⁴ Там же, с. 286.

²⁵ См. трактат «Ответ на вопрос: что такое просвещение?» (1784 г.) (там же, с. 27-35). См. также трактат «Об изначально злом в человеческой природе» (1792 г.): Там же, т. 4, ч. 2, с. 51-52.

Обоснование Кантом консенсусной парадигмы оказало огромное влияние на политическую мысль Нового и Новейшего времени, хотя эти идеи и не стали доминирующими в XIX и XX вв. Но уже Сен-Симон (1814 г.) – совершенно в духе Канта – видит будущий мир в виде федерации миролюбивых государств.²⁶ Подобные же идеи о неизбежности эры международного сотрудничества и согласия мы можем найти в трудах – сначала ученого, а потом президента США – Вудро Вильсона,²⁷ а также гуманистов и пацифистов конца XIX-начала XX вв. – Л.Н. Толстого,²⁸ М. Ганди,²⁹ Л. Ричардсона.³⁰

²⁶ St. Simon, C. *The Reorganization of the European Community* // Coghlan (ed.). *Five Views on European Peace*. New York: Garland, 1971.

²⁷ Wilson, Woodrow. *The Messages and Papers of Woodrow Wilson*. Ed. By Albert Shaw. New York: Review of Reviews, 1924.

²⁸ Толстой Л.Н. Царство божие внутри вас // *Полное собрание сочинений в 90-та тт.* М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955, т. 28, с. 1-293.

²⁹ Duncan, R. *Selected Writings of Mahatma Gandhi*. London: Faber & Faber, 1951.

³⁰ Richardson, Lewis Fry. *The Statistics of Deadly Quarrels*. Chicago: Quadrangle, 1960; Richardson, Lewis Fry. *Arms and Insecurity*. London: Stevens, 1960.

Сила в международных отношениях

Еще один важный вопрос ТМО, который разделяет между собой различные ее школы – это вопрос о характере и роли силы в международных отношениях. Со времен Н. Макиавелли считается, что сила – это главное в политике (в том числе международной). Прав тот, кто обладает большей силой. Со слабыми в политике не считаются. По мнению конфликтной парадигмы (политического реализма), смысл мировой политики – в достижении баланса сил, только так можно достичь состояния относительной стабильности и безопасности. Правда, это равновесие всегда временно, соотношение сил всегда меняется, и за периодом относительной стабильности снова наступает период передела сфер влияния, конфликтов и войн.

Учение Канта о силе в международных отношениях существенно отличается от традиций политического реализма и, по сути дела, бросает последнему интеллектуальный вызов.

Во-первых, задолго до классиков политического реализма К. Клаузевица³¹ и Г. Моргентау,³² занимавшихся изучением параметров силы, Кант отмечал сложный, многосоставной характер силы (см. схему 1). Он не сводил ее только к военной силе, отмечая при этом другие измерения – экономическое, дипломатическое, правовое, моральное и т.д. Так, он считал, что «...из трех сил – *вооруженной силы, силы союзов и силы денег* – последняя могла бы быть самым надежным орудием войны...»³³ Кант имел ввиду прежде всего торговые интересы развитых стран, а также использование

³¹ Клаузевиц К. *О войне*. М.: Наука, 1999, с. 37, 39, 42, 201.

³² Morgenthau Н. *A new foreign policy for the United States*. New York: Praeger, 1969, p.141.

³³ *Иммануил Кант*. Соч. в 6-ти тт., т. 6, с. 262.

государственной задолженности для оказания давления на страну-заемщика со стороны страны-кредитора.

Во-вторых, Кант резко выступал против нелегитимного использования силы в международных отношениях. Он даже выделял три метода силовой политики, которыми государства – в прошлом и в современный ему период – пользовались для маскировки своих намерений и оправдания содеянного:

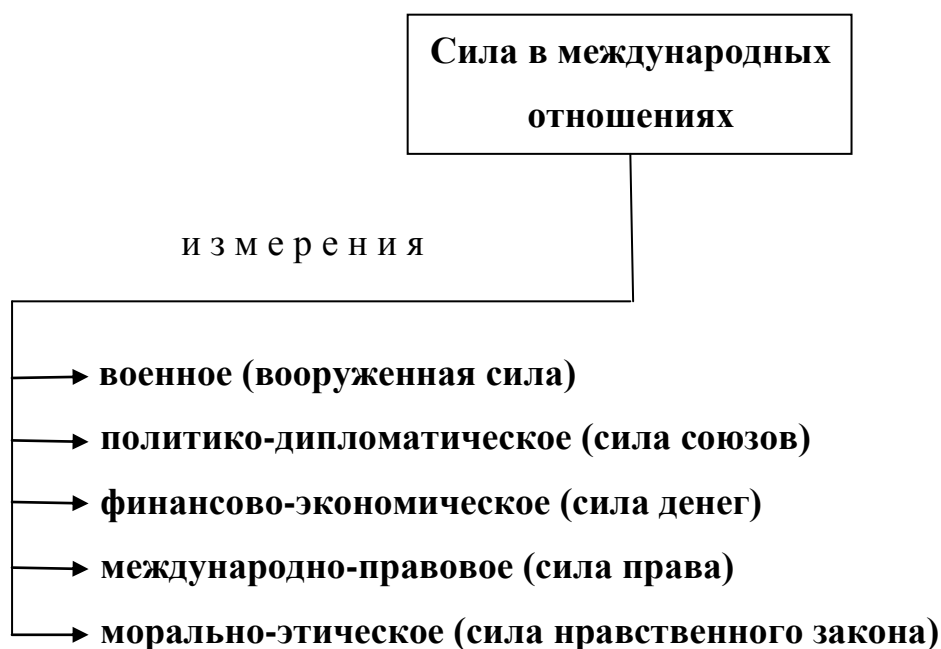
- Оправдание «задним числом» (*fac et excusa*): «Подыскать оправдание или прикрыть благовидными предлогами насилие *после захвата* будет гораздо легче и удастся с большим блеском..., чем если бы захотели предварительно обдумать убедительные основания, а затем еще ждать возражения на них. Сама эта дерзость дает некоторую видимость внутреннего убеждения в правомерности поступка, бог удачи в этом случае лучший правозаступник».³⁴
- Отрицание виновности в преступлении, которое совершено тобой (*si fecisti, nega*): «...утверждай..., когда ты подчинил соседний народ, природа человека, которая такова, что если не предвосхитить насилие другого, то можно быть уверенным, что он опередит тебя и подчинит себе».³⁵
- Разделяй и властвуй (*divide et impera*): «...возбуждение розни между ними [другими государствами – А.С.] – вполне надежное средство подчинить себе их одно за другим под предлогом помощи более слабому».³⁶

³⁴ Там же, с. 295.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

Схема 1. Измерения силы в международных отношениях (по И. Канту)

В-третьих, он не отрицал возможность использования силы для защиты своего отечества и интересов (до наступления эпохи вечного мира). Так, Кант был не против военной подготовки граждан в оборонительных целях: «Совершенно иное дело – добровольное, периодически проводимое обучение граждан обращению с оружием с целью обезопасить себя и свое отечество от нападения извне».³⁷ Он также считал разумной силовую политику Китая и Японии по ограничению доступа европейцев на территорию этих стран, т.к. они зарекомендовали себя далеко не с лучшей стороны при колонизации Америки, Африки, Индии и Юго-Восточной Азии.³⁸

Сила также может быть использована для принуждения индивидов и государств к исполнению ранее установленных правовых норм: «Так как,

³⁷ Там же, с. 261.

³⁸ Там же, с. 277-278.

следовательно, помимо разнообразия частных устремлений каждого необходимо еще и объединяющее основание их для выявления общей воли, чего ни одно из частных устремлений не в состоянии добиться, то при *осуществлении* этой идеи (на практике) нельзя рассчитывать на иное начало правового состояния, кроме *принуждения*; именно на нем основывается затем публичное право». ³⁹

В-четвертых, он выступал против ставшей популярной уже в его время концепции баланса сил в мировой политике (до сих пор модной среди неореалистов), справедливо считая, что она не может принести международной стабильности и безопасности. В трактате «О поговорке «Может быть это и верно в теории, но не годится для практики» (1793 г.) Кант прямо заявляет: «...продолжительный всеобщий мир, достигаемый так называемым *равновесием европейских держав*, есть чистейшая химера подобно дому Свифта, который был построен с таким строгим соблюдением всех законов равновесия, что тотчас рухнул, как только на него сел воробей». ⁴⁰ Вместо баланса сил Кант предлагает господство норм международного права, в которых фиксируется баланс интересов различных государств, - ключевое положение либеральной парадигмы ТМО. Представители последней высоко ценили эти идеи Канта и постоянно использовали их в полемике со сторонниками «баланса сил» и «силовой политики» в международных отношениях.

³⁹ Там же, с. 291.

⁴⁰ Там же, т. 4, ч. 2, с. 106.

Субъекты мировой политики

Интересна позиция Канта по поводу субъектов (акторов) международных отношений – вопрос, который тоже разделяет различные школы политической науки. Со времен Макиавелли и – особенно – утверждения Вестфальской системы международных отношений (1648 г.) господствовала точка зрения, что национальные государства (или их правители) являются основными субъектами мировой политики. Кант, как и его последователи, не возражал против этого тезиса, но дополнял его существенными коррективами:

- Во-первых, Кант указывал на неоднородный характер государства. В отличие от реалистов, которые предпочитали описывать государство как некий монолит, действующий на мировой арене в соответствии со своими (едиными) интересами, Кант видел наличие противоречий между разными социальными группами и институтами внутри каждой страны. Он также констатировал многочисленные случаи, когда правящие верхи выдавали свои узкокорыстные, корпоративные интересы за интересы народа и всей страны в целом. Будучи, вслед за Руссо, сторонником доктрины «народного суверенитета», Кант считал, что власть в обществе исходит от народа,⁴¹ поэтому правители – это

⁴¹ В «Метафизике нравов» (1797 г.) Кант выделяет три ветви власти – законодательную (верховную власть, суверенитет), исполнительную и судебную. При этом он подчеркивает: «Законодательная власть может принадлежать только объединенной воле народа» (там же, т. 4, ч. 2, с. 234). Далее Кант, описывая республиканское устройство, комментирует: «...коль скоро глава государства как лицо (будь то король, дворянство или вся масса народа, демократический союз) также может быть [кем-то] представлен, то объединенный народ не только *представляет* суверена, но он сам *есть* суверен; ведь именно у него (у народа) в руках находится первоначальная власть, производными от которой должны быть все права отдельных лиц просто как подданных (во всяком случае как служащих государства)» (там же, с. 268). В то же время он категорически отвергает право народа на насильственное свержение правителей: «Обязанность народа терпеть злоупотребления верховной власти, даже те, которые считаются невыносимыми, основывается на следующем: сопротивление народа, оказываемое высшему законодательству, ни в коем случае не должно мыслиться иначе как

лишь представители народа, которые должны пользоваться властью в интересах всего общества, а не в своих корыстных интересах.⁴² Он также считал необходимым усилить контроль со стороны общества за властными структурами, в том числе и в области внешней политики, где правители привыкли себя чувствовать более свободно и безответственно. Так, например, он считал, что нужно обязательно спрашивать согласие народа на объявление войны, ибо ему приходится выносить на своих плечах ее основную тяжесть, правители же в вопросах войны и мира часто руководствуются своими узкокорыстными интересами и амбициями.⁴³

- Во-вторых, Кант подчеркивал, что государства, будучи главными субъектами мировой политики, тем не менее, не являются единственными акторами (см. схему 2). Так, он обращает внимание на такое явление как наемничество.⁴⁴ Хотя наемники чаще всего являются инструментами в политике тех или иных государств, они все же

противозаконное и, более того, уничтожающее все законное государственное устройство» (там же, с. 242). Народ может добиваться изменений только политическим, законным путем - через свои представительные органы: «...изменения в (имеющем изъяны) государственном устройстве, которые иногда требуются, могут быть произведены только самим сувереном путем *реформы*, а не народом, стало быть путем революции, и, когда такие изменения совершаются, они могут касаться лишь *исполнительной власти*, но не законодательной» (там же, с. 244-245).

⁴² Там же, т. 6, с. 268-267.

⁴³ В трактате «К вечному миру» Кант подчеркивает: «Если (иначе и не может быть при таком [республиканском – А.С.] устройстве) для решения вопроса: быть войне или нет? – требуется согласие граждан, то вполне естественно, что они хорошенько подумают, прежде чем начать столь скверную игру, ведь все тяготы войны им придется взять на себя – самим сражаться, оплачивать военные расходы из своего кармана, в поте лица восстанавливать все разоренное войной – и в довершение всех бед навлечь на себя еще одну, отравляющую и самый мир, никогда (вследствие всегда возможных новых войн) не исчезающее бремя долгов. Напротив при устройстве, в котором подданный не есть гражданин (следовательно, не при республиканском), этот вопрос вызывает меньше всего сомнений, ведь глава [здесь] не член государства, а собственник его; война нисколько не лишает его пиров, охоты, увеселений, празднеств и т.п., и он может, следовательно, решиться на нее по самому незначительному поводу как на увеселительную прогулку, равнодушно предоставив всегда готовому к этому дипломатическому корпусу подыскать приличия ради какое-нибудь оправдание» (там же, т. 6, с. 268-267).

⁴⁴ Там же, т. 6, с. 261.

сохраняют определенную автономию от государств. Он допускал выход на мировую арену непосредственно народов, наций, разделяя в своей правовой доктрине понятия «международного (межгосударственного) права» и «права народов».⁴⁵

Он также предвидел появление принципиально нового типа акторов – международных организаций (федераций, конфедераций, лиг, союзов, конгрессов), которые, по его мнению, являлись необходимым инструментом для учреждения вечного мира.⁴⁶ В «Метафизике нравов» Кант упоминает уже существовавшую организацию – Генеральные штаты в Гааге (первая половина XVIII в.), которые, несмотря на кратковременность их существования, успели оставить после себя положительный опыт, в частности породив идеи о федеративном устройстве Европы и необходимости международного третейского суда для решения спорных вопросов.⁴⁷

Наконец, в ходе создания всемирного гражданского общества и учреждения космополитического права Кант допускал широкое участие в мировых процессах отдельных граждан и их (неправительственных) организаций.⁴⁸ Он даже попытался определить некоторые правила поведения граждан мира. Так, им должно быть обеспечено право свободного общения с другими народами и посещения всех стран на земле, «хотя это не есть право поселения на территории другого народа (*jus incolatus*); для такого поселения требуется особый договор».⁴⁹ Поселение во вновь открытых землях должно происходить с согласия живущих по соседству народов, лишь в настоящему пустынных краях можно селиться самовольно.

⁴⁵ Там же, т. 4, ч. 2, с. 269.

⁴⁶ Там же, т. 4, ч. 2, с. 278; т. 6, с. 16, 18, 274-275, 307.

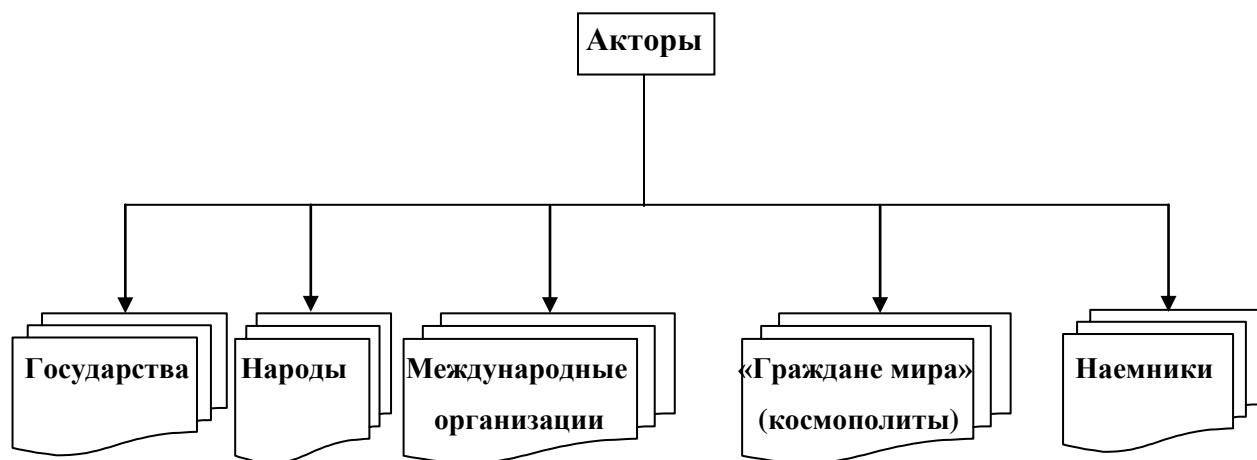
⁴⁷ Там же, т. 4, ч. 2, с. 278.

⁴⁸ Там же, т. 4, ч. 2, с. 270; т. 6, с. 21, 266.

⁴⁹ Там же, т. 4, ч. 2, с. 280.

Эти идеи Канта предвосхитили на полтора столетия учение либералов о субъектах международных отношений и содержание их дискуссий с их вечными соперниками – политическими реалистами, которые упрямо отрицали значимость иных, чем государство, акторов.⁵⁰

Схема 2. Субъекты мировой политики (по И. Канту)

⁵⁰ О содержании дискуссий между неореалистами и неолибералами см. книгу Роберта Кохейна «После гегемонии»: Keohane, Robert. *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton: Princeton University Press, 1984.

Международная организация: роль институтов

Как уже говорилось, Кант одним из первых выдвинул идею необходимости регулирования международных отношений и внесения упорядоченности, организации в них. Несмотря на обвинения многочисленных критиков Канта в наивности и идеализме, немецкий философ вполне реалистично воспринимал те трудности, которые могут возникнуть на пути создания более совершенного и безопасного мира. Наряду с природой (Провидением), на которую он уповал больше всего, Кант предлагал вполне конкретные инструменты для преобразования мира и закрепления достигнутых результатов – международные институты (организации, режимы) и право.

Предпосылкой и обязательным условием достижения вечного мира, по Канту, является республиканское устройство каждого из государств, заключающих договор о мире. Он установил три критерия для определения республиканизма: «Устройство, установленное, во-первых, согласно с принципами *свободы* членов общества (как людей), во-вторых, в соответствии с основоположениями о *зависимости* всех (как подданных) от единого общего законодательства и, в-третьих, по закону *равенства* всех (как *граждан* государства), есть устройство *республиканское* – единственное, проистекающее из идеи первоначального договора, на которой должно быть основано всякое правовое законодательство народа».⁵¹

Казалось бы, такое описание республики соответствует понятию демократии (уже существовавшему во времена Канта в значении, близком к современному, и даже воплощенному на практике: например, в США и, в определенной мере, в Великобритании, Нидерландах (хотя эта страна была

⁵¹ *Иммануил Кант. Соч. в 6-ти тт., т. 6, с. 267-268.*

оккупирована французами именно в 1795 г, когда был опубликован кантовский трактат о мире), некоторых вольных немецких и итальянских городах, Швейцарии и пр.). Однако Кант разделял понятия «республика» и «демократия», не принимая последнее. В отличие от традиционного подхода к классификации форм правления, Кант предложил свою типологию форм государственного устройства (см. схему 3). Он считал, что «формы государства (*civitas*) могут быть разделены или в зависимости от числа лиц, обладающих верховной государственной властью, или по *способу управления* народом его верховным главой, кем бы этот последний ни был».⁵²

- Первую форму правления (термин, принятый со времен Платона и Аристотеля) Кант назвал формой господства (*forma imperii*). В свою очередь, в рамках формы господства он выделяет три ее вида: «...верховой властью обладает или *одно* лицо, или *несколько* людей, связанных между собой, или же *все*, вместе составляющие гражданское общество (*автократия, аристократия, демократия*; власть государя, дворянства, народа)».⁵³
- Вторая форма государства, по Канту, это – собственно форма правления (*forma regiminis*). По словам Канта, она «касается основанного на конституции (на акте общей воли, благодаря которому толпа становится народом) способа, каким государство распоряжается полнотой своей власти...»⁵⁴ Соответственно, среди форм правления Кант выделял две – республиканскую и деспотическую. Характеризуя принципиальные различия между ними, философ отмечал: «*Республиканизм* есть государственный принцип отделения исполнительной власти (правительства) от законодательной; деспотизм

⁵² Там же, с. 269.

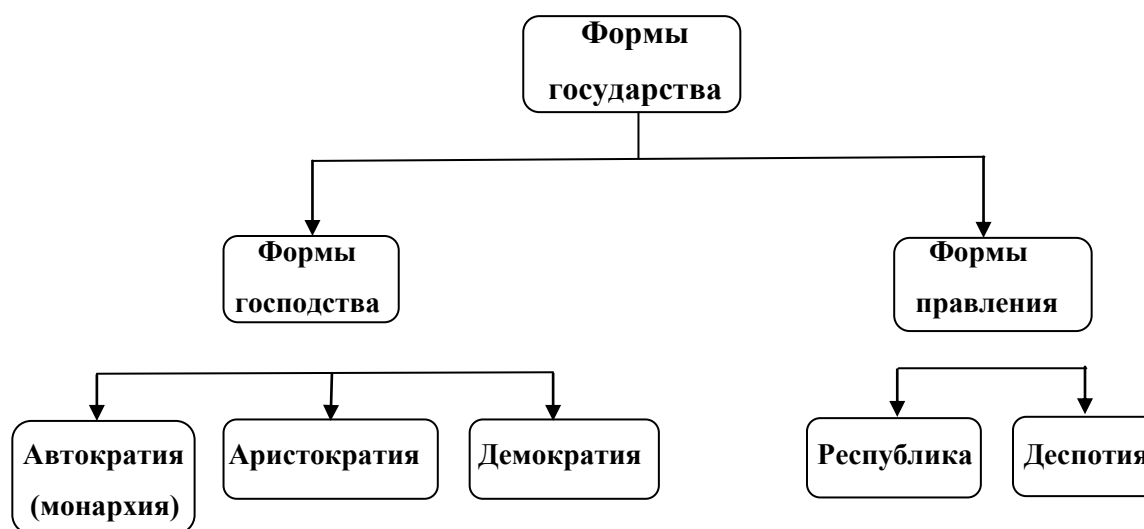
⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

– принцип самовластного исполнения государством законов, данных им самим; стало быть, публичная воля выступает в качестве частной воли правителя».⁵⁵

Из приведенных выше цитат следует, что под формой господства Кант понимал именно формальную, внешнюю сторону государственного устройства, под формой же правления – содержательную часть этого устройства (то, что в современной политологии понимают под политической системой, политическим режимом и политической культурой).

Схема 3. Формы государственного устройства (по И. Канту)

Только исходя из этой специфики кантовской трактовки форм государственного устройства, можно понять, почему он считал демократию наихудшей из трех форм государства (самой деспотичной), а монархию (причем, даже абсолютную, скажем, при прусском короле Фридрихе II) – способной наиболее полно осуществить идеалы республиканизма.

Главные претензии Канта к демократии состояли в том, что она:

⁵⁵ Там же.

- не уважает права меньшинства (особенно на уровне исполнительной власти): «Из трех форм государства *демократия* в собственном смысле слова неизбежно есть *деспотизм*, так как она устанавливает такую исполнительную власть, при которой все решают об одном и во всяком случае против одного (который, следовательно, не согласен), стало быть, решают все, которые тем не менее не все, - это противоречие общей воли с самой собой и со свободой».⁵⁶
- имеет тенденцию к смешению исполнительной и законодательной властей (тогда как разделение властей – первейший признак республиканизма): «Всякая *непредставительная* форма правления есть в сущности *отсутствие* формы, потому что законодатель и исполнитель его воли так же не могут совместиться в одном лице, как не может общее большей посылки в силлогизме быть в то же время подведением частного под большую посылку в меньшей посылке».⁵⁷
- неэффективна с управленческой точки зрения: «...чем меньше персонал государственной власти (число лиц, обладающих властью) и чем шире, напротив, ее представительство, тем более государственное устройство согласуется с возможностью республиканизма, и для подобного устройства есть надежда постепенными реформами в конце концов возвыситься до него».⁵⁸ По мнению философа, «...демократическая же форма делает это невозможным, так как в ней всё хочет властвовать».⁵⁹ Кант упрекал даже аристократию в том, что при ней «уже труднее, чем при монархии, достигнуть этого единственно совершенного правового

⁵⁶ Там же, с. 269-270.

⁵⁷ Там же, с. 270.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

устройства [республиканизма – А.С.], а при демократии его можно достигнуть только путем насильственной революции».⁶⁰

Однако эти упреки больше адресуются псевдодемократическим формам политической организации (хотя, при этом, нельзя не отметить, что Кант гениально предсказал тоталитарные формы господства, при которых не уважаются права меньшинства и отсутствует подлинное разделение властей, хотя внешне режим маскируется под народовластие). В настоящей демократии права меньшинства защищены: американская конституция 1787 г. и дискуссия вокруг нее уже породили соответствующие теоретическую доктрину и практические механизмы. Разделение властей также было обеспечено как в теории, так и на практике той же американской конституцией, государственным устройством Англии (после «славной революции» 1688 г.), а также ряда других европейских стран. Причем, в обоих случаях (США и Англия), как это ни досаждало Канту, эффективные формы политического устройства были достигнуты именно путем революций и войн за независимость.

В то же время тезис Канта о предпочтительности монархии как формы правления оспаривался как на теоретическом, так и предметно-практическом уровнях. Кант утверждал, что «хотя два других государственных устройства [монархия и аристократия – А.С.] всегда ошибочны постольку, поскольку они допускают подобный способ правления [деспотизм – А.С.], тем не менее они могут во всяком случае принять способ правления, сообразный с духом представительной системы, как это выразил по крайней мере Фридрих II, сказав, что он только высший слуга государства...».⁶¹ При этом Кант не пояснил, что же может заставить монархию (или аристократию) принять

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

республиканские принципы (а не деспотию), да и с исторической правдой это положение существенно расходится: ни одна из абсолютных монархий (включая столь любезную сердцу Канта просвещенную монархию Фридриха II, кстати, отличавшуюся откровенным экспансионизмом и агрессивностью) указанным выше трем кантовским принципам республиканизма никак не соответствовала. Нелишне вспомнить, что свои основные работы по политической и международной теории Кант писал в эпоху правления Фридриха-Вильгельма II, который в 1788 г. ввел закон о цензуре, резко ограничивший религиозные и интеллектуальные свободы в Пруссии (дело даже доходило до именного указа короля 1794 г., выражавшего «великое недовольство» по поводу одной из работ ректора Кенигсбергского университета (то есть самого Канта) и предупреждавшего его в неотвратимости строгих мер в случае «дальнейшего неповиновения»⁶²). Трудно поверить в склонность монархии к республиканизму по Канту, если она зависит от капризной воли монарха.

Своеобразная трактовка республиканизма Кантом ставит под сомнение и его базовую посылку о политическом фундаменте вечного мира. Если договор о вечном мире будут заключать «республиканские» монархии (абсолютные и конституционные), аристократии и демократии, то возникает вопрос: насколько эти разнородные по своей политической организации государства смогут найти общий язык друг с другом и действительно создать стабильную систему международной безопасности? Ведь из того, что Кант

⁶² Там же, с. 681. При этом нельзя не отдать должное личному мужеству самого Канта, который, занимая такую высокую административную и идеологическую должность в Пруссии, умудрялся развивать идеи Просвещения, американской и французской революций, включая идеи своеобразно понятого им республиканизма. Кант был вынужден прибегать к хитростям, чтобы преодолеть цензурные ограничения. Так, например, свою работу «Религия в пределах одного только разума» (1793 г.), в которую входил и упоминавшийся ранее трактат «Об изначально злом в человеческой природе», был опубликован не в Кенигсберге, а в издательстве Йенского университета, где еще цтили академические свободы.

говорил об этих формах государства, по меньшей мере, следовало, что они просто несовместимы друг с другом. Ответа на этот вопрос, к сожалению, у Канта нет.

После того, как предварительное условие Канта об установлении республиканского строя в ведущих странах будет выполнено, философ считал возможным подумать о форме организации будущей системы международной безопасности и о тех институтах, которые служили бы ей поддержкой. По его мнению, наиболее приемлемой формой такой организации является федерация государств. В трактате о вечном мире Кант писал: «Международное право должно быть основано на *федерализме свободных государств*».⁶³

Кант подчеркивал, что речь должна идти именно о федерализме, при котором государства сохраняют свою независимость, а не о создании супергосударства («государства народов» или «мировой республики», по его терминологии), ибо идею последнего суверенные государства никогда не примут. Описывая будущее устройство мира, Кант отмечал: «Это был бы *союз народов*, который, однако, не должен быть государством народов. В этом заключалось бы противоречие, ибо в каждом государстве существует отношение *высшего* (законодателя) к *низшему* (повинующемуся, т.е. народу); многие же народы в государстве (так как мы рассматриваем здесь право *народов* по отношению друг к другу, поскольку они образуют отдельные государства и не должны быть слиты в одно государство) составляли бы только один народ, что противоречит предпосылке».⁶⁴

Главной целью такой федерации должно быть изживание войны из практики международных отношений, достижение мира и стабильности. Кант

⁶³ Там же, с. 271.

⁶⁴ Там же, с. 271-272.

подчеркивал, что «должен существовать особого рода союз, который можно назвать *союзом мира* (*foedus pacificum*) и который отличался бы от *мирного договора* (*tractum pacis*) тем, что последний стремится положить конец лишь *одной* войне, тогда как первый – *всем войнам*, и навсегда». ⁶⁵

Нельзя не отметить, что в работах Канта есть некая терминологическая нечеткость в отношении названия формы будущей международной организации (впрочем, вполне объяснимая для такого раннего этапа развития и ТМО, и международного права). Он называет ее то «федерацией», то «союзом народов» или «союзом государств» (в англоязычной литературе этот кантовский термин переводят как «лига наций» и на этом основании приписывают Канту авторство реальной существовавшей Лиги наций в период между двумя мировыми войнами), то «постоянным конгрессом государств», то «союзом мира», то «товариществом», то ставит знак равенства между понятиями федерализма и международного права. ⁶⁶ Неясно, как Кант видел конкретную форму этой организации (если он вообще задумывался над такими деталями): именно как организацию (межгосударственную) с определенными (хотя и скромными) органами управления; международный режим (то есть совокупность договоренностей, международно-правовых форм и механизмов их имплементации и контроля) или просто как единичный международный договор, открытый для присоединения к нему любого государства?

Он определенно отвергал интерпретацию понятия «федерация» в американском смысле, где уже в то время под федерацией понималось достаточно сильно централизованное государственное объединение, хотя и со значительными свободами для членов этого объединения. Так, в

⁶⁵ Там же, с. 274.

⁶⁶ См.: там же, т. 4, ч. 2, с. 271, 278; т. 6, с. 271-275.

«Метафизике нравов» (1797 г.) Кант специально подчеркивал «неамериканский» характер предлагаемой им международной организации: «Однако под *конгрессом* разумеется здесь лишь произвольное, в любое время *могущее быть распущенным* собрание различных государств, а не такое объединение, которое (подобно Американским Штатам) основано на конституции и поэтому не подлежит роспуску; только при помощи такого конгресса может быть осуществлена идея основания публичного права народов разрешать споры между собой так, как это подобает цивилизованным народам, как бы судопроизводством, а не варварским (дикарским) способом, а именно войной».⁶⁷

По-видимому, Кант считал вряд ли возможным создать большее, чем то, что позже стали понимать под достаточно аморфной конфедерацией государств или лигой наций. Приверженность государств своему суверенитету вряд ли позволит продвинуться дальше, считал немецкий философ.

Понимая возможные опасения суверенных государств относительно их самостоятельности и прав в рамках предлагаемой им федерации, Кант специально делал оговорку для сторонников сохранения национального суверенитета: «Этот союз имеет целью не приобретение власти государства, а исключительно лишь поддержание и обеспечение *свободы* государства для него самого и в то же время для других союзных государств, причем это не создает для них необходимости (подобно людям в естественном состоянии) подчиниться публичным законам и их принуждению».⁶⁸

Однако в данном случае Кант противоречил самому себе. Если он уподоблял государства отдельным людям, а выход последних из состояния

⁶⁷ Там же, т. 4, ч. 2, с. 278-279.

⁶⁸ Там же, т. 6, с. 274.

естественной свободы и «войны всех против всех» был возможен только на основе их подчинения установленным законам и принуждения, то каким способом государства можно было бы заставить соблюдать принятые на себя международные обязательства и остановить войны и конфликты между ними? Разве не напрашивается вывод о необходимости определенного ограничения национального суверенитета и создания контрольно-регулятивного механизма на наднациональном уровне, который бы следил за выполнением международных договоров, осуществлял посредничество и арбитраж и даже наказывал государства, нарушающие международно-правовые установления (то, что было создано в XX в. в лице сначала Лиги наций, а потом ООН и других международных организаций)?

Несмотря на упреки критиков в наивности и романтизме, Кант как раз был весьма скептически настроен относительно возможности разумного (и скорого) ограничения национального суверенитета, в котором он видел один из источников конфликтов и войн на Земле. Вообще-то, судя по тому, что Кант время от времени «проговаривался» о своих действительных идеалах, философ, видимо, все-таки мечтал о «мировой республике», хотя и не верил в возможность ее создания. Так, в трактате о вечном мире он рассуждал: «В соответствии с разумом в отношениях государств между собой не может быть никакого другого способа выйти из свободного от закона состояния постоянной войны, кроме как отречься подобно отдельным людям от своей дикой (не основанной на законе) свободы, приспособиться к публичным принудительным законам и образовать таким путем (разумеется, постоянно расширяющееся) *государство народов* (*civitas gentium*), которое в конце концов охватит все народы земли».⁶⁹

⁶⁹ Там же, с. 275.

Но то, что возможно сделать на уровне одного народа – подчинить отдельных людей силой убеждения и принуждения закону, - то невозможно на общепланетарном уровне, ибо культурные и религиозные различия между народами столь велики, а государства столь высоко ценят свой суверенитет (освященный международным правом), что сила принуждения здесь «не работает». Таким образом, по Канту на международном уровне всегда сохраняется возможность конфликтов, главное состоит в том, чтобы по возможности их предотвратить, а последствия минимизировать и не допустить перерастания этих конфликтов в вооруженную фазу – войну. Кант откровенно полагал, что достижима лишь задача-минимум: «...исходя из своего понятия международного права, они [государства – А.С.] решительно не хотят этого [государства народов – А.С.], отвергая тем самым *in hypothesis* то, что верно *in thesi*. Вот почему не положительная идея *мировой республики*, а (чтобы не все было потеряно) лишь *негативный* суррогат *союза*, отвергающего войны, существующего и постоянно расширяющегося, может сдерживать поток враждебных праву и человеку склонностей при сохранении, однако, постоянной возможности их проявления...».⁷⁰

Кант также считал, что «государство народов» сложно создать и сохранить еще и потому, что его постоянное расширение (за счет присоединения новых участников мирного договора) делает его трудноуправляемым, а обеспечение гарантированной защищенности каждого отдельного члена – фактически невозможным. Раздробление же «союза народов» неизбежно приведет к конфликтам между новыми объединениями. Поэтому, подчеркивал Кант, «...*вечный мир* (конечная цель всего международного права) есть, разумеется, неосуществимая идея».⁷¹ Однако

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же, т. 4, ч. 2, с. 278.

это не означает, что мирное сотрудничество невозможно между государствами или что к нему не надо стремиться по причине его недостижимости. По Канту, «...политические принципы, нацеленные на то, чтобы вступать в такие [международные] связи, которые служили бы постоянному *приближению* к состоянию вечного мира, вполне осуществимы, поскольку такое приближение есть задача, основанная на долге и, стало быть, на праве людей и государств».⁷²

При этом Кант также понимал, что договор о мире не может быть действительно вечным (т.е. неизменным в плане его содержания и состава участников). Меняются интересы участников договора, круг государств, подписавших его, внешние условия, окружающие федерацию. Поэтому он подчеркивал необходимость постоянного обновления договора в соответствии с изменяющимися реальностями.⁷³

Кант не оставил своих соображений по поводу того, какими конкретными путями можно сформировать новую систему международных отношений. Как уже упоминалось, в качестве главных «движущих сил» он видел природу (Провидение), человеческий разум и мораль. Он, правда, допускал, что может появиться некое государство-лидер, которое, осознав необходимость создания нового международного порядка и проникшись миролюбием, поведет за собой остальную часть мира. Надо отметить, что и в этом случае Кант полагался скорее на волю Провидения, которое бы само остановило свой выбор на государстве-лидере, чем на какие-то материальные факторы. «Если бы по воле судеб какой-либо могучий и просвещенный народ имел возможность образовать республику (которая по своей природе должна тяготеть к вечному миру), - мечтал философ, - то такая республика служила

⁷² Там же.

⁷³ Там же, с. 271.

бы центром федеративного объединения других государств, которые примкнули бы к ней, чтобы в соответствии с идеей международного права обеспечить таким образом свою свободу, и с помощью многих таких присоединений все шире и шире раздвигались бы границы союза».⁷⁴

Таким образом, реконструируя взгляды Канта, можно предположить, что он усматривал две возможные модели создания федерации мира – моноцентричную (с лидером во главе) и полицентричную (когда, по крайней мере, сразу несколько государств заключали бы договор о вечном мире и служили бы основой для образования федерации). Надо сказать, что в истории международных отношений (и это Кант опять-таки гениально предугадал) встречаются обе модели миропорядка. Преобладала полицентричная (многополярная) модель («концерт держав», по терминологии реалистов) – Вестфальская (1648 г.), Венская (1815 г.), Версальско-Вашингтонская (1919-1922 гг.) и Ялтинско-Потсдамская (1945 г.) системы международных отношений. В то же время этому порядку регулярно бросала вызов моноцентричная (однополярная) модель – Советская Россия (и мировой коммунизм в целом), гитлеровская Германия, а ныне – Соединенные Штаты, претендующие на роль «просвещенного» гегемона и подлинного носителя демократических (республиканских, по Канту) ценностей.

До сих пор эти два подхода являются доминирующими как в современной ТМО, так и на уровне практической политики. При этом каждый из них апеллирует к тем идеям Канта, которые им кажутся наиболее близкими. Так, после окончания «холодной войны» (и особенно после начала глобальной войны против международного терроризма) в США популярной стала концепция «демократического (просвещенного) лидера» или гегемона, который взял на себя бремя не только защиты человечества от

⁷⁴ Там же, т. 6, с. 274.

многочисленных угроз, но и радикального преобразования мира на основе ценностей либеральной демократии.⁷⁵ Причем, в пользу американского лидерства и так называемых «гуманитарных интервенций» выступают не только реалисты, но и часть либералов, которые всерьез считают, что ныне у идей либерального институционализма и международного права есть уникальный шанс воплотить их на практике при помощи США.⁷⁶ Однако при этом они забывают о том, что, когда Кант писал о возможности лидерства «могучего и просвещенного народа» в создании нового миропорядка, он имел в виду силу примера, демонстрацию очевидных преимуществ республиканского строя и принцип добровольности присоединения к «федерации мира» других народов, а не навязывание силой другим странам чуждых и непонятных для них ценностей и порядков (как это делается сейчас США и некоторыми из их союзников в некоторых регионах мира). Забвение этих принципов сторонниками «силового» варианта демократизации приводит их к результатам, прямо противоположным их первоначальным намерениям, а также к извращению самих принципов либерализма и

⁷⁵ Проблема гегемонии/лидерства приобрела для американского и международного академического сообщества такое значение, что ей была целиком посвящена ежегодная конференция Ассоциации международных исследований в Монреале (март 2004 г.).

⁷⁶ Richard Leaver and James L. Richardson (eds.). *The Post-Cold War Order: Diagnoses and Prognoses*. Canberra: Allen & Unwin and Boulder, CO: Westview Press, 1993; Holzgrefe Jeff and Robert O. Keohane (eds.). *Humanitarian Intervention: Principles, Institutions and Change*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. В среде российских либералов также имеется группа сторонников американского лидерства: *Внешняя политика России: поиск стратегии*. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2001 <<http://www.liberal.ru/sitan0.asp?Num=21>>; Никитин А.И. *Миротворческие операции: концепция и практика*. М.: МОНФ, 2000; *Россия в поисках стратегической позиции*. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2002 <<http://www.liberal.ru/sitan0.asp?Num=33>>; Тренин Д.В. Третий возраст: российско-американские отношения на пороге XXI века // *Pro et Contra*, 2000, т. 5, № 2, с. 7-19; Trenin, Dmitry. Sealing a New Era in U.S.-Russian Relations // *Moscow Times*, 2002, May 27; Федоров Ю.Е. Критический вызов для России // *Pro et Contra*, 1999, т. 4, № 4, с. 5-27; его же. Движущие силы внешней политики Российской Федерации // *Современные международные отношения*. Под ред. А.В. Торкунова. М., 1999, с. 457-483. Подробнее см.: Цыганков П.А. Либерализм в российской теории международных отношений // *Космополис*, зима 2003-2004 г., № 4 (6).

демократии (нельзя человека или нацию насильственно сделать счастливыми).

Второй – полицентричный – подход к созданию нового миропорядка в современных условиях также подчас далеко отклоняется от кантовского оригинала. Для Канта федерация нескольких (наиболее «продвинутых») государств – это, с одной стороны, зачаток нового мироустройства, служащий притягательным примером для других стран, а, с другой стороны, – открытое для сотрудничества со всеми желающими (а не замыкающееся в себе) сообщество. Нынешние же сторонники многополярной модели мира часто сводят ее к идее «концерта держав», т.е. клуба избранных, закрытого или труднодоступного для других стран («Большая восьмерка», НАТО, Евросоюз, Организация экономического сотрудничества и развития и пр.).⁷⁷ Такая конструкция также не имеет ничего общего с учением Канта и вызывает справедливую критику со стороны альтернативных школ ТМО.

В современной ТМО все большую силу набирает точка зрения, что «истинный Кант» – это тот Кант, который все-таки верил в возможность «мировой республики», «государства народов» или «всеобщего правового гражданского общества» («Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане», 1784 г.⁷⁸). Поэтому его идеям был бы созвучен такой вариант мироустройства, который современные неокантианцы называют «международным обществом», «глобальным гражданским обществом» или

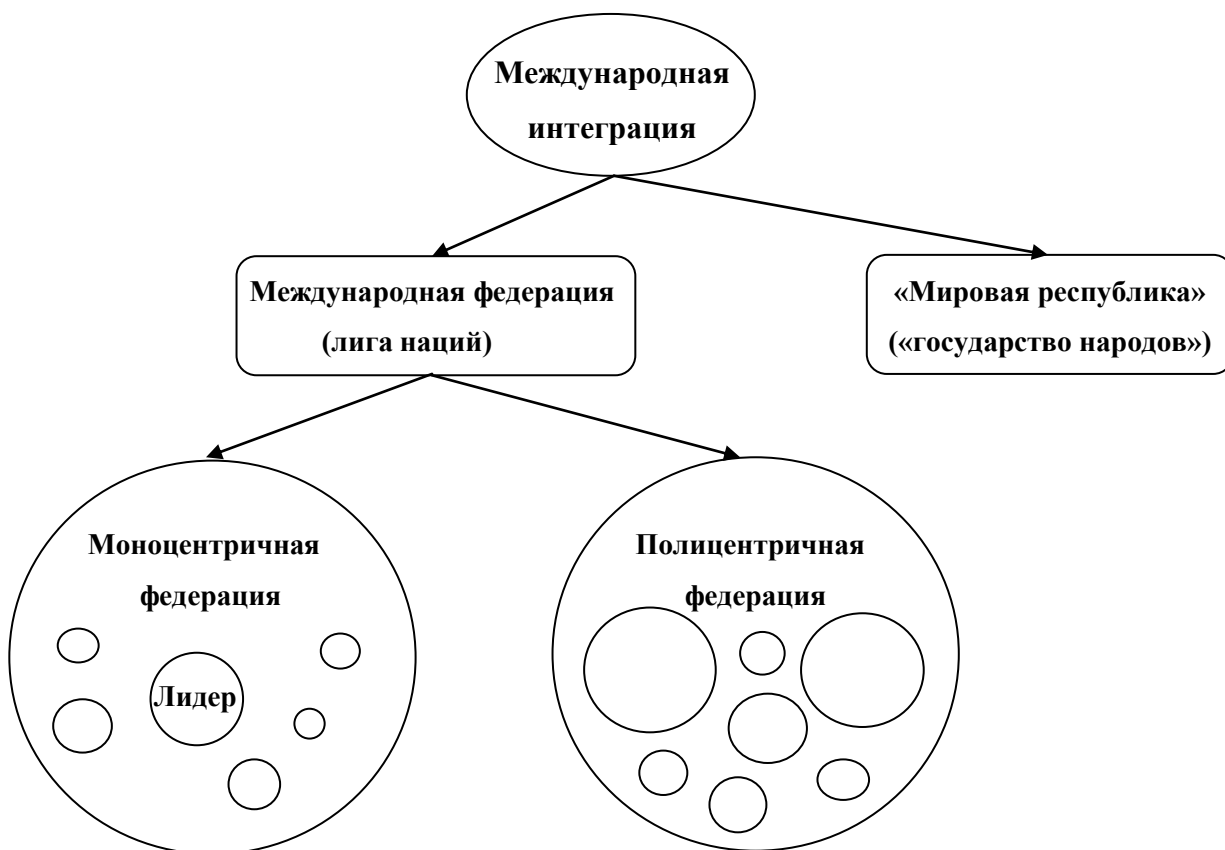
⁷⁷ Camilleri, Joseph A. Alliances and the Emerging Post-Cold War Security System // Leaver and Richardson (eds.). *The Post-Cold War Order: Diagnoses and Prognoses*, p. 88-89; Взгляды российских сторонников «концерта держав» см.: Rogov, Sergey. The Elements of a North-South Security System // Goodby, James E. (ed.). *Regional Conflicts: The Challenge to US-Russian Co-operation*. New York: Oxford University Press, 1995, p. 37; «Большая восьмерка»: возрождение лидерства // *Россия в глобальной политике*, 2003, т. 1, № 2, апрель–июнь, с. 165–193; Дмитриева О. «Восьмерка» будет править миром? // *Российская газета*, 2003, 31 мая, с. 1, 4; Никонов В.А. Назад, к концерту // *Россия в глобальной политике*, 2002, № 1, ноябрь–декабрь.

⁷⁸ *Иммануил Кант*. Соч. в 6-ти тт., т. 6, с. 12.

«гомогенным обществом».⁷⁹ Это общество будет основываться на единых экономических, политических, моральных и культурных нормах, и его главной задачей, как и у кантовской концепции вечного мира, будет обеспечение стабильности и безопасности в общепланетарном масштабе. И хотя, как это признают сами сторонники этой теории, «глобальное гражданское общество» пока еще находится в эмбриональном состоянии, и к нему предстоит еще долгий путь, идеи Канта живы и по-прежнему продолжают питать плодотворные дискуссии относительно оптимальной модели мироустройства (см. схему 4).

⁷⁹ Booth, Kenneth. Security and Emancipation // *Review of International Studies*, 1991, Vol. 17, p. 313-326; Booth, Kenneth. Dare not to Know: International Relations Theory versus the Future // Booth, Ken and Steve Smith (eds.). *International Relations Theory Today*. Cambridge: Polity Press, 1995, p. 342-345; Bull, Hedley. *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. London: Macmillan, 1977, p. 20-22; Halliday, Fred. The Cold War and Its Conclusion: Consequences for International Relations Theory // Leaver and Richardson (eds.). *The Post-Cold War Order: Diagnoses and Prognoses*, p. 21-22; Halliday, Fred. The End of the Cold War and International Relations: Some Analytic and Theoretical Conclusions // Ken Booth and Steve Smith (eds.). *International Relations Theory Today*, p. 49-53; Held D. (ed.). *Prospects for Democracy*. Cambridge: Polity Press, 1993; Linklater, Andrew. The Problem of Community in International Relations // *Alternatives*, 1990, Vol. 15, No. 2, p. 135-153; Linklater, Andrew. *Men and Citizens in the Theory of International Relations*. London: Macmillan, 1990; Linklater, Andrew. *Beyond Realism and Marxism: Critical Theory and International Relations*. London: Macmillan, 1990;

Схема 4. Формы международной интеграции (по И. Канту).

Международная организация: роль права

Кант считал, что, наряду с международными институтами, международное право играет важнейшую роль в преобразовании мира и создании стабильного миропорядка: «Человеческая природа нигде столь не достойна любви, как во взаимных отношениях между народами. В отношении своей самостоятельности или своей собственности никакое государство ни на одно мгновение не гарантировано от посягательств другого... Против этого нет никакого средства, кроме международного права, основанного на публичных и опирающихся на силу законах, которым должно подчиняться каждое государство (по аналогии с гражданским или государственным правом для отдельных лиц)...»⁸⁰ По этой причине Кант уделял большое внимание разработке принципов и норм международного права, хотя и не стремился сделать это самоцелью, ибо право интересовало его не само по себе, а лишь как один из инструментов общественного переустройства.

Кант понимал, что в современный ему период международное право было еще слабой опорой для политиков и надеяться на него – как на средство создания нового миропорядка - можно было только в отдаленном будущем. Он честно признавал, что построение правовых отношений на международном уровне – одна из самых сложных проблем человечества: *«Величайшая проблема для человеческого рода, разрешить которую его вынуждает природа, - достижение всеобщего правового гражданского общества»*.⁸¹

Слабость международного права была обусловлена, по-крайней мере, тремя причинами. Во-первых, государства не хотели следовать его нормам,

⁸⁰ *Иммануил Кант. Соч. в 6-ти тт., т. 4, ч. 2, с. 105-106.*

⁸¹ Там же, т. 6, с. 12.

если оно в чем-то ограничивало свободу их действий. Государства, как писал Кант, лишь на словах лицемерно выражали свое почтение к праву,⁸² в целом же их международно-правовая культура находилась на очень низком уровне. Во-вторых, в отличие от внутригосударственного права, тогдашнее международное право зиждилось на немногочисленных и малоавторитетных источниках,⁸³ а именно – на международных договорах, большая часть которых носила временный характер, содержала множество лазеек, неточностей и редко соблюдалась подписавшими их государствами. Кант пессимистически отмечает: «Еще более неопределенно *международное право*, установленное якобы на основе статутов по министерским проектам; в действительности оно есть слово, не подкрепленное делом, и покоится на договорах, содержащих уже в самом акте их заключения тайную предпосылку их нарушения».⁸⁴ Наконец, в-третьих, само международное право как наука находилось в зачаточном состоянии: ни его предметная область, ни отраслевая структура, ни основные принципы и нормы, ни терминология, ни механизм имплементации еще не были определены. Отчасти этим объясняются критика и насмешки Канта в адрес предшествовавших и современных ему юристов-международников.⁸⁵ И, тем не менее, Кант верил, что ситуация изменится, и международное право со временем обретет должные силу и авторитет.

Как уже отмечалось, вклад Канта в развитие теории международного права и «проекция» последнего на международные отношения были или неверно истолкованы (реалистическая критика «легалистского» или

⁸² Там же, т. 6, с. 273.

⁸³ В соответствии с понятиями современного международного права существуют четыре основных вида его источников – международный договор, международно-правовой обычай, акты международных конференций и совещаний и акты международных организаций (см.: Бирюков П.Н. *Указ. соч.* (общая часть, глава 4).

⁸⁴ *Иммануил Кант*. Соч. в 6-ти тт., т. 6, с. 298.

⁸⁵ См., например его критику в адрес Гроция, Пуфендорфа и Ваттеля: там же, т. 6, с. 273.

«утопического» подхода) или замалчивались (правоведы-международники). Лишь очень немногие специалисты в области международного права по достоинству оценили роль немецкого философа в развитии этой отрасли научного знания.⁸⁶

«Инновационный потенциал» Канта состоял в следующем:

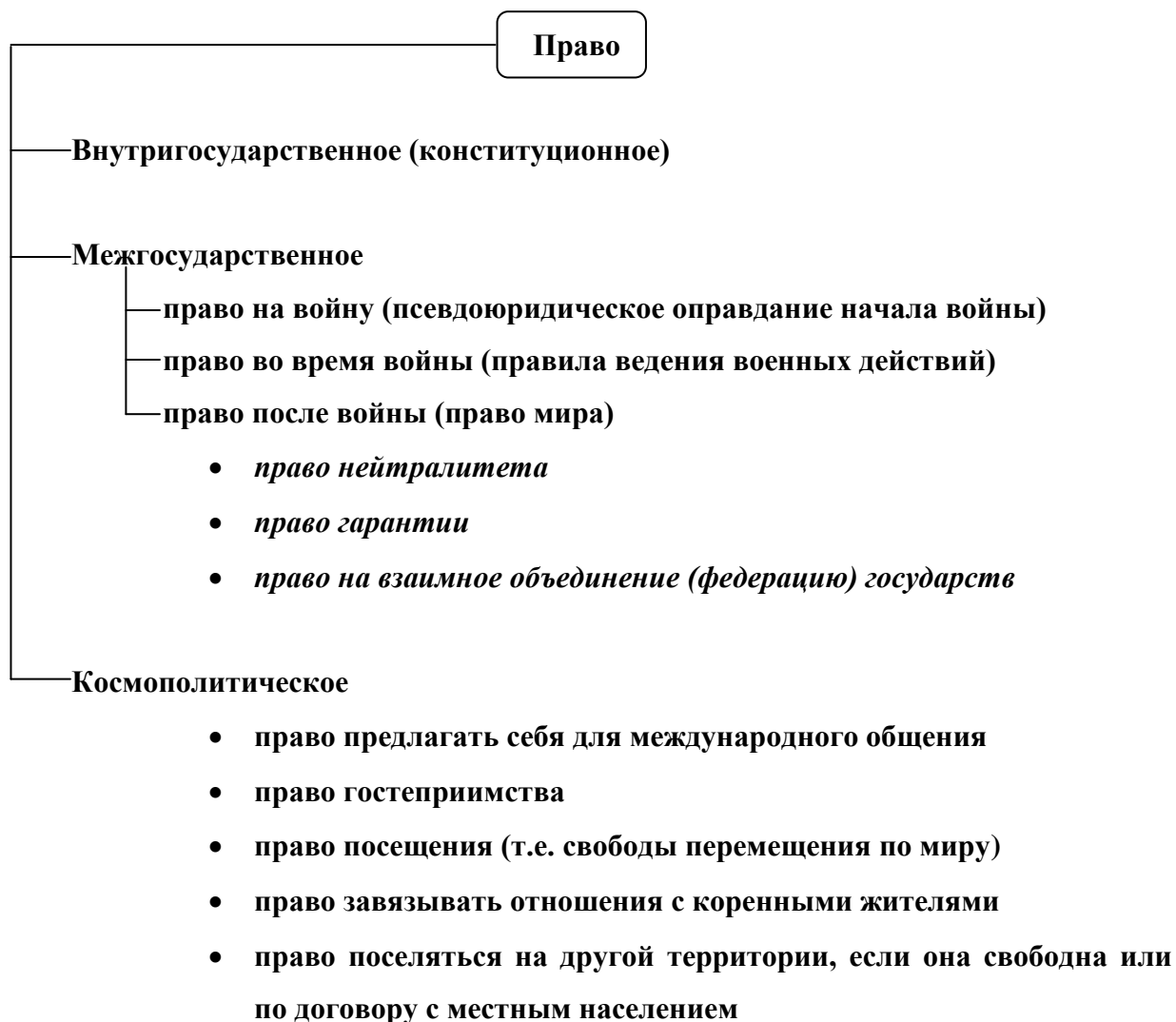
- *Во-первых*, Кант постарался найти место международного права в общей иерархии права как такового (см. схему 5). Он считал, что оно относится к сфере публичного права. В рамках последнего он выделял три вида права:
 1. Государственное (конституционное) право (*jus civitatis*), которое, по его мнению, «представляет собой систему законов, изданных для народа, т.е. множества людей, или для множества народов, которые, оказывая друг на друга влияние, в правовом состоянии, когда действует одна объединяющая их воля, нуждаются в *конституции*, чтобы пользоваться тем, что основано на праве».⁸⁷
 2. Международное право (*jus gentium*), которое Кант определял как право государств в отношении друг к другу. При этом Кант делал оговорку, что латинское слово *gens* (коренной народ) используется в данном случае не совсем правомерно, т.к. в данном разделе права, собственно говоря, речь идет об отношениях не между народами, а между государствами.⁸⁸ Поэтому данный вид права логичнее было бы

⁸⁶ Fain, Haskell. *Normative Politics and the Community of Nations*. Philadelphia: Temple University Press, 1987, p. 11-12, 89-92; Lorimer J. *Op. cit.*, p. 225-227; O'Connell, Daniel. *International Law*. London: Stevens, 1965, p. 38; Remec, Peter P. *The Position of the Individual in International Law According to Grotius and Vattel*. The Hague: Martinus Nijhoff, 1960, p. 23, 31, 45; Wheaton H. *Op. cit.*, p. 750-754.

⁸⁷ *Иммануил Кант*. Соч. в 6-ти тт., т. 4, ч. 2, с. 231.

⁸⁸ Известный юрист-международник начала XX в. Чарльз Фенвик считал, что римский термин *jus gentium* использовался в средние века и новое время в качестве синонима международного права неправильно. В оригинале эта отрасль права, включавшая общие для всех окружающих Рим народы (и для него самого) правовые нормы и обычаи, занималась регулированием правовых отношений

Схема 5. Классификация системы права (по И. Канту).

между частными лицами-гражданами разных государств. Правовые отношения между государствами и народами осуществлялись в рамках права фециалов (*jus fetiale* - порядок объявления войны, заключения мира и договоров) и выделившегося из последнего права войны (*jus bellicum* - правила ведения военных действий) (См.: Fenwick С. *Op. cit.*, p. 11-13). Кстати, предшественник Канта и один из родоначальников теории международного права Г. Гроций проводил различие между *jus gentium* как международным сводом норм обычного права (*jus voluntarium* - добровольно принятое право), регулировавшим отношения физических лиц-подданных разных государств, и *jus naturae* (природное право), которое распространялось на отношения между государствами (т.е. собственно международное право) (Oppenheim. *Op. cit.*, p. 89; см. также: Гроций Г. *О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права.* М., 1956).

назвать межгосударственным правом. Кант отмечал: «Право *государств* в отношении друг к другу, которое не совсем правильно называется *международным* правом – оно должно было бы, скорее, называться межгосударственным (*jus publicum civitatum*), - это то право, которое мы должны рассмотреть под названием международного права...»⁸⁹

3. Право государства народов или право гражданина мира (космополитическое право – *jus cosmopoliticum*), которое вытекает из права индивидов и народов на общение и установление универсальных правил этого общения. «Это право, - писал философ, - поскольку оно имеет ввиду возможное объединение всех народов для [установления] определенных всеобщих законов их возможного общения, можно назвать правом *гражданина мира* (*jus cosmopoliticum*)».⁹⁰

Если межгосударственное право было уже реальностью во времена Канта, то космополитическое право было делом далекого будущего (до конца нереализованным и сейчас), гениальной догадкой великого мыслителя. Международное право в современном понимании пытается охватить кантовскую «проблематику», но, поскольку «государства народов» до сих пор не существует, оно не может претендовать на звание «космополитического права». Ныне оно считает своими субъектами не только государства (хотя последние по-прежнему являются главными акторами), но и нации и народы, борющиеся за свою независимость, международные организации и государствовподобные формирования. Однако оно только-только подходит к тому, чтобы признать правосубъектность членов федерации

⁸⁹ *Иммануил Кант*. Соч. в 6-ти тт., т. 4, ч. 2, с. 269-270.

⁹⁰ Там же, с. 279.

(сложносоставного государства) и физических лиц,⁹¹ что для Канта уже являлось естественным.

Подобная классификация Кантом права имеет, правда, ряд противоречий. Так, относя международное (межгосударственное и космополитическое) право к разряду публичного, Кант, тем не менее, включал в сферу его действия и частных лиц. По его словам, «международное право содержит в себе лишь то, что отличает право народов от права естественного состояния отдельных людей или семей (в отношении друг к другу) таким образом, что в международном праве рассматриваются не только отношения одного государства к другому в целом, но и отдельных лиц одного государства в отношении отдельных же лиц другого, равно как и их отношение к другому государству в целом...»⁹² Определяя содержание космополитического права, Кант, наряду с правовыми нормами, регулирующими поведение государств, входящих во всемирную федерацию, упоминает и права частных лиц-граждан мира (право гостеприимства и посещения других стран).⁹³ И хотя сама по себе постановка вопроса о необходимости включения физических лиц в сферу действия международного права является вполне закономерной, отнесение Кантом международного права только к категории публичного права не совсем верно. Современная юридическая наука считает, что международное право составляет особую отрасль права в целом и, аналогично внутригосударственному (национальному) праву, включает в себя как публичное, так и частное международное право.⁹⁴

⁹¹ См., например: Бирюков П.Н. *Указ. соч.* (общая часть, глава 5).

⁹² *Иммануил Кант.* Соч. в 6-ти тт., т. 4, ч. 2, с. 270.

⁹³ Там же, т. 6, с. 276-277.

⁹⁴ Бирюков П.Н. *Указ. соч.* (общая часть, глава 1).

Будучи сторонником естественного (натурального) права Кант рассматривал правовые отношения между государствами как отношения одного физического или морального лица к другому и потому переносил нормы и правила, распространявшиеся на отдельных лиц, и на межгосударственные отношения. Но, в отличие от сферы действия внутригосударственного права, в международных отношениях не существовало (да и сейчас, за редким исключением, фактически не существует) силы, которая бы имела легитимное право эффективно наказать суверенное государство, нарушившее свои международные обязательства, ибо международное право, одной рукой утверждая необходимость соблюдения его норм и требований, другой рукой постулирует святость и незыблемость национального суверенитета. Наказание виновника или ограничивалось мягкими формами (экономические санкции, бойкот, дипломатические демарши, моральное осуждение), или шло вразрез с принципами и нормами международного права (т.е. имело нелегитимный характер), ибо попирало государственный суверенитет объекта наказания и осуществлялось «по праву сильного» (примеры из новейшей истории – военные интервенции в Афганистане в 1979 и 2001 гг., на Гренаде в 1983 г., Панаме в 1989 г., Югославии в 1999 г., Ираке в 2003 г. и пр.).

- *Во-вторых*, Кант попытался дать собственную классификацию отраслей международного права. В «Метафизике нравов» Кант выделяет 4 элемента международного права (которые, скорее, можно назвать этапами развития международно-правовых отношений):

1. «...государства, рассматриваемые во внешних взаимоотношениях (так же как не подчиняющиеся законам дикари), от природы находятся в

неправовом состоянии...»⁹⁵ То есть Кант опять проводит аналогию между государствами и «моральными» (частными) лицами, а также между становлением общества и правовых отношений на национальном уровне, с одной стороны, и мирового сообщества и международного права – с другой.

2. Это неправовое состояние, продолжает Кант, «есть *состояние* войны (права более сильного), хотя это и не действительная война и не постоянная действительная вражда, которая (поскольку обе стороны не стремятся к ее смягчению), если даже одна сторона тем самым не поступает с другой стороной не по праву, сама по себе в высшей степени несправедлива, почему соседние государства и обязаны выходить из этого состояния...»⁹⁶ Эту фразу не следует понимать как признание Кантом легитимности права войны (права сильного). Наоборот, он всячески критиковал государства за попытки оправдать свою агрессивную политику и безответственное поведение. Он также скептически относился и к праву войны в узком смысле слова, т.е. к своду правил ведения военных действий. Право войны, таким образом, для Канта было отражением незрелости современного ему человечества, порождением состояния постоянной враждебности, состояния, которое должно уйти в небытие вместе с оправдывавшим милитаризм правом войны.
3. Кант считал, что по аналогии с общественным договором, который каждый народ заключал для образования общества и установления правовых отношений, подобное же соглашение должно быть заключено между государствами (идея, которая легла много позже в основу

⁹⁵ Иммануил Кант. Соч. в 6-ти тт., т. 4, ч. 2, с. 270.

⁹⁶ Там же.

уставов Лиги наций, ООН и других международных организаций). «...согласно идее первоначального общественного договора, - пишет Кант, - необходим союз народов не для того, конечно, чтобы вмешиваться во внутренние раздоры другой стороны, а для того, чтобы оказывать друг другу помощь при нападении внешних врагов...»⁹⁷

4. Этот союз народов должен принять форму гибкой федерации, где ее члены сохраняют свой суверенитет и которая должна меняться в зависимости от реалий мировой политики: «...этот союз должен быть не суверенной властью (как в гражданском устройстве), а лишь *товариществом* (федерацией), союзом, который в любое время может быть расторгнут и, стало быть, должен время от времени обновляться...»⁹⁸

Что касается отраслевой структуры международного права в узком значении (как межгосударственного права), то Кант выделял три его вида – 1) право на войну (псевдоюридическое оправдание начала войны); 2) право во время войны (правила ведения военных действий) и 3) право после войны (заключение мирного договора).⁹⁹

Как уже отмечалось, Кант не признавал два первых вида международного права и высмеивал тех юристов, которые пытались создать кодекс правил ведения военных действий (включая Гроция, Пуфендорфа и Ваттеля). Так, в трактате «К вечному миру» он иронически отмечает: «На Гуго Гроция, Пуфендорфа, Ваттеля и многих других (несмотря на то, что они плохие утешители) все еще простодушно ссылаются для *оправдания* военного нападения, хотя созданный ими философский или дипломатический кодекс не имеет, да и не может иметь, ни малейшей *законной* силы (так как

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же, с. 271.

⁹⁹ Там же, с. 270.

государства, как таковые, не находятся под общим внешним принуждением) и не было еще случая, чтобы аргументы, снабженные свидетельствами столь выдающихся мужей, побудили какое-либо государство отказаться от своих замыслов».¹⁰⁰

Полемизируя со сторонниками права войны, Кант отмечал: «Собственно говоря, понятие международного права как права *на* войну нельзя мыслить (ибо это должно быть правом не по общезначимым внешним законам, ограничивающим свободу каждого отдельного человека, а по односторонним максимам каждого силой решать вопрос о праве)...», а далее с сарказмом добавляет: «если только не понимать под ним [правом на войну. – А.С.] следующее: вполне справедливо, что настроенные таким образом люди истребляют друг друга и, следовательно, находят вечный мир в глубокой могиле, скрывающей все ужасы насилия вместе с их виновниками».¹⁰¹

Однако критика Кантом юристов, считавших необходимой разработку права войны, была не совсем справедливой: Кант переоценивал способности человечества понять и принять логику мира, а не войны. Нужно было начать хотя бы с малого: заставить государства принять элементарные правила ведения военных действий, чтобы исключить наиболее жестокие методы войны и разрушительные виды вооружений, максимально защитить права гражданского населения и военнопленных и сохранить возможности для начала мирных переговоров между воюющими сторонами. Этим и занимались правоведы-международники Нового времени (начиная с Г. Гроция),¹⁰² которые, однако, смогли довести свои идеи до тогдашних

¹⁰⁰ Там же, т. 6, с. 273.

¹⁰¹ Там же, с. 275.

¹⁰² Гроций был первым, кто дал систематическое изложение законов войны и попытался встроить их в систему тогдашнего международного права (см.: Гроций Г. *О праве войны и мира*). Однако, сама по себе идея установления правил войны родилась задолго до него. Как отмечалось ранее, уже в Древнем Риме в рамках *jus bellicum* существовало представление о допустимых и

правителей мира, а, тем более, настоять на принятии соответствующих международных конвенций далеко не сразу. Первые международные соглашения, устанавливавшие правила в отдельных отраслях военных действий (Парижская декларация о законах войны на море 1856 г., Женевская конвенция об улучшении положения раненых на поле боя 1864 г., Санкт-Петербургская декларация о запрещении определенных видов снарядов 1868 г.),¹⁰³ отстояли от работ Гроция почти на два с половиной столетия. Решения же Гаагских конференций, где были приняты первые всеобъемлющие и детальные своды правил ведения войны, состоялись еще позже - в 1899 и 1907 гг.

К тому же Кант, признавая справедливость оборонительной войны, понимал, что определенные правила ее ведения должны существовать, дабы исключить возможность ее превращения из справедливой в несправедливую, захватническую войну.¹⁰⁴ Наконец, перечисляя статьи предполагаемого договора о вечном мире, в пунктах 2 и 6 он сам, по сути дела, сформулировал некоторые базисные правила ведения войны (что не согласуется с его прежними упреками и насмешками в адрес разработчиков этой отрасли права). В частности он настаивал на необходимости исключения из арсенала войны таких методов, как передача наемников из одного государства в другое

недопустимых методах ведения войны (так, римляне осуждали предательство, засылку наемных убийц из-за рубежа, запрещали использование отравленных стрел, копий и пр.) (См.: Fenwick C. *Op. cit.*, p. 13). В средние века целый ряд юристов и теологов обращались к этой теме, написав соответствующие трактаты: профессор права Болонского университета Ленано (1360 г.), другой итальянский юрист и государственный деятель Белли (1563 г.), немецкий юрист Брунус (1548 г.), профессор Университета Саламанки Витория (1557 г.), испанец по происхождению, военный судья в армии Пармского князя Айяла (1582 г.), испанский иезуит и профессор права в Коимбре Суареш (1612 г.) (он, кстати, одним из первых высказал мысль о необходимости принятия закона, который бы объединил государства в международное сообщество). Особенно большое влияние на Гроция оказали труды о праве войны итальянского юриста, ставшего позже профессором в Оксфордском университете Джентилиса (1589 и 1598 гг.) (Oppenheim L. *Op. cit.*, Vol. 1, p. 86-87).

¹⁰³ Oppenheim L. *Op. cit.*, Vol. 2, p. 227-228.

¹⁰⁴ Иммануил Кант. Соч. в 6-ти тт., т. 4, ч. 2, с. 276-277; т. 6, с. 261.

для ведения военных действий, шпионаж, засылка наемных убийц и отравителей, нарушение условий капитуляции, подстрекательство к измене в государстве неприятеля и пр.¹⁰⁵ В «Метафизике нравов» Кант относит к запрещенным методам ведения войны «метких стрелков, подстерегающих в засаде одиночек», распространение ложных слухов, мародерство и пр.¹⁰⁶ Он напоминал, что, даже ведя военные действия против врага, нужно помнить, что, в конечном счете, с ним все равно придется вести переговоры о мире, поэтому нужно избегать бесчестных методов, дабы окончательно не подорвать доверие друг к другу. «Ведь и во время войны, писал Кант, - должно оставаться хоть какое-нибудь доверие к образу мыслей врага, потому что иначе нельзя заключить мир и враждебные действия превратятся в истребительную войну (*bellum internecinum*)».¹⁰⁷ Истребительную же войну, по мнению Канта, выиграть невозможно. Он с грустью отмечал: «...истребительная война, в которой могут быть уничтожены обе стороны, а вместе с ними и всякое право, привела бы к вечному миру лишь на гигантском кладбище человечества. Следовательно, подобная война, а стало быть, и применение средств, ведущих к ней, должны быть безусловно запрещены».¹⁰⁸ Опять-таки приходится только удивляться прозорливости немецкого философа, который за полтора столетия до появления ядерного оружия пришел к идее о бессмысленности и недопустимости тотальных войн, ибо они грозят гибелью всего человечества.

Что касается права после войны, то под ним Кант понимал процедуру заключения мирного договора и создание системы гарантий по недопущению новой войны. Для того, чтобы мирное соглашение было долговечным, Кант

¹⁰⁵ Там же, т. 6, с. 261, 263-264.

¹⁰⁶ Там же, т. 4, ч. 2, с. 275.

¹⁰⁷ Там же, т.6, с. 263.

¹⁰⁸ Там же, с. 264.

предлагал ряд условий, которым должны следовать как победители, так и побежденные. Он считал, что победитель не имеет права требовать возмещения военных расходов, т.к. это превратило бы войну в карательную и тем самым заложило бы основы для новой (реваншистской) войны (как тут не вспомнить печальные уроки Версальской системы). Должен быть произведен полный обмен военнопленными (без всякого выкупа). Кант считал недопустимым ликвидацию гражданских свобод в побежденной стране и ее превращение в колонию, а граждан – в «холопов». Результатом мирного договора также должна быть амнистия.¹⁰⁹ В современной юридической и политологической науке эта совокупность мер получила название «послевоенного урегулирования» или «постконфликтного построения мира».

- *В-третьих*, Кант, по сути дела, ввел новые отрасли и разделы международного права.

Так, когда он говорил в «Метафизике нравов» о праве «государств, рассматриваемых во внешних взаимоотношениях с другими государствами»,¹¹⁰ то он, по сути дела, предугадал возникновение такой отрасли международного права, как право внешних сношений, которое в ту пору еще не выделилось в самостоятельную область.

Кант также впервые выпукло очертил принцип ответственности государств за выполнение международных обязательств,¹¹¹ тем самым существенно продвинув ту отрасль международного права, которая ныне называется право международных договоров. Вместе с тем, понимая необходимость обновления международных договоров в соответствии с динамично изменяющейся международной обстановкой, Кант выступал в пользу своевременного пересмотра ранее заключенных соглашений.

¹⁰⁹ Там же, т. 4, ч. 2, с. 275-276.

¹¹⁰ Там же, с. 270.

¹¹¹ Там же, т.6, с. 305-306.

Предложив создание федерации (конгресса, союза, товарищества), основанной на договоре о вечном мире, Кант тем самым поставил вопрос о создании еще одной отрасли международного права – права международных организаций и конференций. В век господства государствоцентричного подхода и культа национального суверенитета это было более чем смелой мыслью.

Кант также первым попытался сформулировать суть права мира (в современной терминологии – право международной безопасности). До него юристы-международники (особенно Гроций) понимали под правом мира порядок ведения переговоров и заключения мирных договоров (т.е. раздел права международных договоров).¹¹² Кант же предложил более обобщенное видение права мира, считая, что оно состоит из трех разделов:

1. «...право находиться в состоянии мира, когда по соседству идет война, или право *нейтралитета*».¹¹³
2. «...право требовать уверения в прочности заключенного мира, т.е. право *гарантии*».
3. «...право на взаимное *объединение* (федерацию) ряда государств для совместной защиты от любых внешних или внутренних возможных нападений, но не на объединение для нападения или внутренних завоеваний».

Будучи дополненным международно-правовыми принципами, положенными в основу проекта вечного мира, право мира приобретает у Канта вполне законченный вид, и его ценность остается непреходящей до сих пор. К сожалению, и эта новация Канта не нашла должного отклика ни у его современников, ни у более поздних юристов-международников. Часть

¹¹² См. : Гроций Г. *О праве войны и мира*.

¹¹³ Здесь и далее по: *Иммануил Кант*. Соч. в 6-ти тт., т. 4, ч. 2, с. 276.

позднейших авторов использовала термин «право мира», но это было или названием раздела в праве международных договоров¹¹⁴ или аналогом понятия международного права в целом.¹¹⁵ Однако в полной мере можно говорить о возникновении права международной безопасности как самостоятельной отрасли международного права только в отношении второй половины XX в. (после создания ООН).¹¹⁶

Предложив право гражданина мира, Кант также ввел ряд новых отраслей международного права, которые ныне носят название «международное гуманитарное право» и «международное частное коммерческое право». Кант считал, что сама природа (Провидение) делает человека гражданином мира: «...все народы первоначально состоят в общности земли, но не в правовой общности владения (*communio*) и тем самым не в общности пользования землей или собственности на землю, а в физическом возможном взаимоотношении (*commercium*), т.е. во всестороннем отношении одного ко всем остальным, для того чтобы предлагать себя для взаимного общения; [каждый человек] имеет право пытаться вступать в такое общение, и за это чужестранец не вправе встречать его как врага».¹¹⁷

Кант прекрасно видел трудности на пути распространения норм космополитического права. Он отдавал себе отчет в том, что в районах особенно интенсивного общения людей интересы последних сталкиваются чаще, чем в других регионах планеты, и почва для разного рода злоупотреблений как нигде благоприятна. Уже тогда он пришел к тому, что его последователи из числа неолибералов в 1970-е гг. назвали теорией взаимозависимости: разные, казалось бы, независимые друг от друга народы,

¹¹⁴ См., например: Lauterpacht, Hersch. *International Law*. Vol. 2: The Law of Peace. Cambridge: Cambridge University Press, 1975; Oppenheim L. *Op. cit.*, Vol. 1: Peace.

¹¹⁵ Van Vollenhoven C. *The Law of Peace*.

¹¹⁶ Бирюков П.Н. *Указ. соч.* (особенная часть, глава 16).

¹¹⁷ *Иммануил Кант*. Соч. в 6-ти тт., т. 4, ч. 2, с. 279.

на самом деле, оказывались в зависимости от поступков друг друга. Он пророчески утверждал, что «зло и насилие в каком-либо одном месте нашего земного шара чувствуются повсеместно».¹¹⁸ Именно из этой взаимозависимости он выводил непреложность норм космополитического права, неодолимость движения человечества к его принципам. «Более или менее тесное общение между народами земли развилось повсюду настолько, что нарушение права в *одном* месте чувствуется во *всех* других. Из этого видно, что идея права всемирного гражданства есть не фантастическое или нелепое представление о праве, а необходимое дополнение неписанного кодекса государственного и международного права к публичному праву человека вообще и потому к вечному миру. И только при этом условии можно надеяться, что мы постоянно приближаемся к нему».¹¹⁹

Кант не оставил подробной характеристики содержания космополитического права, кроме нескольких базовых принципов: 1) право предлагать себя для международного общения; 2) право гостеприимства («право каждого чужестранца на то, чтобы тот, в чью страну он прибыл, не обращался с ним как с врагом»); 3) право посещения (т.е. свободы перемещения по миру), «принадлежащее всем людям, сознающих себя членами общества, в силу права общего владения земной поверхностью, на которой, как на поверхности шара, люди не могут рассеяться до бесконечности и потому должны терпеть соседство других...»; 4) право завязывать отношения с коренными жителями; 4) поселяться на другой территории, если она свободна или по договору с местным населением.¹²⁰ Однако уже в этих - достаточно общих - принципах проглядывается содержание прав человека в глобализованном мире.

¹¹⁸ Там же, с. 280.

¹¹⁹ Там же, т. 6, с. 279.

¹²⁰ Там же, т. 4, ч. 2, с. 279; т. 6, с. 276-277.

Как уже отмечалось, Кант совершил прорыв (правда, замеченный юристами-международниками далеко не сразу – лишь во второй половине XX в.) в теории международного права в вопросе о международной правосубъектности. В отличие от традиционной теории международного права, считавшей государство единственным субъектом этого права, Кант допускал в качестве таковых и международные организации и конференции, а также народы (не государства) и физических лиц.¹²¹

- *В-четвертых*, в своих трудах («К вечному миру» и «Метафизика нравов») Кант систематизировал и подробно охарактеризовал основные принципы международного права, которые в то время еще имели характер международно-правовых обычаев (они приобрели договорно-правовую форму только с принятием Устава ООН). Любопытно, что в его работах уже можно обнаружить все 10 ныне известных и общепринятых принципов международного права, хотя подчас и в несколько отличной от современной формулировке:

1. *Принцип суверенного равенства государств и уважения прав, присущих суверенитету.* Как известно, в соответствии с этим принципом все государства в международных отношениях пользуются суверенным равенством, имеют равные права и обязанности и являются равноправными членами мирового сообщества. Кант специально подчеркивал: «Идея международного права предполагает *раздельное существование* многих соседних государств, независимых друг от друга».¹²² Предлагая создание федерации для достижения вечного мира, Кант характеризует ее как «свободную ассоциацию», «союз», «товарищество» суверенных и равноправных государств, над которыми

¹²¹ Там же, т. 4, ч. 2, с. 270, 278; т. 6, с. 16, 18, 21, 266, 274-275, 307.

¹²² Там же, т. 6, с. 286.

не существует верховной власти и которые свободны в своих действиях (за исключением сферы, оговоренной в договоре).¹²³

2. *Принцип неприменения силы или угрозы силой.* Согласно этому принципу все государства в международных отношениях обязаны воздерживаться от угрозы силой или ее применения против территориальной неприкосновенности и политической независимости других государств. Выше уже говорилось о том, что Кант не признавал насилие в качестве инструмента международной деятельности и даже описывал хитрости и приемы, к которым прибегают недобросовестные политики.¹²⁴ Особому осуждению Канта подвергся такой инструмент силовой политики как война, который не только приносит неисчислимы страдания человечеству, но и подрывает доверие между государствами и пагубно воздействует на общество.¹²⁵

Кант описывает возможные последствия нарушения принципа неприменения силы, когда государства прибегают к насилию во внешних отношениях: «В самом деле, так как каждый из них нарушает свой долг по отношению к другому, который в свою очередь выступает против него с точно такими же противными праву побуждениями, то обе стороны получают по заслугам, если они истребляют друг друга...»¹²⁶

Хотя Кант считал, что никакое применение силы или угрозы силой не должно использоваться как средство урегулирования международных споров, все же в случае агрессии или нарушения суверенитета, территориальной целостности и политической независимости того или иного государства,

¹²³ Там же, с. 271-272, 305.

¹²⁴ Там же, с. 295.

¹²⁵ Там же, с. 273-275, 284.

¹²⁶ Там же, с. 301.

страна, подвергшаяся агрессии, имеет право на индивидуальную и коллективную самооборону.¹²⁷

Задолго до Устава ООН Кант объявил войны (особенно агрессивные) преступлениями против мира и человечества, а государства-агрессоры, по его мнению, должны нести ответственность по международному праву. Он также выступал против пропаганды войны. Кант даже предлагал после окончания войны и заключения мирного договора назначить «день покаяния, чтобы от имени государства взывать к небу о прощении того великого прегрешения, в котором все еще повинно человечество, не желающее соединить все народы в какое-нибудь правовое устройство, а, гордое своей независимостью, предпочитающее использовать варварское средство – войну...»¹²⁸

В соответствии с принципом неприменения силы территория государства не может быть объектом приобретения другим государством в результате угрозы силой или ее применения. Кант писал по этому поводу: «Ни одно самостоятельное государство (большое или малое – это безразлично) не должно быть приобретено другим государством ни по наследству, ни в обмен, ни куплей, ни в виде дара».¹²⁹ Совершенно в духе современного международного права никакие территориальные приобретения, являвшиеся результатом угрозы силой, не признавались Кантом законными. Так, характеризуя содержание договора о вечном мире, он подчеркивает, что «...договор связывает государства лишь для того, чтобы поддерживать мир между этими государствами и по отношению к другим государствам, но ни в коем случае не для того, чтобы делать приобретения».¹³⁰

¹²⁷ Там же, т. 4, ч. 2, с. 277; т.6, с. 261, 277-278.

¹²⁸ Там же, т. 6, с. 275-276 (примечание).

¹²⁹ Там же, с. 260.

¹³⁰ Там же, с. 305.

Согласно этому принципу государства обязаны воздерживаться от актов репрессалий, связанных с применением вооруженных сил, от организации и поощрения иррегулярных сил или вооруженных банд, в том числе наемников, для вторжения на территорию другого государства. В трактате о вечном мире Кант прямо указывает, что к запрещенным методам международной деятельности «следует отнести и передачу войск одного государства другому в качестве наемников, используемых против необщего врага...».¹³¹

3. *Принцип мирного разрешения международных споров*, состоящий в том, что государства обязаны решать свои международные споры с другими государствами мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир, безопасность и справедливость. Кант считал, что для «законного решения их споров» необходимо «объединение государства с соседними или даже отдаленными государствами (по аналогии со всеобщим государством)».¹³² Кант также настаивал на том, что государства должны исчерпать все возможности для мирного разрешения конфликта, прежде чем начать войну. Так, он рекомендовал даже государствам, уже вооружившимся для войны, не торопиться с началом военных действий и посоветоваться со своими подданными (прежде всего, с философами) относительно возможного мирного выхода из сложившейся ситуации.¹³³ Его мысль о том, что решение о вступлении в войну должно приниматься не правителями, а народом, также направлена на предпочтение мирных средств решения международных споров. При этом споры государств должны разрешаться на основе принципа суверенного равенства, в соответствии

¹³¹ Там же, с. 261.

¹³² Там же, с. 300.

¹³³ Там же, с. 288-289.

с принципом свободного выбора средств разрешения спора. Среди последних, наряду с мирными переговорами на двусторонней основе, Кант называл третейский суд и посредничество.¹³⁴

4. *Принцип невмешательства во внутренние дела государств*, предполагающий, что каждое государство имеет право самостоятельно выбирать свою политическую, экономическую, социальную или культурную систему без вмешательства со стороны других государств. В этой связи государства: а) не имеют права прямо или косвенно вмешиваться во внутренние или внешние дела другого государства; б) не должны поощрять подрывную деятельность, направленную на изменение строя другого государства путем насилия; а также в) не должны вмешиваться во внутреннюю борьбу в другом государстве, воздерживаться от оказания помощи террористической или подрывной деятельности.

Принцип невмешательства особенно тщательно проработан в трудах Канта. В трактате о вечном мире говорится: «Ни одно государство не должно насильственно вмешиваться в политическое устройство и правление других государств».¹³⁵ Причем, Кант осуждал не только политические, но и экономические методы вмешательства: «Государственные долги не должны использоваться для внешнеполитических дел».¹³⁶ Он считал, что при определенных обстоятельствах использование финансовых рычагов против того или иного государства может быть не менее разрушительным, чем война.

При этом Кант считал неприемлемым вмешательство в дела даже тех государств, чья внутренняя организация кажется отсталой, реакционной и не

¹³⁴ Там же, т. 4, ч. 2, с.278.

¹³⁵ Там же, т.6, с. 262.

¹³⁶ Там же, с. 262.

устраивает соседей. Он подчеркивал (послушали бы эти слова великого мыслителя современные лидеры США и некоторых европейских стран: написано как будто бы для них и про свергнутые ими режимы С. Милошевича и С. Хусейна): «...от государства нельзя требовать, чтобы оно отказалось от своего, хотя бы и деспотического, устройства (более сильного, однако, по отношению к внешним врагам) до тех пор, пока ему грозит опасность быть немедленно поглощенным другими государствами. Следовательно, при таком положении должно быть дозволено замедленное осуществление нового устройства до более благоприятных времен».¹³⁷ Кант тем самым напоминает, во-первых, о том, что, один или два раза покусившись на категории национального суверенитета и территориальной неприкосновенности государств, лежащих в основе международного права, невозможно добиться их соблюдения другими (а это грозит хаосом в международных отношениях), а, во-вторых, что все внутренние преобразования должны вырваться сами, быть естественным результатом глубинных процессов (навязанное же извне государственно-политическое устройство может не прижиться на старой, неподготовленной предшествующим органическим развитием, почве).

Кант также предостерегал от внешнего вмешательства во внутренние конфликты, ибо это не только может обернуться их еще большим обострением, но и иметь непредсказуемые последствия для системы международных отношений в целом, ибо другие государства могут поддаваться такому же соблазну и начать подогреть конфликты в соседних странах. Кант подчеркивал, что «до тех пор пока этот внутренний спор не решен, вмешательство посторонних держав означает нарушение прав независимого народа, борющегося со своей внутренней болезнью. Такое вмешательство,

¹³⁷ Там же, с. 293.

следовательно, было бы дурным примером для других и угрожало бы автономии всех государств».¹³⁸

Однако принцип невмешательства во внутренние дела никогда не являлся абсолютным в международном праве. Так, в соответствии с главой VII Устава ООН он, например, не затрагивает принудительных мер, применяемых по решению Совета Безопасности ООН для обеспечения международного мира и безопасности. Кант тоже считал, что в определенных случаях вмешательство извне (в виде помощи) может остановить хаос и неконтролируемые процессы в государстве, неспособном поддерживать внутреннее единство и порядок. По его мнению, к вмешательству во внутренние дела «нельзя отнести тот случай, когда государство вследствие внутренних неурядиц распалось на две части, каждая из которых представляет собой отдельное государство, претендующее на полную самостоятельность; если одному из них будет оказана помощь посторонним государством, то это нельзя рассматривать как вмешательство в политическое устройство другого (иначе возникла бы анархия)».¹³⁹ Главное, чтобы эта внешняя помощь не была обращена против соседей и не способствовала дальнейшему обострению конфликта.

5. *Принцип территориальной целостности государств.* Кант был убежден в том, что государства должны уважать территориальную целостность друг друга и воздерживаться от любых действий, создающих ей угрозу. Так, он критиковал «поглощение *малого* государства, считающееся извинительной мелочью, если благодаря этому выигрывает гораздо *большее* государство, якобы для общего блага».¹⁴⁰

¹³⁸ Там же, с. 263.

¹³⁹ Там же, с. 263.

¹⁴⁰ Там же, с. 307-308.

6. *Принцип нерушимости границ*, который вытекает из предшествующего принципа и заключается в том, что государства рассматривают, как нерушимые, все границы друг друга и границы всех государств и должны воздерживаться от любых требований или действий, направленных на захват части или всей территории другого государства. Разбирая в трактате о вечном мире гипотетическую ситуацию, Кант считал неприемлемой аннексионистскую политику большого государства в отношении малого государства, даже если последнее расположено так, что нарушает связь между частями первого.¹⁴¹
7. *Принцип уважения прав человека*. Защита прав человека – краеугольный камень философии Канта. Он писал со свойственной ему категоричностью: «Право человека должно считаться священным, каких бы жертв ни стоило это господствующей власти».¹⁴² Будучи сторонником доктрины естественных и неотчуждаемых прав человека, Кант переносил эту теорию и на международные отношения. Предшественники Канта (да и многие юристы-международники, жившие позже его) в основном были заинтересованы в том, как обеспечить права иностранцев, оказывавшихся в чуждой им культурно-правовой среде, т.е. воспринимали индивида как гражданина/подданного определенной страны. Созданная же Кантом особая отрасль международного права – право всемирного гражданства – была призвана сформулировать права человека как гражданина не только соответствующего государства, но и всего мира. Он верил, что, помимо базовых прав человека, в сфере международных отношений

¹⁴¹ Там же, с. 306.

¹⁴² Там же, с. 302.

человеку должны быть обеспечены такие права, как свобода передвижения и общения с другими индивидами и народами.¹⁴³ Эти права должны содействовать развитию сотрудничества между разными странами и народами, служить своего рода дополнительными узлами, скрепляющими всемирную федерацию. Эти взгляды Канта соответствуют современным нормам международного права, исходящего из тезиса о том, что уважение прав и свобод человека - составная часть всеобъемлющей системы международной безопасности. Государства обязаны уважать права человека и основные свободы для всех, без различия расы, пола, языка или религии.

8. *Принцип права на самоопределение народов и наций*, суть которого состоит в том, что все народы вправе свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и свое экономическое, социальное и культурное развитие. Способами осуществления народом права на самоопределение являются: создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, установление любого иного политического статуса, свободно избранного народом. Государства обязаны воздерживаться от любых насильственных действий, лишаящих народы права на самоопределение. Как уже отмечалось, Кант выступал против превращения в колонии побежденных стран и навязывание им иного государственного устройства.¹⁴⁴ Кант верил в то, что всемирная федерация мира защитит даже малые государства от вмешательства извне и даст им возможность самим определять свое

¹⁴³ Там же, с. 276.

¹⁴⁴ Там же, т. 4, ч. 2, с. 275-276.

будущее.¹⁴⁵ Несмотря на то, что он выступал резко против революции как метода общественного переустройства, тем не менее, он призывал другие государства уважать право народа на выбор своего общественно-политического устройства и не одобрял создание коалиций для реставрации свергнутых монархов (например, антифранцузской коалиции конца XVIII-начала XIX вв.).¹⁴⁶

9. *Принцип сотрудничества между государствами.* Кант считал, что государства должны сотрудничать друг с другом в соответствии с целями и принципами заключенных соглашений (всемирной федерации мира). По его мнению, к этому сотрудничеству их побуждает сама природа (Провидение).¹⁴⁷ Развивая сотрудничество, государства должны содействовать взаимопониманию и доверию, дружественным отношениям между собой, повышать благосостояние народов.

10. *Принцип добросовестного выполнения международных обязательств.* Кант, как и современное международное право, считал, что государства обязаны добросовестно выполнять взятые на себя международные обязательства и осуждал случаи нарушения международных договоров.¹⁴⁸ Он даже считал возможным создание коалиций государств для наказания страны, нарушившей условия международного договора. Но он оговаривался при этом, что действия такой коалиции должны быть направлены только на лишение нарушителя агрессивного потенциала, а не на разделение или разрушение этой страны.¹⁴⁹

¹⁴⁵ Там же, т.6, с. 306-308.

¹⁴⁶ Там же, т. 4, ч. 2, с. 245-246.

¹⁴⁷ Там же, т. 6, с. 15, 18-19, 279-288.

¹⁴⁸ Там же, с. 305-306.

¹⁴⁹ Там же, т. 4, ч. 2, с. 277.

Таким образом, Кант не только дал оценку теоретическим разработкам в сфере международного права своих предшественников, но и сам внес немалый вклад в развитие международно-правовой доктрины, а также систематизацию этой отрасли права. Немаловажно также и то, что Кант постарался увязать международное право с конкретными перспективами и способами переустройства современной ему системы международных отношений с целью создания более безопасного и стабильного мира.

Мораль и политика

Кант уделял большое внимание соотношению морали и политики, ибо считал, что мораль должна служить основой для последней (впрочем, как и для других сфер общественной жизни – права, религии и пр.). В этом плане Кант был продолжателем линии французского философа-скептика Пьера Бейля (1647-1706 гг.). Бейль доказывал, что мораль автономна от религии. Возможно общество, состоящее из одних атеистов, но, тем не менее, высоконравственное.¹⁵⁰ Кант идет еще дальше и доказывает, что не религия лежит в основе морали, а, наоборот, мораль – единственная философская основа религии. По Канту, религиозная вера не может быть обоснована как теоретическое знание и выведена из деятельности или форм теоретического разума. Наоборот, практический разум, моральное сознание обосновывают философскую необходимость веры. При этом бог для Канта – отнюдь не то, что предлагает христианство, в догматы которого (святая троица, воплощение бога в человеке, воскресение, вознесение и пр.) он не верит. Для него предметы веры имеют не реальный онтологический, а символический характер. Они представляют собой символы нравственной задачи, которая выдвигается перед человеком его собственной нравственной природой. Кант превращает бога в понятие нравственного постулата, а веру в него – в постулат практического разума.

Как уже отмечалось, Кант весьма скептически относился к изначальной природе человека, считая, что большинство людей склонно ко злу. В своей работе «Об изначальном злом в человеческой природе» (1792 г.), где он наиболее систематически изложил свое учение о морали, Кант выделял три основных причины такой предрасположенности:

¹⁵⁰ Там же, т. 4, ч. 2, с. 442.

- «...слабость человеческого сердца в соблюдении принятых максим вообще, или *хрупкость* человеческой природы...»
- «...предрасположение к смешению неморальных мотивов с моральными (даже если это происходит с добрым намерением и сообразно максиме добра), т.е. *отсутствие чистоты*...»
- «...предрасположение к принятию злых максим, т.е. *злонравность* человеческой природы или человеческого сердца...»¹⁵¹

Вместе с тем, Кант считал, что человека можно изменить в лучшую сторону. Во-первых, в нем заложены определенные задатки, которые могут способствовать моральному совершенствованию человека. Как уже отмечалось, Кант выделял три группы первоначальных задатков доброго в человеческой природе:

- Задатки *животности* человека как живого существа (стремление к самосохранению, продолжению рода и общению с другими людьми).
- Задатки *человечности* его как существа живого и вместе с тем разумного (наклонность судить о себе как о счастливом или несчастном человеке в сравнении с другими людьми).
- Задатки его *личности* как «способность воспринимать уважение к моральному закону...»¹⁵²

Кант допускал, что при определенных условиях две первых группы задатков могут «сработать» и в противоположном добру направлении и превратиться в пороки (хотя они и не возникают сами собой из этих задатков как первопричины). Так, пороки, возникающие на основе задатков животности, Кант называл пороками «естественной грубости», а при наибольшем отступлении от первоначальных целей задатков – «скотскими

¹⁵¹ Там же, с. 31.

¹⁵² Там же, с. 29.

пороками» (обжорство, похоть и «дикое беззаконие»). При отклонении от задатков человечности возникают такие пороки, как ревность, соперничество, зависть, неблагодарность, злорадство и пр., которые философ называет «дьявольскими пороками».¹⁵³ И лишь третий вид задатков (задатки личности), если они прочно укоренились в человеке, не предполагает отступление от морального закона и добродетели.

Причина, почему возможны отклонения от первых двух видов задатков и невозможно отступление от третьей группы задатков, коренится в их различном соотношении с категорией разума. По Канту, из трех видов задатков «...*первый* не коренится ни в каком разуме; *второй* коренится хотя и в практическом, но подчиненном другим мотивам разуме и только *третий* сам по себе коренится в практическом, т.е. безусловно законодательствующем, разуме».¹⁵⁴ И, тем не менее, несмотря на все «подводные камни», даже две первых группы задатков объективно работают на исполнение нравственного закона, заключенного в человеке.

Задатки доброго не исчезают даже у злого, порочного человека, ибо они изначально заложены в нем, и он не в состоянии избавиться от них. Кант подчеркивает: «Восстановление первоначальных задатков доброго в нас есть, следовательно, не приобретение *утраченного* побуждения к добродетели, ибо это побуждение, состоящее в уважении к моральному закону, мы никогда потерять не можем, а если бы это было возможно, то мы никогда не могли бы приобрести его вновь».¹⁵⁵ Нравственный закон «пробивает» себе дорогу даже в тех людях, которые, казалось бы, потеряны для добродетели. Причем, главным мотивом восстановления этого морального закона является сам этот закон, который при определенных условиях и при желании самого человека

¹⁵³ Там же, с. 28-29.

¹⁵⁴ Там же, с. 29.

¹⁵⁵ Там же, с. 50.

превращается в основу его мировоззрения и поведения. По Канту, возрождение первоначальных задатков добра в человеке «...есть только восстановление *чистоты* морального закона как высшего основания всех наших максим, согласно которой моральный закон не только не должен быть связан с другими мотивами и тем более подчиняться им (склонностям) как условиям, а должен быть в своей полной чистоте принят в максимы как сам по себе *достаточный* мотив определения произвола».¹⁵⁶

Правда, при этом Кант не поясняет, какие же факторы и обстоятельства «воскрешают» этот моральный закон и заставляют его работать в пользу морального совершенствования человека. По этому пункту у Канта имеются принципиальные расхождения с другими философскими школами. Многие направления религиозной философии считают, что основа морального возрождения или преобразования грешника – божья воля, воля же самого человека – вещь второстепенная. Существуют, правда, религиозно-философские системы, считающие, что именно воля человека (и только она) может привести к богу и, соответственно, моральному преобразению человека. Марксизм же, наоборот, старался перенести вопрос о моральном совершенствовании человечества из сферы идеального в область материального, а именно: он считал, что мораль общества и индивидуальное моральное сознание меняются в зависимости от социальных условий. Во внезапное пробуждение кантовского «морального сознания» в человеке марксисты не верили.

Впрочем, Кант (и для него это - вторая группа факторов, делающих возможными моральное совершенствование человека) не отрицал, что система общественного воспитания также может оказаться полезной для изживания пороков и изменения человека к лучшему, хотя она и менее

¹⁵⁶ Там же.

эффективна, чем пробуждение в человеке заложенного внутри нравственного закона. При этом Кант считал наиважнейшим средством перевоспитания человека силу примера. Пример гораздо более эффективней, чем уговоры или другие формы убеждения. Так, он отмечал: «Тем, что ставят в *пример* доброго человека (что касается законосообразности поступка) и дают своим ученикам в области морали судить о нечистоте некоторых максим по действительным мотивам поступков, задатки добродетели необычайно развиваются и постепенно переходят в образ мыслей, так что долг ради одного только долга начинает получать в их сердцах заметный вес».¹⁵⁷

Кант выделяет два способа достижения добродетели и, соответственно, два ее типа. Первый тип он называет *добродетелью по легальности*, под которой понимается неукоснительное следование существующим в обществе законам. Добродетель этого типа приобретается постепенно, путем реформ своего поведения и приобретения устойчивых моральных привычек. Как отмечает Кант для этого «...нужно не *изменение в сердце*, а изменение только в *нравах*».¹⁵⁸ Мотивы, руководящие в этом случае людьми, могут быть самыми различными: «...неумеренный, например, возвращается к умеренности ради здоровья, лжец – к истине ради чести, несправедливый – к гражданской честности ради покоя или выгоды и т.д.».¹⁵⁹ В конечном счете, отмечает Кант, главный мотив в данном случае – это стремление к счастью и покою.

Второй тип добродетели по Канту – это *добродетель по умопостижению*. В этом случае человек становится не только по закону, но и морально добрым (богоугодным), т.е. «...если он что-то признает долгом, больше уже не нуждается ни в каких других мотивах, кроме этого

¹⁵⁷ Там же, с. 52.

¹⁵⁸ Там же, с. 51.

¹⁵⁹ Там же.

представления о самом долге...»¹⁶⁰ В этом случае достижение добродетели невозможно постепенным (реформистским) путем, необходимо радикальное преобразование внутреннего мира человека. Это преображение «...не может быть вызвано постепенной реформой, пока основание максим остается нечистым, а должно быть вызвано революцией в образе мыслей человека (через переход к максиме его святости); и новым человеком он может стать только через некое возрождение, как бы через новое творение... и изменение в сердце».¹⁶¹

Кант сетовал, что при построении системы общественного воспитания часто совершают ошибку, нарушая последовательность и логику воспитательного процесса, что приводит к неэффективности этой системы. Он подчеркивал, что «... моральное воспитание человека должно начинаться не с исправления нравов, а с преобразования образа мыслей и с утверждения характера, хотя обыкновенно дело происходит иначе и борются против отдельных пороков, а общий их корень остается нетронутым».¹⁶²

Вместе с тем, он считал, что, несмотря на многочисленные препятствия, прогресс в области человеческой морали все-таки существует: «...я осмелюсь допустить, что так как род человеческий постоянно идет вперед в отношении культуры как своей естественной цели, то это подразумевает, что он идет к лучшему и в отношении моральной цели своего существования; и хотя это движение иногда и *прерывается*, но никогда не *прекратится*».¹⁶³

Взгляды Канта на мораль и возможность нравственного совершенствования человека подвергались жесткой критике со стороны конкурирующих парадигм политической мысли. Особое неприятие критиков

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Там же, с. 52.

¹⁶³ Там же, с. 101.

Канта вызывало его положение о якобы заложенном в человеке неодолимом нравственном законе, который неминуемо пробьет себе дорогу через любые препятствия. Сторонники линии Макиавелли-Гоббса (получившей позже название политического реализма) считали, что природа человека дуалистична (сочетание добра и зла), и добро вовсе необязательно перевесит зло в нем. Единственное, что возможно – это создать такую систему правового и политического устройства, которая бы ограничивала проявления злого в человеке и не позволяла бы вернуться обществу к так называемому «естественному состоянию», т.е. (пользуясь терминологией Гоббса) к «войне всех против всех». Марксисты же, трактуя человека как совокупность общественных отношений, считали, что Кант не понимал решающую роль общественного воспитания в формировании морали – как индивидуальной, так и коллективной.¹⁶⁴

Что касается самой морали, то Кант не сразу пришел к четкому определению этого понятия. В трактате «Об изначально злом в человеческой природе» (1792 г.) он использует понятия морали и права как взаимозаменяемые, поэтому не всегда ясно как они между собой соотносятся в его понимании. Лишь в трактате о вечном мире (1795 г.) он поясняет свое видение структуры морали. Кант выделяет *этический* (относящийся к учению о добродетели) и *юридический* (касающийся права людей) компоненты морали.¹⁶⁵ Второй аспект морали он, безусловно, считал более важным, т.к. право создает более надежную опору для реализации на практике нравственного закона, чем этические нормы. Следует отметить, что, в отличие от Канта, современная международно-политическая наука отделяет понятия международного права и международной морали друг от друга,

¹⁶⁴ См. комментарии к работе Канта «Об изначально злом в человеческой природе»: Там же, т. 4, ч. 2, с. 443-444.

¹⁶⁵ Там же, т. 6, с. 303.

считая, что при всей их общности ценностных оснований, они все же автономны друг от друга и выполняют в сфере международных отношений разные функции.¹⁶⁶

Исходя из указанного взгляда на содержание и структуру морали, Кант рассматривал соотношение между политикой и моралью. Он критиковал тех философов, которые считали политику несовместимой с моралью или находящейся с ней в конфликте (точно также как часто противоречат друг другу практика и теория). Во-первых, Кант подчеркивал, что неверно было бы отождествлять мораль только с теорией, ее принципы имеют и практическое значение. Он писал: «Мораль уже сама по себе есть практика в объективном смысле как совокупность повелевающих законов, в соответствии с которыми мы *должны* вести себя; и после того как признан авторитет этого понятия долга, явно нелепо утверждать, что это *невозможно*».¹⁶⁷

Во-вторых, взаимоотношения между политикой и моралью во многом зависят от типа самих политиков. Кант выделяет два типа политиков по их отношению к морали. Первый тип политика – это *моральный политик*, т.е. такой, «который устанавливает принципы политики, совмещающиеся с моралью...». Второй тип политика – это *политический моралист*, т.е. тот, «который приспособливает мораль к интересам государственного мужа».¹⁶⁸ Соответственно, первый тип политика будет ориентироваться преимущественно на юридический (правовой) компонент морали, политический же моралист будет стремиться адаптировать этические нормы к нуждам практической политики.

¹⁶⁶ Дмитриева Г.К. *Мораль и международное право*. М., 1991; Цыганков П.А. *Теория международных отношений*. М.: Гардарики, 2002, с. 378-405.

¹⁶⁷ *Иммануил Кант*. Соч. в 6-ти тт., т. 6, с. 289-290.

¹⁶⁸ Там же, с. 292.

По Канту, моральный политик, если он обнаружит в государственном устройстве своей страны или в отношениях между государствами какие-либо недостатки, будет стараться воздействовать на правителей государств с тем, чтобы исправить эти недостатки и привести положение дел в соответствии с нормами национального и/или международного права. При этом, Кант выступал за постепенные изменения, эволюционный, а не революционный путь, т.к. он считал, что только те изменения в общественном устройстве той или иной страны или в отношениях между государствами, которые носят органический характер и положительно воспринимаются большинством членов общества и государствами, могут быть успешными. Впрочем, он не отвергал и революционный путь преобразования общества, если он приносит последнему очевидную пользу, хотя и считал подобный путь нежелательным и исключительным: «Но если бы даже бурей *революции*, вызванной дурным устройством, было бы неправомерно достигнуто более законосообразное устройство, то и тогда нельзя считать дозволенным вернуть народ к прежнему устройству, хотя при этом устройстве каждый, кто прибегал к насилию или коварству, по праву мог бы быть наказан как мятежник».¹⁶⁹

Второй тип политиков (политические моралисты) не склонен к радикальным переменам в случае расхождения между принципами морали/права с государственным устройством страны или характером межгосударственных отношений. Они стремятся приспособиться к существующему положению дел, даже если это противоречит нормам морали и права. «Морализующие политики, - писал Кант, - наоборот, оправдывают противные праву государственные принципы, ссылаясь на человеческую природу, которая якобы не *способна* к добру в соответствии с идеей,

¹⁶⁹ Там же, с. 293.

предписанной разумом. Тем самым они, насколько это зависит от них, делают невозможными улучшения и увековечивают правонарушения».¹⁷⁰

У подобной лжеполитики, отмечает Кант, есть свой арсенал казуистических методов, не уступающих иезуитской школе:

- *Reservatio mentalis*, т.е. составление публичных договоров в таких выражениях, которые при случае можно истолковать в свою пользу
- Пробабилизм – стремление ложно приписывать другим злые намерения или делать вероятностью их возможного превосходства правовым основанием для подрыва других, мирных государств
- Поглощение малого государства большим, оправдываемое целесообразностью и общим благом.¹⁷¹

Однако Кант не верил, что такая лжеполитика имеет будущее и может быть эффективна в долгосрочной перспективе. Подобные методы могут дать временный эффект, но рано или поздно эта казуистика подвергается разоблачению, а ее авторы – осмеянию и позору.

Кант считает, что противоречие между политикой и моралью может быть преодолено (и тем самым могут быть созданы предпосылки для вечного мира) сочетанием двух способов. Во-первых, это учреждение республиканского (в нынешней интерпретации – демократического) строя в государствах, стремящихся к заключению договора о вечном мире. Это необходимо для того, чтобы наладить взаимопонимание между потенциальными участниками такого договора, разделяющими общие ценности и, прежде всего, уважающими право – внутригосударственное и международное. Во-вторых, это – создание федерации государств-участников

¹⁷⁰ Там же, с. 293-294.

¹⁷¹ Там же, с. 307-308.

мирного договора, которая бы гарантировала имплементацию последнего и защищала бы ее членов от внешней агрессии.

Кант проводил различие между подходами к достижению вечного мира политического моралиста и морального политика. Для первого вечный мир, основанный на внутригосударственном, международном и космополитическом праве, - это лишь *техническая* проблема. Он рассматривает ее через призму арсенала методов, необходимых для быстрого достижения этой цели (причем, с наименьшими затратами). Для морального политика вечный мир – это, прежде всего, *нравственная* проблема, он «...желателен не только как физическое благо, но и как состояние, вытекающее из признания долга».¹⁷²

Кант понимал, что достижение указанных двух целей (создание основ республиканизма внутри государств и их федерации) – весьма нелегкая задача. И, прежде всего, проблема заключалась в необходимости того, чтобы эти идеи были положительно восприняты большинством людей внутри государств и самими государствами, действующими на мировой арене. Так, рассуждая о возможности установления республиканского строя, Кант отмечает: «Конечно, для этой цели недостаточно желания всех отдельных людей жить в правовом устройстве по принципам свободы (*дистрибутивное* единство воли *всех*); необходимо, чтобы *все вместе* захотели такого состояния (*коллективное* единство объединенной воли). Такое разрешение трудной проблемы необходимо еще и для того, чтобы возникло гражданское общество как целое».¹⁷³

Неотъемлемым условием успешного применения двух указанных методов является публичность (гласность) политики. По мнению Канта,

¹⁷² Там же, с. 298.

¹⁷³ Там же, с. 291.

«...без гласности не могла бы существовать никакая справедливость (которая может мыслиться только публично известной), стало быть и никакое право, которое исходит только от нее».¹⁷⁴ Кант исходил из допущения о том, что честному политику незачем скрывать свои намерения, его цели и способы действия согласуются с нормами права и морали и направлены на общее благо. И, наоборот, если политик скрывает свои истинные намерения (даже пусть и во имя благих целей), значит, что-то в них есть неправильное, не согласующееся с правом и моралью. В связи с этим Кант формулирует *трансцендентальную формулу* публичного права: «Несправедливы все относящиеся к праву других людей поступки, максимы которых несовместимы с публичностью».¹⁷⁵ Наряду с этой негативной формулой, осуждающей тайные или обманные методы политики, Кант предлагает и позитивный принцип публичного права: «Все максимы, которые *нуждаются* в публичности (чтобы достигнуть своей цели), согласуются и с правом, и с политикой».¹⁷⁶

Кант отдавал себе отчет в том, что неукоснительное соблюдение принципа публичности/гласности в политике (особенно международной) – весьма трудная задача, требующая большого мужества и последовательности. В трактате о вечном мире он подробно перечисляет антиномии между политикой и моралью, которые могут иметь место при следовании принципу публичности.¹⁷⁷ И, тем не менее, немецкий философ считает, что в конечном итоге принцип гласности даст должный эффект и будет способствовать повышению качества политики, включая гармонизацию ее отношений с моралью.

¹⁷⁴ Там же, с. 302.

¹⁷⁵ Там же, с. 303.

¹⁷⁶ Там же, с. 308

¹⁷⁷ Там же, с. 303-306.

Подводя итоги своим рассуждениям о взаимоотношениях политики и морали, Кант подчеркивает, что «*объективно* (в теории) не существует спора между политикой и моралью».¹⁷⁸ В том случае, если политика делает ставку на правовой компонент морали, места для подобного противоречия нет, т.к. цели и методы политики определяются моралью/правом. «*Субъективно же*, - пишет Кант, - (в эгоистических склонностях человека, которые, однако, поскольку они не основаны на максимах разума, не следует называть практикой) это противоречие остается и может оставаться всегда, потому что оно есть оселок добродетели, истинная сила которой... состоит в данном случае не столько в твердой решимости противостоять неизбежным при этом несчастьям и жертвам, сколько в том, чтобы смело взглянуть в глаза гораздо более опасному, лживому, предательскому, хотя и мудрствующему, злему принципу в нас самих, оправдывающему все преступления ссылкой на слабости человеческой природы, а также в том, чтобы победить коварство этого принципа».¹⁷⁹

Взгляды Канта на взаимоотношения политики и морали (особенно его тезис о необходимости публичной/гласной политики) оказали огромное влияние на его либеральных последователей. Идеи В. Вильсона об отмене тайной дипломатии и внедрении принципа гласности в международную политику восходят своими корнями именно к этой части теоретического наследия Канта. После второй мировой войны понятие «публичная политика» прочно внедрилось в политический лексикон многих западных стран (особенно США). В США возникла целая сеть центров публичной политики, которые ставили своей целью продвижение принципа прозрачности и гласности разработки и реализации политических решений.

¹⁷⁸ Там же, с. 300.

¹⁷⁹ Там же, с. 300-301.

Транспарентность и гласность политической жизни стали служить мерилем степени демократичности того или иного политического режима. В то же время предложенный Кантом принцип публичности вызвал ожесточенную критику из противного лагеря *Realpolitik*, который обвинил немецкого философа и его последователей в наивности, утопичности, незнании реального мира политики, где без хитрости, коварства, интриг и других подчас не очень-то согласующихся с этикой методов выжить и, тем более, добиться успеха невозможно.¹⁸⁰ Эти споры не утихают до сих пор.

¹⁸⁰ См., например: Wolfers. *Op. cit.*, p. 50.

Система международной безопасности

Предлагавшийся Кантом проект вечного мира в современном понимании являлся не чем иным как моделью международной безопасности. И хотя Кант не использовал в своих работах сам термин «международная безопасность» (он предпочитал слова просто «безопасность», «государственная безопасность», «мир», «покой», «всеобщее счастье» и пр.), он, тем не менее, описал природу этого явления и его основные параметры. Примечательно, что Кант не ограничивался негативным определением понятий безопасности и мира (как отсутствие угроз извне), он также постарался дать их позитивное определение как такого общественного состояния, которое создает благоприятные условия для раскрытия творческих способностей членов общества. Так, в трактате «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784 г.) Кант выражает надежду, что «...после некоторых преобразовательных революций осуществится наконец то, что природа наметила своей высшей целью, а именно всеобщее всемирно-гражданское состояние, как лоно, в котором разовьются все первоначальные задатки человеческого рода».¹⁸¹ К подобному пониманию международной безопасности ряд школ ТМО (например, теория «позитивного мира» Й. Гальтунга, сложившаяся в рамках школы по изучению проблем мира) пришел лишь в 60-70-е гг. XX в.¹⁸²

Задолго до других исследователей проблем международной безопасности Кант пришел к выводу о многомерном характере этого явления. Он обращал внимание не только на военно-стратегические аспекты

¹⁸¹ *Иммануил Кант*. Соч. в 6-ти тт., т. 6, с. 21.

¹⁸² Galtung, Johan. 'Violence, Peace and Peace Research', *Journal of Peace Research*, Vol. 6, No. 3, 1969, pp. 167-191; Galtung, Johan, *Peace: Research, Education, Action. Essays in Peace Research*. Volume 1 (Copenhagen: Christian Ejlertsen, 1975).

международной безопасности, на что должна была быть, прежде всего, нацелена предлагавшаяся им система всеобщего мира, базирующаяся на федерации или лиге наций, но и на другие ее измерения – финансово-экономическое (защищенность от торговых санкций, использования государственных долгов для оказания давления на страны-должники и пр.), политико-правовое (защита конституционного строя и территориальной целостности тех или иных стран, невмешательство во внутренние дела друг друга), гуманитарное (защита прав человека во всемирном масштабе).¹⁸³

Что касается конкретной операционной модели международной безопасности, то исследователи склоняются к мысли о том, что Кант был одним из основоположников концепции коллективной безопасности (в другой трактовке – «концерта держав»). Эта концепция противостояла господствовавшей тогда «многополярной» («атомарной») модели международной (в тех условиях – преимущественно европейской) безопасности, сложившейся после заключения Вестфальского мира (1648 г.) и предусматривавшей наличие множества «центров силы». Кант считал, что Вестфальская система является нестабильной и чревата новыми конфликтами, т.к. сложно обуздать эгоистические устремления отдельных государств. Предложенный же им союз нескольких наиболее сильных и передовых держав, которые могли бы взять на себя ответственность как за поддержание стабильности на континенте, так и за предотвращение и урегулирование локальных конфликтов, представлялся Канту полезным для обеспечения мира и покоя в Европе. Достоинство «концерта держав», по мнению Канта, заключается в его лучшей управляемости и, соответственно, большей эффективности, ибо в рамках такой конструкции легче

¹⁸³ См., например: *Иммануил Кант. Соч.* в 6-ти тт., т. 6, с. 262.

согласовывать позиции и принимать решения, чем в условиях анархичной системы, подобной Вестфальской.¹⁸⁴

Ключевыми положениями этой модели международной безопасности по Канту являлись:

- Защита от агрессии со стороны друг друга, которая гарантировалась однотипной политической организацией членов системы коллективной безопасности и общими морально-правовыми ценностями.¹⁸⁵
- Защита от агрессии извне (коллективная оборона).¹⁸⁶ В этом плане для создания системы коллективной безопасности необходим общий враг (враги), который бы создавал угрозу участникам договора о вечном мире.
- Наличие правовой базы в виде мирного договора и сопутствующих соглашений. Ключевыми международно-правовыми принципами системы коллективной безопасности должны стать 1) отказа от включение мирного договора казуистических оговорок, которые в будущем могли бы послужить тайной основой для будущей войны; 2) запрет на приобретение самостоятельного государства другим государством по наследству, обмену, посредством купли или в виде дара; 3) запрет на использование государственных долгов для влияние на внешнюю политику той или иной страны; 4) запрет на вмешательство во внутренние дела других государств;¹⁸⁷ 5) отказ от использования в ходе военных действий методов, которые сделают невозможным возрождение доверия между воевавшими государствами в процессе переговоров о заключении мирного договора («..засылка

¹⁸⁴ Там же, с. 274.

¹⁸⁵ Там же, т. 4, ч. 2, с. 271; т. 6, с. 274-275, 286, 307.

¹⁸⁶ Там же, т. 4, ч. 2, с. 270.

¹⁸⁷ Там же, т. 6, с. 260-263.

убийц из-за угла (percussores), отравителей (venefici), нарушение условий капитуляции, подстрекательство к измене (perduellio) в государстве неприятеля и т.д.»¹⁸⁸). Эта международно-правовая база должна постоянно обновляться с тем, чтобы адекватно реагировать на происходящие в мире изменения.

- В отдаленной перспективе, когда главные угрозы внутренней и внешней безопасности участников мирного договора исчезнут, роспуск постоянных армий. Кант считал, что постоянные армии сами по себе являются источником агрессивности и нестабильности в международных отношениях. Он писал: «В самом деле, будучи постоянно готовы к войне, они непрестанно угрожают ею другим государствам. Они побуждают их превзойти друг друга в количестве вооруженных сил, которое не знает никакого предела, и поскольку связанные с миром расходы становятся в конце концов более обременительными, чем короткая война, то сами постоянные армии становятся причиной военного нападения с целью избавиться от этого бремени».¹⁸⁹ Вместо постоянных армий Кант предлагал ввести систему добровольное и периодическое обучение граждан военному делу для того, чтобы в случае угрозы извне сформировать ополчение для защиты отечества.¹⁹⁰
- Наличие международной организации (федерации, лиги наций, конгресса, союза), которая обеспечивала бы имплементацию договора, координировала бы действия стран-участниц мирного договора, служила бы арбитром для решения споров между ними, наказывала бы

¹⁸⁸ Там же, с. 263.

¹⁸⁹ Там же, с. 261.

¹⁹⁰ Там же.

нарушителей договора и организовывала бы оборону от внешних агрессоров.¹⁹¹

Идеи Канта в значительной степени были реализованы в позднейшей дипломатической практике – на Венском конгрессе 1815 г. (определившем систему международных отношений в Европе после окончания эры наполеоновских войн, создавшем Священный союз европейских монархов и введшем в оборот сам термин «концерт держав»), создании и деятельности Лиги наций, пакте Бриана-Келлога (1928 г.), ООН, «большой восьмерки» и множества региональных организаций (НАТО, Варшавский договор, Организация договора коллективной безопасности, Шанхайская организация сотрудничества и т.д.).

Однако критики данной модели с самого начала указывали, что она дискриминационна по отношению к малым и средним государствам.¹⁹² Система же безопасности, созданная на основе доминирования нескольких сильных государств, не будет легитимной и не будет пользоваться поддержкой большинства членов мирового сообщества. Кроме того, эффективность этой модели может быть подорвана соперничеством между великими державами или выходом из союза одного или нескольких его членов.¹⁹³

Кантовская концепция коллективной безопасности оказала также большое влияние на формирование теории «демократического мира», появившейся в американской ТМО в начале 1990-х гг.¹⁹⁴ В частности, авторы

¹⁹¹ Там же, т. 4, ч. 2, с. 277-278.

¹⁹² Кант, правда, верил, что предложенная им система международной безопасности сможет защитить и малые, и средние государства (см.: Там же, т.6, с. 15-16, 306-308).

¹⁹³ Camilleri J. *Op. cit.*, pp. 88-89.

¹⁹⁴ Doyle. *Liberalism and International Relations*, pp. 173-193; Doyle. *The Ways of War and Peace*, pp. 41-92; Lipson Ch. *Reliable Partners. How Democracies Have Made a Separate Peace*. Princeton: Princeton University Press, 2003; Rummel R. *Power Kills: Democracy as a Method of Nonviolence*. New Brunswick, L., 1997; Ray J. *The Democratic Path to Peace // Journal of Democracy*, 1997, April. Оценку

этой теории заимствовали у Канта два ключевых положения, вытекавших из его учения:

- Демократии (государства с республиканским устройством, по терминологии Канта) не воюют друг с другом.
- Демократии вообще менее агрессивны, чем другие системы общественно-политического устройства (в том числе по отношению к не-демократиям), и предпочитают политические, а не военные методы разрешения конфликтов.

Какие же факторы определяют миролюбие демократических государств? В работах Канта можно найти следующие аргументы в пользу нынешней теории «демократического мира»:

- Поскольку участниками договора о вечном мире будут государства, имеющие сходные общественно-политическое устройство и ценности, у них не будет мотива нападать на себе подобных.¹⁹⁵
- Учитывая тот факт, что в демократических странах люди привыкли разрешать конфликты мирным путем (переговоры, согласования, посредничество, судебные процедуры и пр.), эти страны будут опираться во внешней политике на те же принципы, что и во внутренней. Причем, этот подход будет применяться не только в отношении себе подобных (демократических) государств, но и стран, имеющих иной тип государственно-политического устройства.¹⁹⁶

теории «демократического мира» отечественными исследователями см.: Кулагин В.М. Мир в XXI в.: многополюсный баланс сил или глобальный Pax Democratica (Гипотеза «демократического мира» в контексте альтернатив мирового развития) // *Политика*, 2000, № 1, с. 23-37; его же. *Международная безопасность*, с. 24; Лебедева М.М. *Мировая политика*. М.: Аспект Пресс, 2006, с. 177-179; Цыганков П.А. *Теория международных отношений*, с. 344-347; Цыганков А.П., Цыганков П.А. Кризис идеи «демократического мира» // *Международные процессы*, 2005, т. 3, № 3 (сентябрь-декабрь).

¹⁹⁵ *Иммануил Кант*. Соч. в 6-ти тт., т. 6, с. 267, 300.

¹⁹⁶ Там же, т. 4, часть 2, с. 104; т. 6, с. 286.

Необходимо только надлежащим способом развивать различные отрасли международного права, которое и станет главным инструментом решения споров и конфликтов.

- В демократических странах политические лидеры при принятии решения о начале войны должны заручиться поддержкой народа и провести эти решения через соответствующие легитимные процедуры. И далеко не всегда народ одобряет подобные решения своих правителей. В перспективе Кант предлагал полностью отдать решение вопросов о войне и мире в руки народа и его законных представителей, ибо именно народ несет на себе основные тяготы войны и послевоенного восстановления разрушенного хозяйства. В трактате «О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» (1793 г.) Кант подчеркивает, что необходимо «...чтобы каждое государство имело такую внутреннюю организацию, при которой решающий голос по вопросу о том, быть или не быть войне, принадлежал бы не главе государства, которому война, собственно, ничего не стоит (так как он ведет ее на средства другого, а именно народа), а народу, за счет которого она и ведется... Ведь народ не будет из одной лишь жажды расширения или из-за мнимого, чисто словесного оскорбления подвергать себя опасности собственного разорения, которое не коснется главы государства».¹⁹⁷ Исключения составляют только оборонительные войны: в случае внезапного нападения противника времени на соблюдение всех положенных процедур для объявления войны просто нет, и исполнительная власть должна действовать самостоятельно и решительно по отражению агрессии извне.

¹⁹⁷ Там же, т. 4, часть 2, с. 104 См. также трактат «К вечному миру»: там же, т. 6, с. 268-267.

- Миролюбие демократических государств будет подкреплено и наличием соответствующей правовой (договор о вечном мире и связанные с ним дополнительные соглашения, нормы международного права) и институциональной (федерация, союз, лига, конгресс и пр.) базы, которые гарантируют безопасность – внутреннюю и внешнюю – стран-участниц мирного договора.
- Наличие чуждого (иногда и враждебного) внешнего окружения будет служить дополнительным фактором, формирующим у членов федерации чувства общности интересов и целей и стимулирующим углубление сотрудничества между ними в различных сферах международных отношений.¹⁹⁸

Аргументы Канта относительно возможности того, что его современные последователи назвали «демократическим миром», следует признать логичными, они в целом выдержали испытание временем, хотя договор о вечном мире так и не был никогда заключен, а первая международная организация, занявшаяся вопросами безопасности, была создана лишь через 120 лет после выхода трактата о вечном мире (Лига наций, 1919 г.). Были, конечно, и отклонения от правила. Так, демократическая организация североамериканских колоний Англии и самой метрополии не смогла предотвратить две войны между ними (за независимость колоний (1770-1780-е гг.), свидетелем которой был сам Кант, и 1812-1814 гг.). Причем, инициатором второй войны была Англия, славившая тогда эталоном демократии. Первая мировая война также была развязана государствами, по тогдашним меркам считавшимися демократическими (с одной стороны, Германия и Австро-Венгрия, с другой – Англия и Франция). Наличие международной квазиорганизации (Священный Союз), созданной в

¹⁹⁸ Там же, т. 4, часть 2, с. 270.

1815 г., также не смогло предотвратить войну между ее членами (Крымская война 1853-1855 гг.). Впрочем, эти девианты легко объяснялись тем, что не все требования Канта к оптимальной модели международной безопасности выполнялись (степень демократичности взаимодействующих акторов была недостаточно высокой, отсутствовали надлежащая международно-правовая база и международные организации, которые могли бы выступить гарантом мира и пр.).

Ряд исследователей считает, что в учении Канта можно найти теоретические предпосылки для иных, чем коллективная безопасность, моделей международной безопасности. Так, некоторые специалисты считают, что Кант служит предтечей популярной в странах НАТО после окончания «холодной войны» концепции «кооперационной безопасности».¹⁹⁹ Эта концепция многое унаследовала от модели коллективной безопасности, но постаралась адаптировать последнюю к условиям глобализации, когда приходится взаимодействовать странам различного общественно-политического устройства, находящимся на различных ступенях социально-экономического и культурного развития. С одной стороны, она (как и Кант) признает многомерный характер международной безопасности, а с другой - устанавливает определенную иерархию приоритетов и нацеливает субъектов международной деятельности на решение первоочередных задач. В духе Канта модель «кооперационной безопасности» отдает предпочтение мирным, политическим средствам решения спорных вопросов, но - в то же время - не исключает применения военной силы (не только как последнего средства, но

¹⁹⁹ Цыганков П.А. *Теория международных отношений*, с. 341-343; его же. *Безопасность: кооперативная или корпоративная?* // *Политические исследования*, 2000, № 3.

и как инструмента превентивной дипломатии и миротворчества, включая так называемую «гуманитарную интервенцию»²⁰⁰.

Отметим, что в определенных ситуациях Кант также допускал вмешательство третьих держав в конфликт между двумя государствами (в миротворческих целях). Так, например, Кант считал возможным вмешательство (с целью примирения) в конфликт между частями распавшегося государства, ставшими независимыми друг от друга. Однако, в отличие от современных сторонников «гуманитарного вмешательства», Кант считал, что пока государство полностью не распалось, такое вмешательство недопустимо. Он писал по этому поводу: «...если одному из них [ставших независимыми государств. – А.С.] будет оказана помощь посторонним государством, то это нельзя рассматривать как вмешательство в политическое устройство другого (иначе возникла бы анархия). Но до тех пор пока этот внутренний спор не решен, вмешательство посторонних держав означает нарушение прав независимого народа, борющегося со своей внутренней болезнью. Такое вмешательство, следовательно, было бы дурным примером для других и угрожало бы автономии всех государств»²⁰¹. Сожалению, эту часть теоретического наследия Канта современные адепты доктрины «гуманитарной интервенции» предпочитают игнорировать.

Концепция «кооперационной безопасности» поощряет сотрудничество и контакты между государствами, принадлежащими к разным типам общественного и цивилизационного устройства, и, вместе с тем, может опираться на существующую систему военно-политических союзов при

²⁰⁰ Зимин П. Вызов глобализации // Русский журнал, 2002 <<http://www.russ.ru/politics/20020212>>; Carter A. et al. *A New Concept of Cooperative Security*. Washington, DC: The Brookings Institution, 1992; Fetherston A.B. *Peacekeeping as Peacebuilding: Towards a Transformative Agenda // Issues in Peace Research, 1995-96*. Ed. by Lee-Anne Broadhead. Bradford: University of Bradford, 1996, p. 96; Holzgrefe and Keohane. *Humanitarian Intervention: Principles, Institutions and Change*.

²⁰¹ *Иммануил Кант*. Соч. в 6-ти тт., т. 6, с. 263.

решении конкретных вопросов. Наконец, признавая государство-нацию в качестве основного субъекта международной деятельности, эта концепция, тем не менее, большое внимание уделяет использованию потенциала международных и транснациональных организаций.²⁰²

Следует отметить, что разработка модели «кооперационной безопасности» так и не была завершена. Остались не до конца ясными ее многие конкретные параметры: какие институты должны стать ядром новой системы международной безопасности, каковы природа силы и границы ее использования в современных международных отношениях, каковы перспективы национального суверенитета, как сложится судьба существующих военно-политических альянсов, как предотвратить возрождение блоковой политики и скатывание нынешней системы международных отношений к хаосу и т.д.? Внушают опасение и попытки некоторых государств и коалиций (США и НАТО) интерпретировать понятие «кооперационной безопасности» в выгодном для себя смысле и построить не равноправную, а иерархичную систему международных отношений, основанную на доминировании НАТО. В этом отношении авторы «кооперационной безопасности» существенно отклонились от учения Канта, который мыслил будущую систему международной безопасности не как клуб избранных, противостоящий остальной части мира, а как организацию, открытую для присоединения всех тех, кто разделяет те же самые ценности и имеет сходное общественно-политическое устройство.

Сторонники концепции «всеобщей безопасности» также видят в Канте своего вдохновителя. В отличие от концепций коллективной и «кооперационной» безопасности, эта модель исходит из необходимости учета

²⁰² Зимин П. Вызов глобализации; Evans G. *Cooperating for Peace: The Global Agenda for the 1990s and Beyond*. St. Leonards: Allen & Unwin, 1993, p. 16.

законных интересов не только узкой группы государств, но и всех членов мирового сообщества. Напомним, что Кант видел в модели коллективной безопасности лишь начальный этап развития системы международной безопасности: вслед за наиболее сильными и подготовленными государствами членами мирного договора и соответствующей международной организации должны были стать другие (в том числе малые и средние) государства, «дозревшие» до требований, предъявляемых к членам подобного сообщества. Как известно, Кант в принципе не исключал возникновения в отдаленной перспективе «мировой республики», «государства народов» или «всеобщего правового гражданского общества».²⁰³ Именно на этих его идеях были основаны концепции современных неокантианцев - «международное общество», «глобальное гражданское общество», «гомогенное общество» и пр.²⁰⁴ Соответственно, этим типам мироустройства должна соответствовать система международной безопасности, имеющая всеобъемлющий характер. Следует помнить, однако, что Кант, симпатизируя идее «мировой республики» («государства народов»), вместе с тем не верил, что таковая будет создана в обозримом будущем. Скорее, для него это идеал (как и вечный мир), который вряд ли достигим, но к которому надо стремиться, ибо таков нравственный закон, заложенный в человеческую природу.²⁰⁵

²⁰³ Иммануил Кант. Соч. в 6-ти тт., т. 6, с. 12.

²⁰⁴ Джексон, Роберт. Политическая теория международного общества // *Теория международных отношений на рубеже столетий*. Под ред. К. Буса и С. Смита. Пер. с англ. М.: Гардарики, 2002, с. 120-136; Booth. *Security and Emancipation*, p. 313-326; Booth. *Dare not to Know: International Relations Theory versus the Future*, p. 342-345; Bull. *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*, p. 20-22; Halliday. *The End of the Cold War and International Relations: Some Analytic and Theoretical Conclusions*, p. 49-53; Linklater. *Men and Citizens in the Theory of International Relations*; Wight, Martin. *International Theory: the Three Traditions* / Eds. M. Wight, B. Porter. Leicester: Leicester University Press, 1991.

²⁰⁵ Иммануил Кант. Соч. в 6-ти тт., т. 4, ч. 2, с. 278; т. 6, с. 275.

Некоторые исследователи считают, что Кант может рассматриваться в качестве первоисточника еще одной современной доктрины – концепции человеческой или личностной безопасности (human security).²⁰⁶ Они обращают внимание на тот факт, что Кант ставил в центр политической жизни (в том числе и международной) человека с его потребностями и интересами. Он считал, что защита прав индивида является наиважнейшей задачей государства (внутри страны) и сообщества государств (на мировой арене). В трактате о вечном мире он писал: «Здесь нет середины и нельзя измышлять среднее прагматически обусловленного права (нечто среднее между правом и пользой); всей политике следует преклонить колени перед правом...»²⁰⁷ Система международных отношений и права, по Канту, должна быть построена так, чтобы индивид имел полную свободу перемещения по миру, хозяйственной деятельности, чувствовал себя защищенным в иностранных государствах.²⁰⁸ Напомним, что именно защите прав индивида во всемирном масштабе была посвящена особая отрасль международного права, впервые предложенная Кантом, - космополитическое право. Вместе с тем, следует отметить, что в отличие от современных сторонников человеческой (личностной) безопасности Кант не противопоставлял ее безопасности общества и государства. При всей приоритетности безопасности индивида Кант прекрасно понимал, что она достижима только при помощи гражданского общества и государства, и нужно поощрять не конфронтацию, а гармонизацию отношений между ними.

Как видим, Кант оставил настолько богатое творческое наследие, что и через 200 лет после смерти немецкого философа его современные

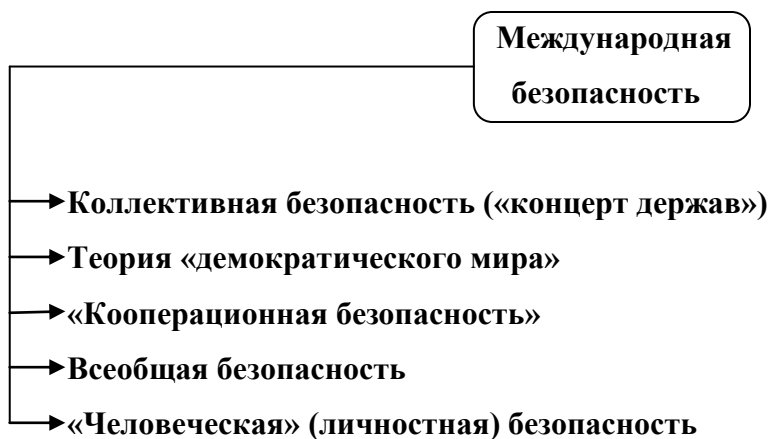
²⁰⁶ Цыганков П.А. *Теория международных отношений*, с. 343-344.

²⁰⁷ *Иммануил Кант*. Соч. в 6-ти тт., т. 6, с. 302. См. также «Метафизика нравов»: там же, т. 4, ч. 2, с. 270, 276-277, 279.

²⁰⁸ Там же, т. 4, ч. 2, с. 264.

последователи имеют широкий выбор идей и гипотез для построения новых концепций международной безопасности применительно к нынешним условиям (см. схему 6).

Схема 6. Операционные модели международной безопасности, вытекающие из учения И. Канта

Заключение

Вклад Иммануила Канта в развитие теории международных отношений трудно переоценить. Конечно, великого немецкого философа нельзя считать настоящим родоначальником ТМО как самостоятельной научной дисциплины, как таковая она сложилась только в XX в. Но роль Канта в развитии отдельных отраслей ТМО и таких ее парадигм, как либерализм (идеализм) и глобализм (радикализм), весьма значительна.

Одним из наиболее существенных вкладов Канта в разработку международно-политической теории стало объяснение феномена войны и её роли в человеческой истории. Отдавая должное войне (и конфликту вообще) как средству человеческого развития, Кант, вместе с тем, не считал, что она является вечным спутником человечества. Он постарался доказать, что не конфликт, а сотрудничество должно быть смыслом и главной формой международных отношений. Человечество создано для (и заслуживает) мира, покоя и благоприятных условий для раскрытия своих творческих возможностей, а не для конфликтов и истребительных войн – вот главный тезис основоположника немецкой классической философии. Кант, правда, не очень убедительно объясняет, какие факторы побуждают человечество к сотрудничеству, ссылаясь в основном на некоторую фаталистическую силу (Природу, Судьбу, Провидение). При этом, он также не отрицал роль опыта, которое человечество приобретает в ходе международного общения: со временем оно предметно убеждается, что сотрудничество и соблюдение норм международного права выгоднее, чем конфликты и войны. Определенную роль в распространении идей сотрудничества и толерантности в сфере международных отношений играют воспитание и образование (если они, конечно, поставлены на должном уровне в тех или иных странах).

Интересны идеи Канта и в отношении категории силы в международных отношениях, часть которых намного опередила своё время. Так, Кант обосновывает многомерный характер силы, указывая на наличие, кроме военного, и других измерений – дипломатическое, финансово-экономическое, моральное и пр. Выступая против нелегитимного использования силы в международных отношениях, Кант подробно рассматривает и критикует уловки и нечестные методы, которыми пользуются нечистоплотные политики. Негативно относится он и к «святому» для политических реалистов принципу баланса сил в международных отношениях, считая его ненадежным и неспособным обеспечить прочный мир и стабильность на планете. Взамен он предлагает классический для либеральной парадигмы ТМО принцип баланса интересов, который нацеливает субъектов мировой политики на сотрудничество, а не на конфликт. В то же время, Кант считает легитимным использование силы (в том числе и вооруженной) для самообороны и для наказания тех, кто грубо нарушает заключенные ранее международные договоры и тем самым ставит под угрозу безопасность других членов мирового сообщества.

Значительный шаг вперед Кант сделал и в разработке такой проблемы ТМО, как субъекты международных отношений. Соглашаясь с представителями линии политического реализма в том, что государства являются главными акторами на мировой арене, Кант, вместе с тем, вносит существенные коррективы в эту точку зрения. Так, он показал неоднородный, многосоставной характер государства, который часто выступает в сфере международных отношений отнюдь не как монолит (на чем пытались настаивать реалисты), а как конгломерат различных социальных групп и интересов, что делает внешнюю политику той или иной страны неоднозначной, а иногда и противоречивой, хаотичной. Наконец, задолго до

либеральной парадигмы ТМО XX в. Кант указывает на присутствие в международных отношениях иных, чем национальные государства, акторов – наемников, отдельных граждан, перемещающихся по миру в поисках заработка и удачной карьеры (он их называл «гражданами мира» или космополитами), народов (наций), непосредственно, минуя государство, выходящих в сферу международных отношений, и нового феномена, которому еще только предстояло появиться, - международных организаций.

Наличие множества разнотипных акторов делает международную жизнь более богатой, но, вместе с тем, и более сложной, что, по мнению Канта, настоятельно требует усиления регулятивного начала в мировой политике. Главными инструментами регулирования международных отношений Кант считал – в духе либеральной парадигмы ТМО - международные институты (организации) и право. Именно по причине их значимости для построения безопасного мира Кант уделил разработке этих категорий столь большое внимание.

Кант считал, что международная организация, которая была бы гарантом вечного мира, должна создаваться только теми государствами, которые имеют однотипное общественно-политическое устройство и разделяют сходные ценности. Предыдущие эксперименты по созданию международных организаций, состоящих из государств, имеющих различное политическое устройство и находящихся на разных ступенях общественно-экономического развития, закончились крахом, поскольку члены этих организаций имели совершенно различные интересы и политическую культуру и часто просто не понимали друг друга (скажем, такая судьба постигла Генеральные штаты в Гааге, функционировавшие в первой половине XVIII в.). В качестве оптимальной модели государственного устройства

стран-участниц мирного договора Кант называл республику (в современном понимании это – аналог демократии).

Кант считал, что идеальной моделью будущего мироустройства, гарантирующей вечный мир, была бы «мировая республика» (или по другой терминологии – «государство народов»), в рамках которой народы отрешились бы от национального суверенитета, ассоциировавшегося у немецкого философа с национальным эгоизмом, нетерпимостью к другим народам, агрессивностью, и создали бы то, что современные последователи Канта называют «глобальным гражданским обществом», и сопутствующие ему органы наднационального управления. Однако, будучи в этом плане реалистом, Кант считал этот идеал недостижимым (хотя и достойным стремления к нему). Он писал, что в обозримом будущем хорошо было бы решить более скромную задачу – создать федерацию (союз, товарищество, лигу, конгресс) государств, заключивших между собой мирный договор. Эта международная организация, не имевшая бы верховных полномочий, ставила бы в качестве своих главных задач обеспечение гарантий выполнения мирного договора, наказание нарушителей этого договора, защиту своих членов от внешней агрессии и прием новых членов. Эта организация должна была бы создаваться на сугубо добровольных началах, иметь подвижный, гибкий состав, а мирный договор, лежащий в ее основе, должен был бы постоянно корректироваться в соответствии с меняющимися международными реалиями. Эти идеи Канта послужили настоящим источником вдохновения для либералов начала XX в., а одним из конкретных результатов их воплощения на практике стала Лига наций, созданная после первой мировой войны в 1919 г.

Огромную роль Кант сыграл в разработке доктрины международного права и повышении его роли в мировой политике. Во-первых, он попытался

систематизировать и классифицировать право, выделив внутригосударственное (конституционное) право; собственно международное (точнее – межгосударственное) право; космополитическое право (право народов и граждан мира). Во-вторых, Кант дал характеристику отраслевой структуры международного права в узком значении (как межгосударственного права), выделив три его вида – 1) право на войну (псевдоюридическое оправдание начала войны); 2) право во время войны (правила ведения военных действий) и 3) право после войны (заключение мирного договора). И хотя Кант, будучи принципиальным противником войны как средства решения международных проблем, не принимал два первых вида межгосударственного права и всячески (не всегда справедливо) критиковал его адептов, его разработки дали существенный стимул для дальнейшего развития права войны и мира. В-третьих, помимо этого, он внес существенный вклад и в развитие других отраслей международного права – права международных договоров, внешних сношений, международных организаций, гуманитарного права, международного коммерческого права и пр. Наконец, в-четвертых, Кант обосновал в своих работах практически все основные принципы современного международного права, намного опередив свое время. Отметим, что разработка доктрины международного права не являлась для Канта самоцелью. Для него важным было, как международное право может быть использовано для достижения вечного мира, т.е. создания стабильной системы международной безопасности.

Заслуживают самого пристального внимания идеи Канта относительно взаимоотношения морали и политики. Немецкий философ считает тезис об их несовместимости ложным, выгодным тем политикам, которые используют в своей деятельности аморальные и неправовые методы. В своих трудах Кант проводит подробный критический анализ как аргументации сторонников этой

точки зрения, так и самих противоречащих морали и праву методов международно-политической деятельности. Он также дает типологию политических деятелей в зависимости от их отношения к роли морали в политике, выделяя моральных политиков и политических морализаторов, при этом, одобряя первых и осуждая последних. Кант доказывает, что сама объективная логика развития человечества, а также совершенствующаяся система общественного воспитания и образования позволят развить имеющиеся в человеке добродетельные задатки и распространить нормы и принципы права на международную политику, сняв тем самым мнимое противоречие между моралью и политикой.

Существенный вклад Кант внес и в разработку теории международной безопасности. Во-первых, он по-новому подошел к пониманию самой природы международной безопасности, указав на её многомерный характер и выделив, наряду с военным, её дипломатический, финансово-экономический, морально-правовой и другие аспекты. Во-вторых, в работах Канта можно найти теоретико-методологические истоки многих современных либеральных и глобалистских операционных моделей международной безопасности – коллективной безопасности (и ее разновидности - «концерта держав»), «демократического мира», «кооперационной безопасности», всеобщей безопасности, человеческой (личностной) безопасности и пр.

Одним словом, многие мысли Канта продолжают жить и в современных условиях, питая его последователей плодотворными идеями и порождая конструктивные дискуссии по различным проблемам международно-политической теории. Несомненно, мировое академическое сообщество и впредь будет постоянно возвращаться к его богатейшему творческому наследию, ища ответы на нелегкие вызовы современности.

Приложение 1

Краткая биография И. Канта

Имману́ил Кант (нем. *Immanuel Kant*; род. 22 апреля 1724 г. в г. Кёнигсберг, Пруссия, ныне Калининград, умер 12 февраля 1804 г., также в Кёнигсберге) — немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии, стоящий на грани эпох Просвещения и Романтизма.

Родился в небогатой семье ремесленника-шорника. Мальчик был назван в честь святого Эммануила, в переводе это еврейское имя означает «с нами Бог». Кант воспитывался в среде, где особое влияние имели идеи пиетизма – радикального обновленческого движения в лютеранстве. Под попечением доктора теологии Франца Альберта Шульца, заметившего в Иммануиле одарённость, Кант закончил престижную пиетистскую гимназию «Фридрихс-Коллегиум». Во время обучения в гимназии он обнаружил прекрасные способности к латинскому языку, на котором впоследствии были написаны все его диссертации (древнегреческий и французский Кант знал хуже, а английским почти не владел). В 1740 г. он поступил в Кёнигсбергский университет (Альбертина). Из-за смерти отца в 1746 г. завершить учёбу не смог и, чтобы прокормить семью, Кант почти на 10 лет становится домашним учителем, работая в богатых семьях Восточной Пруссии. Именно в это время, в 1747—1755 гг., он разработал и опубликовал космогоническую гипотезу происхождения Солнечной системы, не утратившую актуальности до сих пор.

В 1755 г. Кант возвращается в Кёнигсберг и, завершая обучение в университете, защищает магистерскую диссертацию «Об огне». Затем в

течение года он защищает еще две диссертации, давшие ему право читать лекции в качестве доцента и профессора. Однако профессором в это время Кант не становится и работает экстраординарным (т. е. получающим деньги только от слушателей, а не по штату) доцентом. Одновременно, для того, чтобы обеспечить себя средствами к существованию, он служил в Кенигсбергской дворцовой библиотеке в должности помощника библиотекаря. В Альбертине он проработал более сорока лет, пройдя путь от экстраординарного доцента до штатного профессора и ректора.

Кант прошёл в своем философском развитии два этапа: "докритический" и "критический".

I («докритический») этап (1747-1755 гг.) - Кант разрабатывал проблемы, которые были поставлены предшествующей философской мыслью.

- разработал космогоническую гипотезу происхождения Солнечной системы из гигантской первоначальной газовой туманности ("Всеобщая естественная история и теория неба", 1755 г.)
- выдвинул идею распределения животных по порядку их возможного происхождения;
- выдвинул идею естественного происхождения человеческих рас;
- изучал роль приливов и отливов на нашей планете.

II («критический») этап (начинается с 1770 г.) С этого года принято вести отсчёт «критического» периода в творчестве Канта. После смены руководства университета, которое дважды отказывало Канту в назначении на должность профессора, в возрасте 46 лет он стал профессором логики и метафизики Кёнигсбергского университета, где до 1796 г. преподавал обширный цикл дисциплин — философских, математических, физических. В 1796 г. он прекратил лекционную деятельность, а в 1801 г. оставил

университет. Здоровье Канта постепенно ослабевало, но он продолжал работать вплоть до 1803 г. Работы Канта были хорошо известны и за пределами Восточной Пруссии. Так, например, в 1794 г. он был избран в Петербургскую академию наук.

В научном плане занимался вопросами гносеологии и в особенности процессом познания, размышляет над метафизическими, т.е. общепhilosophскими проблемами бытия, познания, человека, нравственности, государства и права, эстетики.

К этому времени вызрело принципиально важное решение Канта о целях его работы: «Давно задуманный план относительно того, как нужно обработать поле чистой философии, состоял в решении трёх задач:

- 1) что я могу знать? (метафизика);
- 2) что я должен делать? (мораль);
- 3) на что я смею надеяться? (религия);
- наконец, за этим должна была последовать четвёртая задача — что такое человек? (антропология, лекции по которой я читаю в течение более чем двадцати лет)».

В этот период Кантом были написаны фундаментальные философские работы, принёсшие учёному репутацию одного из выдающихся мыслителей XVIII в. и оказавшие огромное влияние на дальнейшее развитие мировой философской мысли:

- «Критика чистого разума» (1781 г.) — гносеология (эпистемология)
- «Критика практического разума» (1788 г.) — этика
- «Критика способности суждения» (1790 г.) — эстетика

На этом же этапе были Кантом были написаны основные работы, в которых он рассматривал проблемы теории международных отношений –

«Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском праве» (1784 г.), «О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» (1793 г.), «К вечному миру» (1795 г.), «Метафизика нравов» (1797 г.).

Философия Канта оказала громадное воздействие на последующую философско-обществоведческую мысль. Кант является основателем «немецкой классической философии», представленной масштабными философскими системами И. Г. Фихте, Ф. В. Й. Шеллинга и Г. В. Ф. Гегеля. Большое влияние Канта испытал также А. Шопенгауэр. Идеи Канта повлияли и на романтическое движение. Во второй половине 19 в. большим авторитетом пользовалось «неокантианство». В 20 в. серьезное влияние Канта признают ведущие представители феноменологической школы, а также экзистенциализма, философской антропологии и аналитической философии

Будучи слаб здоровьем, Кант подчинил свою жизнь жёсткому режиму. Его точность следования распорядку стала притчей во языцех даже среди пунктуальных немцев и вызвала к жизни немало поговорок и анекдотов. Был холост, вел замкнутый образ жизни. Прожил почти всю жизнь в Кёнигсберге, не выезжая за пределы города более чем на сто двадцать километров.

В 2007 г. решением правительства Российской Федерации в знак уважения к заслугам великого философа его имя было присвоено Калининградскому госуниверситету, который именовался до недавних пор Российским государственным университетом имени И. Канта.

Приложение 2

Фрагменты оригинальных текстов И. Канта по международной проблематике

Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане (1784 г.)

В этом трактате Кант пытался доказать, что идеал человечества – «всеобщее правовое гражданское общежитие», установление которого является частью тайного, непостижимого для человеческого разума, плана природы. Кант верит в разумный эгоизм индивидов, все более осознающих неразрывную связь своих интересов с интересами других людей, общества и – в отдаленной перспективе – человечества в целом. Установление такого строя невозможно без мира между народами, отказа от войны как средства решения противоречий между различными странами. Кант считал, что установление «законосообразных внешних отношений между государствами» явится результатом понимания людьми бессмысленности и вредности войн, преимуществ международного сотрудничества (особенно в сфере экономики и торговли), а также длительной работы по просвещению, воспитанию и нравственному совершенствованию каждого индивида. В этой работе Кант впервые за время своей академической карьеры подробно рассматривает вопрос о возможности создания стабильной системы международной безопасности, основанной на мире, сотрудничестве и широко признанных международно-правовых нормах. Он также подчеркивает необходимость создания международной

организации, которая бы выступала в роли гаранта этой системы всемирной безопасности.

*Проблема создания совершенного гражданского устройства зависит от проблемы установления законосообразных **внешних отношений между государствами** и без решения этой последней не может быть решена. Что толку добиваться законосообразного гражданского устройства для отдельных людей, т.е. создания *общественного организма*? Та же необщительность, которая заставляет людей объединяться, опять-таки служит причиной того, что каждый общественный организм во внешних отношениях, т.е. как государство по отношению к другим государствам, пользуется полной свободой. Следовательно, государства должны ожидать друг от друга таких же несправедливостей, как те, которые притесняли отдельных людей и заставляли их вступать в законосообразное гражданское состояние. Природа, таким образом, опять использовала неуживчивость людей, даже больших обществ и государственных организмов этого рода существ как средство для того, чтобы в неизбежном антагонизме между ними найти состояние покоя и безопасности; другими словами, она посредством войн и требующей чрезвычайного напряжения, никогда не ослабевающей подготовки к ним, посредством бедствий, которые из-за этого должны даже в мирное время ощущаться внутри каждого государства, побуждает сначала к несовершенным попыткам, но в конце концов после многих опустошений, разрушений и даже полного внутреннего истощения сил к тому, что разум мог бы подсказать им и без столь печального опыта, а именно выйти из не знающего законов состояния диких и вступить в союз народов, где каждое, даже самое маленькое, государство могло бы ожидать своей безопасности и прав не от своих собственных сил или собственного справедливого суждения,*

а исключительно от такого великого союза народов (*foedus Amphictyonum*), от объединенной мощи и от решения в соответствии с законами объединенной воли. Какой бы фантастической ни казалась эта идея и как бы ни высмеивались ратовавшие за нее аббат Сен-Пьер и Руссо (может быть, потому, что они верили в слишком близкое ее осуществление), это, однако, неизбежный выход из бедственного положения, в которое люди приводят друг друга и которое заставляет государства принять именно то решение (с какими бы трудностями это ни было сопряжено), к которому дикий человек был также вынужден прибегнуть, а именно пожертвовать своей животной свободой и искать покоя и безопасности в законосообразном [государственном] устройстве. - С этой точки зрения все войны представляют собой многочисленные попытки (правда, не как цель человека, а как цель природы) создать новые отношения между государствами и посредством разрушения или хотя бы раздробления всех образовать новые объединения, которые, однако, опять-таки либо в силу внутреннего разлада, либо вследствие внешних распрей не могут сохраниться и потому должны претерпевать новые, аналогичные революции, пока наконец отчасти благодаря наилучшей внутренней системе гражданского устройства, отчасти же благодаря общему соглашению между государствами и международному законодательству не будет достигнуто состояние, которое подобно гражданскому обществу сможет, как *автомат*, существовать самостоятельно...

...Итак, то, что совершает лишнее всякой цели состояние дикого, задерживающее развитие всех природных задатков нашего рода, но в конце концов через бедствия, которые оно ему причиняет, заставляющее его выйти из этого состояния и вступить в гражданское устройство, где все эти [естественные] зачатки могут развиваться, - то же делает и варварская

свобода уже образовавшихся государств, а именно хотя использование друг против друга всех сил общества для вооружения, вызываемое войной опустошения, а еще в большей степени необходимость быть всегда к ней готовым и задерживают развитие природных задатков, но зато бедствия, отсюда вытекающие, заставляют наш род найти закон равновесия для самого по себе благотворного столкновения между соседними государствами, вызываемого их свободой, и создать объединенную власть для придания этому закону силы, стало быть, создать всемирно-гражданское состояние публичной государственной безопасности. Это состояние таит в себе некоторую опасность: достигнув его, силы человечества могут быть ослаблены, однако в нем также действует принцип *равенства* их действия и противодействия, не позволяющий им разрушить друг друга. До совершения этого последнего шага (а именно образования союза государств), стало быть, почти на полпути к этому образованию человеческая природа испытывает наиболее тяжкие бедствия при обманчивой видимости внешнего благополучия...

...Историю человеческого рода в целом можно рассматривать как выполнение тайного плана природы - осуществить внутренне и для этой цели также внешне совершенное государственное устройство как единственное состояние, в котором она может полностью развить все задатки, вложенные ею в человечество...

...сама война постепенно становится не только искусственной и по своему исходу для обеих сторон сомнительной, но - ввиду печальных последствий, которые государства ощущают от все растущего бремени долгов (новое изобретение), погашению которых нет конца, - рискованным предприятием, причем влияние, которое разорение каждого государства в нашей благодаря промышленности столь тесно спаянной части света

оказывает на другие государства, так заметно, что эти государства под давлением угрожающей им самим опасности предлагают себя в качестве третейских судей, не имея, правда, законного основания на это, и таким образом постепенно готовятся к будущему великому государственному объединению, примера которого наши предки не показывали. Хотя в настоящее время имеется только весьма грубый набросок такого государственного объединения, тем не менее все будущие его члены уже как будто проникаются сознанием необходимости сохранения целого в интересах каждого из них. И это, вселяет в нас надежду, что после некоторых преобразовательных революций осуществится наконец то, что природа наметила своей высшей целью, а именно всеобщее *всемирно-гражданское состояние*, как оно, в котором разовьются все первоначальные задатки человеческого рода.

Источник: *Иммануил Кант. Соч. в 6-ти тт. Под ред. Т.И. Ойзермана. М.: Мысль, 1966, т. 6, с. 15-21.*

Об изначально злом в человеческой природе

(1792 г.)

В этой работе Кант впервые систематически изложил свои взгляды на взаимоотношения морали и политики. Он считал, что, несмотря на то, что мир по большей части лежит во зле, человека и общество можно изменить к лучшему. Это возможно, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, в нем заложены определенные задатки, которые могут способствовать моральному совершенствованию человека. Во-вторых, Кант верил, что система общественного воспитания также может оказаться полезной для изживания пороков и изменения человека к лучшему, хотя она и менее эффективна, чем пробуждение в человеке заложенного внутри нравственного закона. При этом Кант считал наиважнейшим средством перевоспитания человека силу примера.

I

О первоначальных задатках доброго в человеческой природе

В отношении их цели нам удобно разделить их три класса как элементы определения человека:

1. Задатки *животности* человека как *живого* существа.
 2. Задатки *человечности* его как существа *живого* и вместе с тем *разумного*.
 3. Задатки его *личности* как существа *разумного* и вместе с тем *доступного* вменению.
1. Задатки *животности* в человеке можно подвести под общую рубрику *физического* и *чисто механического* себялюбия, т. е. такого, для которого не требуется разум. Они тройкого вида: *во-первых*,

[стремление] к самосохранению; *во-вторых*, к продолжению рода своего через влечение к другому полу и к сохранению того, что производится при сочетании с ним; *в-третьих*, к общению с другими людьми, т. е. влечение к общительности.— Им могут быть привиты всевозможные пороки (которые, однако, не возникают сами собой из этих задатков как корня). Их можно назвать пороками естественной *грубости*, и при наибольшем отступлении от целей природы они становятся *скотскими пороками: обжорства, похоти и дикого беззакония* (по отношению к другим людям).

2. Задатки человечности можно подвести под общую рубрику физического, правда, но *сравнительного* себялюбия (для чего требуется разум), а именно [как наклонность] судить о себе как о счастливом или несчастном только по сравнению с другими. Отсюда склонность *добиваться* [признания] своей *ценности во мнении* других, и притом первоначально лишь ценности своего *равенства* с другими: никому не позволять превосходства над собой, что связано с постоянным опасением того, что и другие могут стремиться к тому же. Отсюда прямо возникает несправедливое желание добиться превосходства над другими. - Им, а именно *ревности* и *соперничеству*, могут быть приняты величайшие пороки тайной и открытой враждебности против всех, на кого мы смотрим как на чужих для нас... Пороки, которые прививаются этой наклонности, могут поэтому называться и пороками *культуры*, а когда становятся в высшей степени дурными (так как они тогда просто становятся идеей максимума зла, превышающего человечность), например *завистью, неблагодарностью, злорадством* и т.д., могут быть названы *дьявольскими пороками*.

3. Задатки *личности* - это способность воспринимать уважение к моральному закону *как сам по себе достаточный мотив произвола...*

Когда мы названные три вида задатков рассматриваем с точки зрения их возможности, то мы находим, что *первый* не коренится ни в каком разуме; *второй* коренится хотя и в практическом, но подчиненном другим мотивам разуме и только *третий* сам по себе коренится в практическом, т. е. безусловно законодательствующем разуме.

II

О предрасположении к злему в человеческой природе

..Можно мыслить себе три различные ступени его. *Во-первых*, это слабость человеческого сердца в соблюдении принятых максим вообще, или *хрупкость* человеческой природы; *во-вторых*, предрасположение к смешению неморальных мотивов с моральными (даже если это происходит с добрым намерением и сообразно максиме добра), т. е. *отсутствие чистоты*; *в-третьих*, предрасположение к принятию злых максим, т.е. *злонравность* человеческой природы или человеческого сердца...

Общее замечание

О восстановлении в силе первоначальных задатков доброго

...Восстановление первоначальных задатков доброго в нас есть, следовательно, не приобретение *утраченного* побуждения к доброму, ибо это побуждение, состоящее в уважении к моральному закону, мы никогда потерять не можем, а если бы это было возможно, то мы никогда не могли бы

приобрести его вновь. Оно, следовательно, есть только восстановление *чистоты* морального закона как высшего основания всех наших максим, согласно которой моральный закон не только не должен быть связан с другими мотивами и тем более подчиняться им (склонностям) как условиям, а должен быть в своей полной чистоте принят в максимы как сам по себе *достаточный* мотив определения произвола... Ставшее привыком твердое решение исполнять свой долг и называется *добродетелью* по легальности как ее *эмпирическому характеру* (*virtus phaenomenon*). Она имеет, следовательно, постоянную максиму законосообразных поступков; мотивы, в которых нуждается для этого произвол, можно брать откуда угодно. Вот почему добродетель в этом смысле приобретает *постепенно* и называется у некоторых долгой привычкой (в соблюдении закона), благодаря которой человек от предрасположения к пороку через постепенные реформы своего поведения и утверждение своих максим переходит к противоположному предрасположению. Для этого нужно не *изменение в сердце*, а изменение только в *нравах*. Человек считает себя добродетельным, если он чувствует себя твердым в максимах исполнения своего долга, хотя и не из высшего основания всех максим, а именно не из чувства долга; неумеренный, например, возвращается к умеренности ради здоровья, лжец — к истине ради чести, несправедливый — к гражданской честности ради покоя или выгоды и т.д. Все это исходя из превозносимого принципа счастья. Но то, что кто-нибудь становится не только *по закону*, но и *морально* добрым (богоугодным) человеком, т.е. добродетельным по умопостигаемому характеру (*virtus noumenon*), который, если он что-то признает долгом, больше уже не нуждается ни в каких других мотивах, кроме этого представления о самом долге, не может быть вызвано постепенной реформой, пока основание максим остается нечистым, а должно быть вызвано *революцией* в образе

мыслей человека (через переход к максиме его святости); и новым человеком он может стать только через некое возрождение, как бы через новое творение (Ев. от Иоанна, III, 5; ср. с 1. Моисея, I, 2) и изменение в сердце.

...моральное воспитание человека должно начинаться не с исправления нравов, а с преобразования образа мыслей и с утверждения характера, хотя обыкновенно дело происходит иначе и борются против отдельных пороков, а общий их корень остается нетронутым. Даже самый ограниченный человек поддается впечатлению от уважения к сообразному с долгом поступку тем сильнее, чем больше он мысленно отвлекается от других мотивов, которые могли бы из-за себялюбия иметь влияние на максимум поступка... Тем, что ставят в *пример* доброго человека (что касается законосообразности поступка) и дают своим ученикам в области морали судить о нечистоте некоторых максим по действительным мотивам поступков, задатки добродетели необычайно развиваются и постепенно переходят в образ мыслей, так что долг ради одного только долга начинает получать в их сердцах заметный вес...

Источник: *Иммануил Кант*. Соч. в 6-ти тт. Под ред. Т.И. Ойзермана. М.: Мысль, 1965, т. 4, ч. 2, с. 27-53.

О поговорке «Может быть это и верно в теории, но не годится для практики»

(1793 г.)

В этой работе Кант продолжает анализ взаимоотношений между политикой и моралью, доказывая, что противоречия между ними являются мнимыми. Он считает, что в основе человеческой природы заложен нравственный закон, который обуславливает постоянное совершенствование человека, общества и отношений между государствами. Отношения между последними будут регулироваться международным (космополитическим) правом и строиться на федеративных началах.

...я осмелюсь допустить, что так как род человеческий постоянно идет вперед в отношении культуры как своей естественной цели, то это подразумевает, что он идет к лучшему и в отношении моральной цели своего существования; и хотя это движение иногда и *прерывается*, но никогда не *прекратится*. Мне не нужно доказывать это предположение: доказать должен противник его. Ведь я опираюсь на свой прирожденный долг: в каждом звене цепи поколений, в котором я (как человек вообще) нахожусь, я обязан — хотя бы и не так, как должен был бы, а значит, и мог бы соответственно требуемым от меня моральным свойствам,— так воздействовать, на потомство, чтобы оно становилось все лучше и лучше (возможность чего, следовательно, также должна быть допущена) и чтобы этот долг мог таким образом правомерно передаваться по наследству от одного звена поколений к другому...

...Если мы теперь спросим, какими средствами можно поддержать, да еще и ускорить это постоянное движение к лучшему, то окажется, что продвижение в неизмеримую даль зависит не столько от того, что *мы* делаем (например, не от воспитания, которое мы даем юному поколению) и по какому методу *мы* поступаем, чтобы осуществить это, сколько от того, что сделает человеческая *природа* в нас и с нами, чтобы *заставить* нас идти по тому пути, на который нам самим нелегко вступить. Ведь только от нашей природы или, вернее, от провидения (так как для достижения этой цели требуется высшая мудрость) можем мы ожидать такого результата, который отразится на целом, а через него и на отдельных частях, тогда как, напротив, люди в своих *планах* исходят только от частей и дальше их не идут, а на целое, как слишком для них великое, они могут распространить, правда, свои идеи, но не свое влияние; в особенности потому, что в своих планах они враждебны друг другу и вряд ли могут по собственному свободному решению сговориться между собой.

Насилие, которому подвергается народ со всех сторон, и проистекающие от него бедствия заставляют его в конце концов прийти к решению подчиниться тому принуждению, которое сам разум предписывает ему как средство, а именно подчиниться публичным законам и перейти к *политическому* устройству (*staats-bürgerliche Verfassung*); точно так же бедствия, испытываемые от беспрестанных войн, в которых государства стремятся притеснить или покорить друг друга, заставляют в конце концов эти государства или перейти, хотя бы и против своей воли, к *космополитическому* устройству, или, если такое состояние всеобщего мира с точки зрения свободы более опасно, потому что оно приводит к самому ужасному деспотизму (как это не раз случалось с чрезмерно большими государствами), перейти к такому состоянию, которое хотя и не будет

общностью граждан мира, объединенных под властью одного главы, но будет правовым состоянием *федерации*, основанной на общесогласованном международном праве.

Развивающаяся культура государств с одновременно возрастающим стремлением их увеличиваться за счет других хитростью или силой неизбежно приводит к все большему числу войн и к все большим расходам из-за постоянного увеличения войска (при постоянном жаловании), которое держат наготове и в строгой дисциплине и снабжают все более многочисленным оружием; в то же время цены на предметы потребления беспрестанно растут, а надежды на соразмерное им приумножение представляющих их металлических денег нет никакой; мирное время длится не столь долго, чтобы сделанные за этот срок сбережения были равны расходам на следующую войну, а изобретение государственных долгов представляет собой остроумное, правда, но в конечном итоге само себя уничтожающее средство. Вот почему бессилие [государства] приведет в конце концов к тому, что должна была бы сделать, да не сделала добрая воля, а именно чтобы каждое государство имело такую внутреннюю организацию, при которой решающий голос по вопросу о том, быть или не быть войне, принадлежал бы не главе государства, которому война, собственно, ничего не стоит (так как он ведет ее на средства другого, а именно народа), а народу, за счет которого она и ведется (для этого, конечно необходимой предпосылкой должно быть осуществление идеи первоначального договора). Ведь народ не будет из одной лишь жажды расширения или из-за мнимого, чисто словесного оскорбления подвергать себя опасности собственного разорения, которое не коснется главы государства. Тогда и потомство (на которое уже не будут обрушиваться никакие не заслуженные им тяготы) будет в состоянии все время идти к лучшему, и именно в моральном отношении, а причиной

этого будет не любовь к потомству, а просто любовь каждого поколения к самому себе; при этом каждая общность, не будучи в состоянии посредством насилия вредить другой, сама должна придерживаться права и может с полным основанием надеяться, что и другие так же формировавшиеся общности будут ей в этом помогать...

...Человеческая природа нигде столь не достойна любви, как во взаимных отношениях между народами. В отношении своей самостоятельности или своей собственности никакое государство ни на одно мгновение не гарантировано от посягательств другого. Желание подчинить другого или ограничить его в том, что ему принадлежит, всегда налицо; и никогда нельзя уменьшить необходимые для защиты вооружения, которые делают мир часто еще более тяжелым и для внутреннего блага более опустошительным, чем даже война. Против этого нет никакого средства, кроме международного права, основанного на публичных и опирающихся на силу законах, которым должно подчиняться каждое государство (по аналогии с гражданским или государственным правом для отдельных лиц), ведь продолжительный всеобщий мир, достигаемый так называемым *равновесием европейских держав*, есть чистейшая химера подобно дому Свифта, который был построен с таким строгим соблюдением всех законов равновесия, что тотчас рухнул, как только на его сел воробей.— Но, скажут нам, государства никогда не подчинятся таким принудительным законам; и призыв ко всеобщему государству народов, под власть которого добровольно склонятся все отдельные государства, чтобы исполнять его законы, как бы приятно он ни звучал в теории какого-нибудь аббата де Сен-Пьера или какого-нибудь Руссо, на практике не имеет никакого значения; потому-то великие государственные мужи, а еще больше главы государств всегда подвергали его осмеянию как педантически детскую, вышедшую из школы идею.

Я же с своей стороны имею доверие к теории, которая исходит из правового принципа, указывающего, каково *должно быть* отношение между людьми и государствами, и которая рекомендует земным богам максимуму во всех своих спорах действовать так, чтобы их поступки приводили к подобному всеобщему государству народов, и, значит, считать, что оно возможно (*in paxi*) и что оно *может существовать*; вместе с тем (*in subsidium*) я доверяю и природе вещей, которая принуждает к тому, к чему нет охоты... В этом отношении следует принимать в расчет и человеческую природу, которую я, так как в ней всегда живо уважение к праву и долгу, не могу и не хочу считать настолько погрязшей во зле, чтобы морально практический разум после многих неудачных попыток не мог наконец его победить и представить человеческую природу достойной любви. Таким образом, и с космополитической точки зрения остается в силе утверждение: то, что по соображениям разума имеет значение в теории, имеет значение также и на практике.

Источник: *Иммануил Кант. Соч. в 6-ти тт. Под ред. Т.И. Ойзермана. М.: Мысль, 1965, т. 4, ч. 2, с. 101-106.*

К вечному миру

(1795 г.)

Трактат Канта существенно отличается от предшествующих работ на эту тему. Немецкий философ не ограничивается моральным осуждением войны и требованием установления вечного мира, а пытается доказать его возможность и неизбежность, а также обрисовывает контуры той системы международных отношений, которая сложится в результате заключения мирного договора. Кант считал, что человечество, испытав на себе все тяготы войн и конфликтов, рано или поздно убедится в преимуществах мира и сотрудничества. Для сохранения вечного мира необходимо разработать международное право и неукоснительно соблюдать его нормы и принципы. Гарантом соблюдения мирного договора и лежащего в его основе международного права могла бы стать международная организация (федерация, лига, союз, конгресс), создаваемая на добровольной основе государствами, разделяющими общие ценности и принципы общественно-политического устройства. В отдаленной перспективе философ не исключал и возникновения «мировой республики» или «государства народов», хотя он считал, что нельзя искусственно форсировать этот процесс. Многие идеи Канта, изложенные им в трактате о вечном мире, оказали (и продолжают оказывать) огромное влияние на последующие разработки ученых в области теории международных отношений, безопасности и права.

**Раздел первый,
содержащий предварительные статьи договора о вечном мире между
государствами**

1. «Ни один мирный договор не должен считаться таковым, если при его заключении тайно сохраняется основание для будущей войны».

В самом деле, иначе это было бы только перемирие, временное прекращение военных действий, а не *мир*, который означает конец всякой вражды и прибавлять к которому прилагательное *вечный* есть уже подозрительный плеоназм. Мирный договор уничтожает все имеющиеся причины будущей войны, которые, быть может, в данный момент даже неизвестны самим договаривающимся сторонам или впоследствии могут быть отысканы в архивных документах. Если называть вещи своими именами, то сохранение (*reservatio mentalis*) на будущее старых претензий, о которых в данный момент ни одна из сторон не упоминает, так как обе слишком истощены, чтобы продолжать войну, хотя и исполнены преступного намерения использовать для этой цели первый удобный случай, есть иезуитская казуистика, недостойная правителя, так же как и готовность к обоснованию подобных действий не достойна его министра...

2. «Ни одно самостоятельное государство (большое или малое — это безразлично) не должно быть приобретено другим государством ни по наследству, ни в обмен, ни куплей, ни в виде дара».

Дело в том, что государство (в отличие, скажем, от земли, на которой оно находится) не есть имущество (*patrimonium*). Государство — это сообщество людей, повелевать и распоряжаться которыми не должен никто, кроме него самого. Поэтому всякая попытка привить как ветвь, государство, имеющее подобно стволу собственные корни, к другому государству означала бы

уничтожение его как морального лица и превращение морального лица в вещь и противоречила бы идее первоначального договора, нельзя мыслить никакое право на управление народом. Общеизвестно, какую опасность создает в наше время для Европы (другие части света никогда ничего подобного) такой способ приобретения, когда даже государства вступают в брак; он известен каждому, с одной стороны, как вновь изобретенный ловкий способ без затраты сил увеличить свое могущество благодаря семейным союзам, с другой стороны, как средство расширить свои владения. — Сюда же следует отнести и передачу войск одного государства другому в качестве наемников, используемых против необщего врага; в этом случае подданные используются и потребляются как вещи, которыми можно распоряжаться по своему усмотрению.

3. «Постоянные армии (*miles perpetus*) должны со временем полностью исчезнуть».

В самом деле, будучи постоянно готовы к войне, они непрестанно угрожают ею другим государствам. Они побуждают их превзойти друг друга в количестве вооруженных сил, которое не знает никакого предела и поскольку связанные с миром расходы становятся в конце концов более обременительны, чем короткая война, то сами постоянные армии становятся причиной военного нападения с целью избавиться от этого бремени. К тому же нанимать людей, для того чтобы они убивали или были убиты, означает пользоваться ими как простыми машинами или орудиями в руках другого (государства), а это несовместимо с правами человечества в нашем собственном лице. Совершенно иное дело - добровольное, периодически проводимое обучение граждан обращению с оружием с целью обезопасить себя и свое отечество от нападения извне. — Накопление богатств могло бы привести к тем же результатам, а именно другие государства, увидев в этом

военную угрозу, были бы вынуждены к упреждающему нападению (так как из трех сил — *вооруженной силы, силы союзов и силы денег* - последняя могла бы быть самым надежным орудием войны), если бы не было так трудно определить размер этих богатств.

4. «Государственные долги не должны использоваться для внешнеполитических дел».

Поиски средств внутри страны или вне ее не внушают подозрений, если это делается для хозяйственных нужд страны (улучшения дорог, устройства новых поселений, создания запасов на случай неурожайных лет и т. д.). Но как орудие борьбы держав между собой кредитная система, при которой долги могут непомерно увеличиваться, оставаясь в то же время гарантированными (поскольку кредиторы не предъявляют свои требования одновременно), - остроумное изобретение одного торгового народа в этом столетии - являет собой опасную денежную силу, а именно фонд для ведения войны. Превосходя фонды всех других государств, вместе взятых, этот фонд может быть истощен лишь из-за прекращения поступления налогов (что, однако, можно надолго отсрочить оживление оборота, воздействуя на промышленность и ремесло). Таким образом, эта легкость ведения войны, связанная со склонностью к ней власть имущих, которая кажется присущей человеческой природе, представляет собой большое препятствие на пути к вечному миру. Предварительные статьи [мирного договора] тем более должны предусмотреть устранение этого препятствия, что неизбежное в конце концов государственное банкротство незаслуженно нанесло бы ущерб другим государствам. Стало быть, другие государства имеют по меньшей мере право объединяться против такого государства и его притязаний.

5. «Ни одно государство не должно насильственно вмешиваться в политическое устройство и правление других государств».

В самом деле, что может дать ему право на это? Быть может, дурной пример, который одно государство показывает подданным другого государства? Напротив, этот пример может служить предостережением, показывая, какое огромное зло навлек на себя народ своим беззаконием. Да и вообще дурной пример, который одно свободное лицо дает другому (как *scandalum asseptum*), не может считаться нанесением ущерба последнему. - Сюда, правда, нельзя отнести тот случай, когда государство вследствие внутренних неурядиц распалось на две части, каждая из которых представляет собой отдельное государство, претендующее на полную самостоятельность; если одному из них будет оказана помощь посторонним государством, то это нельзя рассматривать как вмешательство в политическое устройство другого (иначе возникла бы анархия). Но до тех пор пока этот внутренний спор не решен, вмешательство посторонних держав означает нарушение прав независимого народа, борющегося лишь со своей внутренней болезнью. Такое вмешательство, следовательно, было бы дурным примером для других и угрожало бы автономии всех государств.

б. «Ни одно государство во время войны с другим не должно прибегать к таким враждебным действиям, которые сделали бы невозможным взаимное доверие в будущем состоянии мира, как, например, засылка *убийц из-за угла* (*percussores*), *отравителей* (*venefici*), *нарушение условий капитуляции*, *подстрекательство к измене* (*perduellio*) в государстве неприятеля и т.д.».

Это бесчестные военные хитрости. Ведь и во время войны должно оставаться хоть какое-нибудь доверие к образу мыслей врага, потому что иначе нельзя заключить мир и враждебные действия превратятся в истребительную войну (*bellum internecinum*). Война есть печальное, вынужденное средство в естественном состоянии (когда нет никакой

судебной инстанции, приговор которой имел бы силу закона) утвердить свои права силой, когда ни одна из сторон не может быть объявлена неправой (так как это уже предполагает судебное решение) и лишь *исход* войны (подобно тому как это имеет место в так называемом суде божьем) решает, на чьей стороне право. Карательная война (*bellum punitivum*) между государствами немыслима (поскольку между ними нет отношения высшего к низшему). - Отсюда следует, что истребительная война, в которой могут быть уничтожены обе стороны, а вместе с ними и всякое право, привела бы к вечному миру лишь на гигантском кладбище человечества. Следовательно, подобная война, а стало быть, и применение средств, ведущих к ней, должны быть безусловно запрещены. - А то, что указанные средства неизбежно приводят к ней, явствует из того, что эти сами по себе гнусные дьявольские приемы, будучи введены в употребление, недолго удерживаются в пределах войны, как, например, шпионаж (*uti exploratoribus*), когда одни пользуются бесчестностью других (которую сразу невозможно искоренить), а переходят и в мирное состояние, совершенно уничтожая тем самым его цель.

* *

*

**Раздел второй,
содержащий окончательные статьи договора
о вечном мире между государствами**

Состояние мира между людьми, живущими по соседству, не есть естественное состояние (*status naturalis*); последнее, наоборот, есть состояние войны, т. е. если и не непрерывные враждебные действия, то постоянная их угроза. Следовательно, состояние мира должно быть *установлено*. Ведь прекращение военных действий не есть еще гарантия от них, и если соседи не

дают друг другу такой гарантии (что может иметь место лишь в *правовом* состоянии), то тот из них, кто требовал этого у другого, может обойтись с ним как с врагом...

Первая окончательная статья договора о вечном мире

Гражданское устройство в каждом государстве должно быть республиканским.

Устройство, установленное, во-первых, согласно с принципами *свободы* членов общества (как людей), во-вторых, в соответствии с основоположениями о *зависимости* всех (как подданных) от единого общего законодательства и, в-третьих, по закону *равенства* всех (как *граждан* государства), есть устройство *республиканское* - единственное, проистекающее из идеи первоначального договора, на которой должно быть основано всякое правовое законодательство народа. Это устройство с точки зрения права есть, следовательно, само по себе то, которое первоначально лежит в основе всех видов гражданской конституции; возникает лишь вопрос: единственное ли это устройство, которое может привести к вечному миру?

Республиканское устройство берет свое начало в чистом источнике права. Но кроме безупречности своего происхождения оно открывает перспективы желанного результата, а именно вечного мира. Основание для этого следующее. - Если (иначе и не может быть при таком устройстве) для решения вопроса: быть войне или нет? - требуется согласие граждан, то вполне естественно, что они хорошенько подумают, прежде чем начать столь скверную игру, ведь все тяготы войны им придется взять на себя самим сражаться, оплачивать военные расходы из своего кармана, в поте лица восстанавливать все разоренное войной - и в довершение всех бед навлечь на

себя еще одну, отравляющую и самый мир, -никогда (вследствие всегда возможных новых войн) не исчезающее бремя долгов. Напротив, при устройстве, в котором подданный не есть гражданин (следовательно, не при республиканском), этот вопрос вызывает меньше всего сомнений, ведь глава [здесь] не член государства, а собственник его; война нисколько не лишает его пиров, охоты, увеселений, празднеств и т.п., и он может, следовательно, решиться на нее по самому незначительному поводу как на увеселительную прогулку, равнодушно предоставив всегда готовому к этому дипломатическому корпусу подыскать приличия ради какое-нибудь оправдание.

* * *

*

Для того чтобы республиканское устройство не смешивать (как это обыкновенно делают) с демократическим, нужно отметить следующее. Формы государства (*civitas*) могут быть разделены или в зависимости от числа лиц, обладающих верховной государственной властью, или по *способу управления* народом его верховным главой, кем бы этот последний ни был. Первая форма называется, собственно, формой *господства* (*forma imperii*), и возможны лишь три вида ее, а именно: верховной властью обладает или *одно* лицо, или *несколько* людей, связанных между собой, или же *все*, вместе составляющие гражданское общество (*автократия, аристократия, демократия*; власть государя, дворянства, народа). Вторая форма есть форма правления (*forma regiminis*) и касается основанного на конституции (на акте общей воли, благодаря которому толпа становится народом) способа, каким государство распоряжается полнотой своей власти, и в этом отношении форма правления может быть или *республиканской* или *деспотической*. *Республиканизм* есть государственный принцип отделения исполнительной

власти (правительства) от законодательной; деспотизм - самовластного исполнения государством законов, данных им самим; стало быть, публичная воля выступает в качестве частной воли правителя. - Из трех форм государства *демократия* в собственном смысле слова неизбежно есть *деспотизм*, так как она устанавливает такую исполнительную власть, при которой все решают об одном и во всяком случае против одного (который, следовательно, не согласен), стало быть, решают все, которые тем не менее не все, - это противоречие общей воли с самой собой и со свободой.

Всякая *непредставительная* форма правления есть в сущности *отсутствие формы*, потому что законодатель и исполнитель его воли так же не могут совместиться в одном лице, как не может общее большей посылки в силлогизме быть в то же время подведением частного под большую посылку в меньшей посылке. И хотя два других государственных устройства всегда ошибочны постольку, поскольку они допускают подобный способ правления, тем не менее они могут во всяком случае принять способ правления, сообразный с *духом* представительной системы, как это *выразил* по крайней мере Фридрих II, сказав, что он только высший слуга государства; демократическая же форма делает это невозможным, так как в ней всё хочет властвовать. - Поэтому можно сказать: чем меньше персонал государственной власти (число лиц, обладающих властью) и чем шире, напротив, ее представительство, тем более государственное устройство согласуется с возможностью республиканизма, и для подобного устройства есть надежда постепенными реформами в конце концов возвыситься до него. Вот почему при аристократии уже труднее, чем при монархии, достигнуть этого единственно совершенного правового устройства, а при демократии его можно достигнуть только путем насильственной революции. Но для народа несравненно важнее способ правления, чем форма государства (хотя и в ней

чрезвычайно важно ее большее или меньшее соответствие с указанной целью). Но к первому, если он сообразен понятию права, принадлежит представительная система, при которой только и возможен республиканский способ правления и без которой (при каком угодно устройстве) способ правления может быть лишь деспотическим и насильственным. Ни одна из древних так называемых республик не знала этой системы, вследствие чего они необходимо должны были превратиться в деспотизм, который под верховной властью одного есть еще наиболее терпимый.

Вторая окончательная статья договора о вечном мире

Международное право должно быть основано на *федерализме* свободных государств.

Народы в качестве государств можно рассматривать как отдельных людей, которые в своем естественном состоянии (т.е. независимости от внешних законов уже своим совместным существованием нарушают право друг друга и каждый из которых ради своей безопасности может и должен требовать от другого вступить вместе с ним в устройство, подобное гражданскому, где каждому может быть гарантировано его право. Это был бы *союз народов*, который, однако, не должен быть государством народов. В этом заключалось бы противоречие, ибо в каждом государстве существует отношение *высшего* (законодателя) к *низшему* (повинующемуся, т. е. народу); многие же народы в государстве (так как мы рассматриваем здесь право *народов* по отношению друг к другу, поскольку они образуют отдельные государства и не должны быть слиты в одно государство) составляли бы только один народ, что противоречит предпосылке.

Уже из того, что мы с глубоким презрением смотрим на приверженность дикарей к их не основанной на законе свободе, когда они предпочитают беспрестанно сражаться друг с другом, а не подчиниться основанному на законе, ими самими устанавливаемому принуждению, тем самым предпочитая безрассудную свободу свободе разумной, и считаем это грубостью, невежеством и скотским унижением человечества, должно было бы заключить, что цивилизованные народы (каждый объединенный в отдельное государство) поспешат как можно скорее выйти из столь низкого состояния. Но вместо этого каждое *государство* видит свое величие (величие народа - выражение нелепое) именно в том, чтобы не быть подчиненным никакому внешнему основанному на законе принуждению, а слава главы государства состоит в том, что в его распоряжении находятся тысячи людей, которыми он, не подвергаясь лично никакой опасности, может жертвовать для дела, которое их совершенно не касается. И отличие европейских дикарей от американских состоит главным образом в том, что, в то время как многие племена последних целиком съедены их врагами, первые умеют лучше использовать своих побежденных, чем просто съедать их, и предпочитают увеличивать ими число своих подданных и, стало быть, число орудий для войн еще более широких размеров.

При всей порочности человеческой природы, которая в неприкрытом виде проявляется в свободных отношениях между народами (в то время как в гражданско-правовом состоянии она сильно замаскирована из-за принуждения правительства), все же удивительно, что слово *право* еще не изгнано полностью из военной политики как педантичное и что ни одно государство еще не отважилось провозгласить это публично. На Гуго Гроция, Пуфендорфа, Ваттеля и многих других (несмотря на то, что они плохие утешители) все еще простодушно ссылаются для *оправдания* военного

нападения, хотя созданный ими философский или дипломатический кодекс не имеет, да и не может иметь, ни малейшей *законной* силы (так как государства, как таковые, не находятся под общим внешним принуждением) и не было еще случая, чтобы аргументы, снабженные свидетельствами столь выдающихся мужей, побудили какое-либо государство отказаться от своих замыслов. - Это почитание, которое (на словах по крайней мере) каждое государство проявляет к понятию права, все же доказывает, что в человеке еще имеются значительные, хотя временами и дремлющие, моральные задатки того, чтобы справиться когда-нибудь со злым принципом в себе (отрицать который он не может) и чтобы ждать того же от других. Ведь иначе государства, намеревающиеся воевать друг с другом, никогда не произносили бы слова *право* или произносили бы только для того, чтобы осмеять его, как это сделал один галльский вождь, определивший его так: «Право есть преимущество, которым природа наделила сильного перед слабым, для того чтобы слабый ему повиновался».

Способ, каким государства добиваются своих прав, - это не судебный процесс, а только война; войной же и ее счастливым исходом - *победой* – не решается вопрос о праве, и *мирный договор* хотя и кладет конец данной войне, но не военному состоянию (т. е. такому состоянию, в каком всегда можно найти предлог к новой войне; это состояние нельзя просто объявить несправедливым, так как в нем каждый - судья в своем собственном деле). При этом положение: «Должно выйти из этого состояния» - по международному праву не имеет для государств того значения, какое оно имеет для людей в свободном от закона состоянии по естественному праву (так как они как государства располагают уже внутренним правовым устройством и не позволяют, чтобы другие государства могли по своим правовым понятиям принудить их принять более развитое правовое

устройство). Но разум с высоты морально законодательствующей власти, безусловно, осуждает войну как правовую процедуру и, напротив, непосредственно вменяет в обязанность мирное состояние, которое, однако, не может быть ни установлено, ни обеспечено без договора народов между собой. Поэтому должен существовать особого рода союз, который можно назвать *союзом мира* (foedus pacificum) и который отличался бы от *мирного договора* (tractum pacis) тем, что последний стремится положить конец лишь *одной* войне, тогда как первый — *всем войнам*, и навсегда. Этот союз имеет целью не приобретение власти государства, а исключительно лишь поддержание и обеспечение *свободы* государства для него самого и в то же время для других союзных государств, причем это не создает для них необходимости (подобно людям в естественном состоянии) подчиниться публичным законам и их принуждению. - Можно показать осуществимость (объективную реальность) этой идеи *федерации*, которая должна постепенно охватить все государства и привести таким образом к вечному миру. Если бы по воле судеб какой-либо могучий и просвещенный народ имел возможность образовать республику (которая по своей природе должна тяготеть к вечному миру), то такая республика служила бы центром федеративного объединения других государств, которые примкнули бы к ней, чтобы в соответствии с идеей международного права обеспечить таким образом свою свободу, и с помощью многих таких присоединений все шире и шире раздвигались бы границы союза.

Если один народ заявляет: «Между нами не должно быть войны, так как мы хотим сформироваться в государство, т. е. поставить над собой высшую законодательную, правительственную и судебную власть, которая мирным путем улаживала бы споры между нами, то это вполне понятно. - Но если это государство заявляет: «Между мной и другими государствами не должно

быть войны, хотя я и не признаю никакой высшей законодательной власти, которая обеспечивала бы мне мои права, а я ей — ее права», то совершенно непонятно, на чем же я хочу тогда основать уверенность в своем праве, если не на суррогате гражданского общественного союза, а именно на свободном федерализме, который разум должен необходимо связать с понятием международного права, если вообще это понятие имеет какой-либо смысл.

Собственно говоря, понятие международного права как права *на* войну нельзя мыслить (ибо это должно быть правом не по общезначимым внешним законам, ограничивающим свободу каждого отдельного человека, а по односторонним максимам каждого силой решать вопрос о праве), если только не понимать под ним следующее: вполне справедливо, что настроенные таким образом люди истребляют друг друга и, следовательно, находят вечный мир в глубокой могиле, скрывающей все ужасы насилия вместе с их виновниками. - В соответствии с разумом в отношениях государств между собой не может быть никакого другого способа выйти из свободного от закона состояния постоянной войны, кроме как отречься подобно отдельным людям от своей дикой (не основанной на законе) свободы, приспособиться к публичным принудительным законам и образовать таким путем (разумеется, постоянно расширяющееся) *государство народов* (*civitas gentium*), которое в конце концов охватит все народы земли. Но, исходя из своего понятия международного права, они решительно не хотят этого, отвергая тем самым *in hypothesis* то, что верно *in thesi*. Вот почему не положительная идея *мировой республики*, а (чтобы не все было потеряно) лишь *негативный* суррогат *союза*, отвергающего войны, существующего и постоянно расширяющегося, может сдерживать поток враждебных праву и человеку склонностей при сохранении, однако, постоянной опасности их проявления...

Третья окончательная статья договора о вечном мире

«Право всемирного гражданства должно быть ограничено условиями всеобщего гостеприимства».

Как и в предыдущих статьях, здесь речь идет не о человеколюбии, а о праве, и *гостеприимство* означает право каждого чужестранца на то, чтобы тот, в чью страну он прибыл, не обращался с ним как с врагом. Он может выдворить его из своей страны, если это не ведет к гибели пришельца, но, пока последний мирно живет там, он не должен обходиться с ним враждебно. Право, на которое может притязать чужестранец, - это не *право гостеприимства* (для этой цели был бы необходим особый дружественный договор, который делал бы его на определенное время членом дома), а *право посещения*, принадлежащее всем людям, сознающим себя членами общества, в силу права общего владения земной поверхностью, на которой, как на поверхности шара, люди не могут рассеяться до бесконечности и потому должны терпеть соседство других; первоначально же никто не имеет большего права, чем другой, на существование в данном месте земли...

...Но это право на гостеприимство, т.е. право пришельца, не распространяется дальше возможности *завязать* сношения с коренными жителями. - Так отдаленные друг от друга части света могут мирно вступить друг с другом в сношения, которые впоследствии могут превратиться в публично узаконенные, и таким образом все более и более приближать род человеческий к всемирно-гражданскому устройству.

Если сравнить с этим *негостеприимное* поведение цивилизованных преимущественно торговых, государств нашей части света, то несправедливость, проявляемая ими при посещении чужих стран и народов (что для них равносильно их *завоеванию*), окажется чудовищной. Когда

открывали Америку, негритянские страны, острова пряностей, мыс Доброй Надежды и т.д., то эти страны рассматривались как никому не принадлежащие: местные жители не ставились ни во что. В Ост- Индию (Индостан) европейцы под предлогом устройства лишь факторий ввели войска, и вслед за этим начались угнетение туземцев, подстрекательство различных государств к широко распространявшимся войнам, голод, мятежи, вероломство - словом, весь длинный ряд бедствий, тяготеющих над родом человеческим...

..Более или менее тесное общение между народами земли развилось всюду настолько, что нарушение права в *одном* месте чувствуется во *всех* других. Из этого видно, что идея права всемирного гражданства есть не фантастическое или нелепое представление о праве, а необходимое дополнение неписаного кодекса государственного и международного права к публичному человеку вообще и потому к вечному миру. И только при этом условии можно надеяться, что мы постоянно приближаемся к нему.

Добавление первое

О гарантии вечного мира

Эту гарантию дает великая в своем искусстве *природа* (*natura daedala regum*), в механическом процессе которой с очевидностью обнаруживается целесообразность, состоящая в том, чтобы осуществить согласие людей через разногласие даже против их воли; и поэтому, будучи как бы принуждающей причиной, законы действия которой нам не известны, она называется *судьбой*, а при рассмотрении ее целесообразности в обычном ходе вещей она, как глубоко скрытая мудрость высшей причины, предопределяющей этот обычный ход вещей и направленной на объективную конечную цель

человеческого рода, называется *провидением*. Чтобы составить себе понятие о возможности провидения по аналогии с искусной деятельностью человека, мы, собственно говоря, можем и должны лишь *примыслить* его (как в любом отношении формы вещей к целям вообще), но не *познавать* его по искусным устройствам природы или хотя бы только *заключать* к нему от этих устройств. Однако представить себе отношение провидения и согласие его с целью, которую нам непосредственно предписывает разум (с моральной целью), - это идея, в *теоретическом* отношении, правда, запредельная, но в практическом отношении (например, в отношении связанного с долгом понятия *о вечном мире*, чтобы использовать для этого механизм природы) идея догматическая и по своей реальности вполне обоснованная. - Употреблять слово *природа*, если, как здесь, дело идет только о теории (а не о религии), более сообразно с пределами человеческого разума (который, рассматривая отношение действий к их причинам, должен держаться в границах возможного опыта) и более *скромно*, чем говорить о познаваемом для нас *провидении*; выражением *познаваемое провидение* дерзко придают себе крылья Икара, чтобы приблизиться к тайне непостижимой цели провидения.

Прежде чем мы точнее определим указанную гарантию, нужно исследовать состояние, установленное природой для лиц, действующих на ее великой арене, которое в конце концов делает необходимым обеспечение мира, и лишь затем мы рассмотрим способ, каким природа дает эту гарантию.

Предварительное установление природы состоит в следующем: 1) она позаботилась о том, чтобы люди имели возможность жить во всех краях земли; 2) посредством *войны* она рассеяла людей повсюду, забросив их даже в самые негостеприимные края, чтобы заселить их; 3) войной же она

принудила людей вступать в отношения, в большей или меньшей степени основанные на законе...

...Природа, позаботившись о том, чтобы люди *могли* жить на земле повсеместно, вместе с тем имела деспотическое намерение: люди *должны* жить повсюду, хотя бы против их склонности; однако это долженствование не предполагает в то же время понятия долга, которое обязывало бы людей к этому моральным законом. А средством для достижения этой своей цели природа избрала войну...

Теперь встает вопрос, касающийся сущности вечного мира как цели: что делает природа для достижения цели, которую человеку вменяет в обязанность его собственный разум, стало быть для содействия его *моральной цели*; и как она добивается того, что человек благодаря ее принуждению, хотя и не во вред своей свободе, будет делать то, к чему его *обязывают* законы свободы, но чего он не делает, - добивается во всех трех аспектах публичного права: *права государственного гражданства, международного права и права всемирного гражданства?* - Когда я говорю о природе: он *хочет*, чтобы произошло то или другое, то это не значит, что она возлагает на нас *долг* делать это (вменять нам в обязанность может только свободный от принуждения практический разум), а *делает* это сама, хотим ли мы этого или нет...

1. Если даже внутренние раздоры не принудят народ подчиниться публичным законам, то это сделает извне война, потому что, согласно вышеупомянутому установлению природы, каждый народ находит в соседстве с собой теснящий его другой народ, против которого он вынужден формироваться в отдельное *государство*, чтобы как *держава* быть способным к отпору. *Республиканское устройство* - единственное, вполне соответствующее праву людей устройство, но установить, а тем более

сохранить его до такой степени трудно, что, по мнению многих, оно должно было бы быть государством *ангелов*, так как люди со своими эгоистическими склонностями не способны к столь возвышенному по форме устройству. Но здесь общей воле, имеющей свою основу в разуме, почитаемой, но на практике бессильной, природа оказывает поддержку с помощью как раз тех же эгоистических склонностей, так что лишь от хорошей организации государства (а это во всяком случае возможно для человека) зависит направить силы этих склонностей таким образом, чтобы каждая из них или сдерживала разрушительное действие другой, или уничтожала его...

2. Идея международного права предполагает *раздельное существование* многих соседних государств, независимых друг от друга. Несмотря на то что такое состояние само по себе уже есть состояние войны (если федеративное объединение государств не предотвращает возникновения военных действий), все же оно, согласно идее разума, лучше, чем слияние государств в единую державу, превосходящую другие и переходящую во всеобщую монархию, так как с увеличением сферы правления законы все более и более теряют свою силу и бездушный деспотизм, искоренив зачатки добра, в конце концов превращается в анархию. Между тем каждое государство (или его глава) желает добиться для себя прочного мира таким образом, чтобы завладеть по возможности всем миром. Но *природа хочет* по-другому. - Двумя средствами пользуется она для того, чтобы удерживать народы от смешения и разъединять их, - различием *языков* и *религий*. Это различие хотя и влечет за собой склонность к взаимной ненависти и повод к войне, но с ростом культуры и при постепенном приближении людей к большому согласию в принципах вызывает общее стремление жить в мире, который осуществляется и обеспечивается не ослаблением всех сил, как это имеет

место при деспотизме (на кладбище свободы), а их равновесием, их активнейшим соревнованием.

3. Так же как природа, с одной стороны, мудро разделяет народы, которые воля каждого государства на основе самого международного права охотно подчинила бы своей власти хитростью или силой, так, с другой стороны, она соединяет через взаимный корыстолюбивый интерес те народы, которых понятие права всемирного гражданства не оградило бы от насилия и войны. *Дух торговли*, который рано или поздно овладевает каждым народом, - вот что несовместимо с войной. Дело в том, что из всех сил (средств), подчиненных государственной власти, *сила денег*, пожалуй, самая надежная, и потому государства вынуждены (конечно, не по моральным побуждениям) содействовать благородному миру и повсюду, где существует угроза войны, предотвращать ее своим посредничеством, как если бы они находились с этой целью в постоянном союзе; ведь большие союзы, заключенные для войны, могут по самой *своей* природе крайне редко осуществляться и еще реже быть удачными. - Именно таким способом самим устройством человеческих склонностей природа гарантирует вечный мир, но, конечно, с надежностью, недостаточной, чтобы (теоретически) *предсказать* время его наступления, но тем не менее практически достижимой и обязывающей нас *добиваться* этой (не столь уж призрачной) цели.

Добавление второе

Тайная статья договора о вечном мире

Тайная статья в соглашениях публичного права, рассматриваемая объективно, т. е. по своему содержанию, есть противоречие. Но субъективно, с точки зрения качеств лица, которое ее подсказывает, тайна, конечно, может

заключаться в том, что это лицо находит для своего достоинства сомнительным публично признать себя ее автором.

Единственная статья подобного рода сводится к следующему: *государства, вооружившиеся для войны, должны принять во внимание максимы философов об условиях возможности общего мира.*

Для законодательного авторитета государства, которому следует, естественно, приписывать величайшую мудрость, унижительно, по-видимому, искать поучения о принципах своих отношений с другими государствами у *подданных* (философов); но все же делать это весьма благоразумно. Итак, государство будет *негласно* (делая из этого тайну) *привлекать их к этому*; последнее будет означать, что государство позволит философам свободно и публично *высказываться* об общих максимах ведения войны и заключения мира (это они уже сами будут делать, лишь бы им не запрещали); согласие же государств между собой по этому пункту не нуждается в особом договоре, поскольку оно уже содержится в обязанности, налагаемой общечеловеческим (морально законодательствующим) разумом. - Это не означает, что государство должно предпочесть принципы философа решениям юриста (представителя государственной власти); это лишь означает, что его следует *выслушать*. Юрист, избравший символом прав *весы* и рядом с ними символом справедливости *меч*, обычно пользуется мечом не только для того, чтобы оградить весы от всех посторонних влияний, но и для того, чтобы положить его на чашу, если она не захочет опуститься (*vae victis*). Это вводит юриста, если он в то же время (в моральном отношении) не философ, в величайшее искушение, поскольку его обязанность состоит лишь в том, чтобы применять существующие законы, а не исследовать, нуждаются ли они сами в улучшении...

...Нельзя ожидать, чтобы короли философствовали или философы стали королями; да этого и не следует желать, так как обладание властью неизбежно извращает свободное суждение разума. Но короли или самодержавные (самоуправляющиеся по законам равенства) народы не должны допустить, чтобы исчез или умолк класс философов, а должны дать ему возможность выступать публично; это необходимо и тем, и другим для внесения ясности в их деятельность. Нет и оснований упрекать этот класс в *пропаганде*, так как по своей природе он не способен создавать сообщества и клубы.

Приложение

1

О расхождении между моралью и политикой в вопросе о вечном мире

Мораль уже сама по себе есть практика в объективном смысле как совокупность безусловно повелевающих законов, в соответствии с которыми мы *должны* вести себя; и после того как признан авторитет этого понятия долга, явно нелепо утверждать, что это *невозможно*. Ведь в таком случае понятие долга само собой исчезнет из морали (*ultra posse nemo obligatur*); не может быть, следовательно, спора между политикой как практическим правоведением и моралью как теоретическим правоведением (тем самым никакого спора между практикой и теорией), разве только если понимать под моралью общее *учение о благоразумии*, т. е. теорию максим, позволяющую выбрать наиболее подходящие средства для личных, рассчитанных на выгоду целей, что равносильно отрицанию морали вообще...

Практик (для которого мораль есть только теория) основывает свое безотрадное отрицание нашей утешительной надежды (даже допуская

долженствование и возможность), собственно, на том, что он, исходя из человеческой природы, берется предвидеть, будто *человек* никогда не захочет того, что требуется для осуществления цели, приводящей к вечному миру. - Конечно, для этой цели недостаточно желания *всех отдельных* людей жить в правовом устройстве по принципам свободы (*дистрибутивное* единство воли *всех*); необходимо, чтобы *все вместе* захотели такого состояния (*коллективное* единство объединенной воли). Такое разрешение трудной проблемы необходимо еще и для того, чтобы возникло гражданское общество как целое, Так как, следовательно, помимо разнообразия частных устремлений каждого необходимо еще и объединяющее основание их для выявления общей воли, чего ни одно из частных устремлений не в состоянии добиться, то при *осуществлении* этой идеи (на практике) нельзя рассчитывать на иное начало правового состояния, кроме *принуждения*; именно на нем основывается затем публичное право. Это, конечно, уже заранее предполагает большие отклонения в действительном опыте от указанной идеи (теории); во всяком случае нельзя принимать в расчет моральный образ мыслей законодателя, т. е. рассчитывать на то, что он после происшедшего объединения беспорядочной толпы в народ предоставит ему теперь возможность осуществить правовое устройство через свою общую волю.

Все это означает в конце концов следующее: тот, в чьих руках власть, не позволит, чтобы народ предписывал ему законы. Государство, имеющее возможность не подчиняться никаким внешним законам, не будет ставить в зависимость от суда других государств тот способ, каким оно домогается своих прав в отношении их; и даже целая часть света, если она чувствует свое превосходство над другой, ни в чем ей, впрочем, не препятствующей, не замедлит ограбить или даже поработить последнюю для усиления своего могущества. Таким образом, все планы теории права государственного

гражданства, международного права и всемирного гражданства превращаются в бессодержательные, неисполнимые идеалы; напротив, только практика, основанная на эмпирических принципах человеческой природы, которая не считает слишком унижительным извлекать уроки для своих максим из того, что происходит на свете, могла бы найти прочную основу для здания государственной политики.

Конечно, если нет ни свободы, ни основанного на ней морального закона и все, что происходит или может происходить, есть исключительно механизм природы, то политика (как искусство использования этого механизма для управления людьми) воплощает в себе всю практическую мудрость, а понятие права есть бессодержательная мысль. Но если признать, что это понятие безусловно необходимо соединить с политикой и сделать его ограничительным условием последней, то следует допустить их совместимость, Я могу, конечно, представить себе *морального политика*, т.е. такого, который устанавливает принципы политики, совмещающиеся с моралью, но не могу представить себе *политического моралиста*, который приспособливает мораль к интересам государственного мужа.

Моральный политик будет исходить из следующего принципа: если в государственном устройстве или в отношениях между государствами будут обнаружены какие-либо недостатки, предотвратить которые было невозможно, то необходимо - и это долг прежде всего глав государств - как можно скорее устранить эти недостатки и привести государственное устройство или отношения между государствами в соответствие с естественным правом как идеей разума и образцом для нас, сколько бы жертв это ни стоило их эгоизму. Так как разрушение государственного или всемирно-гражданского объединения, до того как оно будет заменено более совершенным устройством, противоречит политике, согласной в этом с

моралью, то было бы нелепо требовать решительного и немедленного устранения этих недостатков. Но можно по крайней мере требовать от власти имущего, чтобы он глубоко понимал необходимость изменений такого рода и постоянно стремился приблизиться к цели (к лучшему по своим правовым законам устройству). Государство может *управляться* как республика, даже если оно по существующему устройству еще обладает деспотической *верховой властью*, до тех пор, пока народ постепенно не приобретет способности воспринимать чистую идею авторитета закона (как если бы закон обладал физической силой) и тем самым окажется способным к выработке собственного законодательства (первоначально основанного на праве). Но если бы даже бурей *революции*, вызванной дурным устройством, было бы неправомерно достигнуто более законосообразное устройство, то и тогда нельзя считать дозволенным вернуть народ к прежнему устройству, хотя при этом устройстве каждый, кто прибегал к насилию или коварству, по праву мог бы быть наказан как мятежник. Что же касается внешних государственных отношений, то от государства нельзя требовать, чтобы оно отказалось от своего, хотя бы и деспотического, устройства (более сильного, однако, по отношению к внешним врагам) до тех пор, пока ему грозит опасность быть немедленно поглощенным другими государствами. Следовательно, при таком положении должно быть дозволено замедленное осуществление нового устройства до более благоприятных времен.

Итак, очень может быть, что деспотически действующие (делающие промахи на практике) моралисты различным образом грешат против политики (слишком поспешно принятыми или рекомендованными ими мерами); однако опыт должен, несмотря на эту погрешность их против природы, мало-помалу вывести их на лучший путь. Морализующие политики, наоборот, оправдывают противные праву государственные

принципы, ссылаясь на человеческую природу, которая якобы не *способна* к добру в соответствии с идеей, предписанной разумом. Тем самым они, насколько это зависит от них, делают невозможными улучшения и увековечивают правонарушения.

Вместо практики (*Praxis*), которой похваляются эти политики, они прибегают к уловкам (*Praktiken*), думая лишь о том, чтобы, раболепствуя перед ныне господствующей властью (с целью не упустить своей личной выгоды), тем самым предать народ, а если возможно, и целый мир, - словом, они действуют наподобие заправских юристов (занимающихся ремеслом, а не *законодательством*), когда им удастся приобрести влияние на политику...

...Максимы, которыми он [практик. – А.С.] пользуется для этой цели (хотя и не оглашает их), сводятся примерно к следующим софистическим положениям:

1) *Fac et excusa*. Не упускай случая, благоприятствующего самовластному захвату (права государства либо над своим народом, либо над другим, соседним народом). Подыскать оправдание или прикрыть благовидными предложениями насилие *после захвата* будет гораздо легче и удастся с большим блеском (особенно в первом случае, где верховная власть внутри государства есть одновременно и законодательная власть, которой следует повиноваться, не мудрствуя), чем если бы захотели предварительно обдумать убедительные основания, а затем еще ждать возражения на них. Сама эта дерзость дает некоторую видимость внутреннего убеждения в правомерности поступка, бог удачи в этом случае лучший правозаступник.

2) *Si fecisti, nega*. Отрицай свою виновность в том преступлении, которое *ты* сам совершил. Например, доведя свой народ до отчаяния и тем самым до восстания, утверждай, что в этом виновата строптивость подданных или же, когда ты подчинил соседний народ, природа человека, которая

такова, что если не предвосхитить насилие другого, то можно быть уверенным, что он опередит тебя и подчинит себе.

3) *Divide et impera*. Это значит: если в твоём народе есть некоторые привилегированные лица, обладающие властью, которые избрали тебя своим верховным главой (*primus inter pares*), то посевай между ними раздор и поссорь их с народом; заступись далее за народ, обольщая его большей свободой, и все будет зависеть от твоей неограниченной воли. Если же дело идет о других государствах, то возбуждение розни между ними - вполне надежное средство подчинить себе их одно за другим под предлогом помощи более слабому.

Такими политическими максимами теперь, конечно, никого не обманешь, так как все они общеизвестны; и стыдиться их нечего, хотя и несправедливость в них слишком явно бросается в глаза. Ведь великие державы никогда не смущают мнение простых смертных, они стыдятся только друг друга; что же касается самих принципов, то скомпрометировать их может не разглашение, а только *неудача* (относительно моральности максим все согласны между собой). Вот почему за этими державами всегда остается *политический почет*, на который они могут всегда рассчитывать, как результат *увеличения их могущества*, какими бы путями оно ни было приобретено...

...Чтобы положить конец этой софистике (хотя и не скрытой за ней несправедливости) и вынудить у *лжепредставителей* сильных мира сего признание, что они ратуют не за право, а за силу, от которой они перенимают властный тон, как будто они сами должны повелевать, необходимо рассеять иллюзию, которой они обольщают и себя, и других, выявить высший принцип, из которого исходят, ставя себе целью вечный мир, и показать, что все то зло, которое преграждает путь к вечному миру, происходит оттого, что политический моралист начинает там, где моральный политик справедливо

кончает, и что политический моралист, подчиняя таким образом принципы цели (т.е. запрягая лошадь в повозку сзади), делает тщетной свою собственную цель: привести к согласию политику с моралью.

Для того чтобы привести практическую философию к единству с собой, необходимо прежде всего решить вопрос: следует ли, ставя перед собой задачи практического разума, начинать с его *материального принципа*, с цели (как предмета произвола), или же с *формального принципа* (основанного только на свободе во внешнем отношении), т.е. такого, который гласит: поступай так, чтобы максима твоей воли могла стать всеобщим законом (цель может быть какой угодно).

Без всякого сомнения, последний принцип должен быть исходным. Ведь он, как принцип права, безусловно необходим, в то время как первый принцип имеет принудительную силу только при наличии эмпирических условий выполнения намеченной цели, и если бы эта цель (например, вечный мир) была в то же время долгом, то этот долг сам должен был бы быть выведен из формального принципа максима внешнего поведения. - Первый принцип, принцип *политического моралиста* (проблема права государственного гражданства, международного права и права всемирного гражданства), представляет собой только *техническую проблему* (*problema technicum*); напротив, второй, как принцип *морального политика*, для которого он представляет собой *нравственную проблему* (*problema morale*), отличается от первого как небо от земли по способам достижения вечного мира, который желателен не только как физическое благо, но и как состояние, вытекающее из признания долга.

Разрешение первой проблемы, проблемы политической, требует обширных познаний о природе, чтобы использовать ее механизм для осуществления задуманной цели; вместе с тем все эти познания в итоге не

дают ничего определенного в отношении вечного мира, какую бы отрасль публичного права мы ни брали. Каким образом народ мог бы длительное время процветать и удерживаться в повиновении? Строгостью или поощрением тщеславия, верховной властью одного или объединением многих лиц, обладающих властью, быть может только служилым дворянством или же властью народа во внутренних делах? На этот вопрос у нас нет определенного ответа. Каждый способ управления (за исключением только подлинно республиканского, который может существовать лишь в воображении морального политика) имеет в истории свою противоположность. - Еще более неопределенно *международное право*, установленное якобы на основе статутов по министерским проектам; в действительности оно есть слово, не подкрепленное делом, и покоится на договорах, содержащих уже в самом акте их заключения тайную предпосылку их нарушения. Напротив, решение второй проблемы, т. е. проблемы *государственной мудрости*, напрашивается, так сказать, само собой; оно ясно для всякого, посрамляет все ухищрения и ведет при этом прямо к цели; однако благоразумие подсказывает не осуществлять эту цель слишком поспешно и насильственно, а постоянно приближаться к ней, сообразуясь с благоприятными обстоятельствами...

...Мир никоим образом не погибнет от того, что злых людей станет меньше. Моральное зло имеет то неотделимое от своей природы свойство, что по своим целям (особенно в отношении других, держащихся такого же образа мыслей) оно внутренне противоречиво и саморазрушительно и, таким образом, хотя и медленно, но уступает место (моральному) принципу добра.

* *

*

Следовательно, *объективно* (в теории) не существует спора между политикой и моралью. *Субъективно* же (в эгоистических склонностях человека, которые, однако, поскольку они не основаны на максимах разума, не следует называть практикой) это противоречие останется и может оставаться всегда, потому что оно есть оселок добродетели, истинная сила которой... состоит в данном случае не столько в твердой решимости противостоять неизбежным при этом несчастьям и жертвам, сколько в том, чтобы смело взглянуть в глаза гораздо более опасному, лживому, предательскому, хотя и мудрствующему, злему принципу в нас самих, оправдывающему все преступления ссылкой на слабости человеческой природы, а также в том, чтобы победить коварство этого принципа...

...Истинная политика... не может сделать шага, заранее не отдан должного морали, и хотя политика сама по себе трудное искусство, однако соединение ее с моралью вовсе не искусство, так как мораль разрубает узел, который политика не могла развязать, пока они были в споре. - Право человека должно считаться священным, каких бы жертв ни стоило это господствующей власти. Здесь нет середины и нельзя измышлять среднее прагматически обусловленного права (нечто среднее между правом и пользой); всей политике следует преклонить колени перед правом, но она может надеяться, что достигнет, хотя и медленно, ступени, где она будет непрестанно блистать.

II

О согласии политики и морали с точки зрения трансцендентального понятия публичного права

Если публичное право, как его обычно мыслят себе правоведы, я абстрагирую от всей его *материи* (различные эмпирически данные

отношения людей в государстве или государствах между собой), то у меня еще останется *форма публичности*. Возможность этой формы содержится в каждом правовом притязании, потому что без гласности не могла бы существовать никакая справедливость (которая может мыслиться только *публично известной*), стало быть и никакое право, которое исходит только от нее.

Каждое правовое притязание должно быть доступно гласности, и эта доступность может дать, удобный для употребления, а *ratio* присущий разуму критерий, так как легко определить, действительно ли она имеет место в данном случае, т.е. соединима ли она с принципами того, кто действует, или нет. В последнем случае ложность (противозаконность) рассматриваемого притязания (*praetensio juris*) сразу можно установить как бы посредством эксперимента разума.

После подобного абстрагирования от всего эмпирического, содержащегося в понятии права государственного гражданства и международного права (такова, например, порочность человеческой природы, делающая необходимым принуждение), можно назвать *трансцендентальной формулой* публичного права следующее положение:

«Несправедливы все относящиеся к праву других людей поступки, максимы которых несовместимы с публичностью».

Этот принцип следует рассматривать не только как *этический* (относящийся к учению о добродетели), но и как *юридический* (касающийся права людей). В самом деле, максима, которую я не могу *огласить*, не повредив этим в то же время моему собственному намерению, которую непременно надо *скрыть*, чтобы она имела успех, и в которой я не могу *публично признаться*, не вызван этим неизбежно сопротивлением всех против моего намерения, - такая максима может иметь источником необходимого и

общего, стало быть *a priori* усматриваемого, противодействия всех против меня только несправедливость, которой она угрожает каждому. Этот принцип чисто *негативный*, т.е. служит лишь для того, чтобы распознать с его помощью *несправедливость* по отношению к другим. - Подобно аксиоме он недоказуемо достоверен и, кроме того, легко применим, как это можно видеть из следующих примеров публичного права:

1) *Что касается государственного права (ius civitatis)* а именно права, действующего внутри государства, то оно таит в себе вопрос: «Есть ли восстание правомерное средство для народа сбросить с себя иго так называемого тирана (*non titulo, sed exercitio talis*)?» Ответ на этот вопрос многие считают трудным, но он легко разрешается с помощью трансцендентального принципа публичности. Если права народа попораны, то низложение его (тирана) будет справедливым, - в этом нет сомнения. Тем не менее со стороны подданных в высшей степени несправедливо таким способом добиваться своего права, и они не могут жаловаться на несправедливость, если потерпят поражение в этой борьбе и вследствие этого подвергнутся самым жестоки наказаниям.

2) *Что касается международного права*, то речь о нем может идти только при наличии какого-нибудь правового состояния (т.е. такого внешнего условия, при котором право действительно может принадлежать человеку), потому что оно, как публичное право, уже в своем понятии включает провозглашение общей воли, определяющей каждому его *свое*. Это *status iuridicus* должно проистекать из какого-нибудь договора, которому, однако (в отличие от того договора, из которого происходит государство), не нужно основываться на принудительных законах и которое во всяком случае может быть договором *постоянной свободной* ассоциации подобно вышеупомянутому договору федерации различных государств. Ведь без

какого-нибудь *правового состояния*, активно связывающего различные (физические или моральные) лица, стало быть в естественном состоянии, не может существовать никакого другого права, кроме частного. - Здесь также происходит спор политики с моралью (если рассматривать последнюю как учение о праве), в которой критерий публичности максим так же находит простое применение, однако только так, что договор связывает государства лишь для того, чтобы поддерживать мир между этими государствами и по отношению к другим государствам, но ни в коем случае не для того, чтобы делать приобретения. - Далее перечисляются случаи антиномии между политикой и моралью и предлагается одновременно способ их решения.

а) «Если одно из этих государств обещало что-то другому - оказание помощи, или уступку некоторых земель, или субсидию и тому подобное, то возникает вопрос, может ли глава государства в случае, от которого зависит благополучие государства, отказаться от слова, потребовав, чтобы его как лицо рассматривали двояко: с одной стороны, как *суверена*, поскольку он ни перед кем не ответствен в своем государстве, а с другой стороны, только как высшего *государственного чиновника*, который обязан отдавать отчет государству; отсюда напрашивается вывод, что в качестве второго он свободен от обязательств, принятых в качестве первого». - Но если бы государство (или его глава) огласило эту свою максиму, то, естественно, каждое другое государство стало бы избегать его или соединяться с другими государствами, чтобы дать отпор его притязаниям. Это доказывает, что при таком условии (гласности) политика со всей своей изворотливостью сама неизбежно будет вредить своей цели, стало быть, ее максима несправедлива.

б) «Если соседняя держава, разросшаяся до ужасающих размеров (*potential tremenda*), возбуждает опасение, что она *захочет* покорить других, так как она *может* сделать это, то дает ли это менее могущественным

державам право на (совместное) нападение на нее даже без нанесения оскорбления с ее стороны?» - Государство, которое захотело бы в данном случае *огласить* подобную максиму, только ускорило бы и сделало бы неминуемым наступление зла. Ведь более сильная держава опередила бы более слабых, а что касается союза последних, то это только хрупкая тростинка для того, кто умеет пользоваться принципом *divide et impera*. - Эта максима государственной политики, объявленная публично, необходимо вредит, таким образом, ее собственной дели и, следовательно, несправедлива.

с) «Если небольшое государство расположено так, что нарушает связь между частями большего государства, необходимую для сохранения последнего, то не вправе ли это большее государство подчинить себе небольшое и присоединить его к себе?» - Совершенно ясно, что более сильному государству не следует заранее оглашать такую максиму, так как более слабые государства заблаговременно заключили бы союз или другие могущественные государства стали бы спорить из-за этой добычи. Таким образом, оглашение этой максимы делает ее невозможной, а это признак, что она несправедлива, и, быть может, даже в очень сильной степени, ибо незначительность объекта несправедливости не мешает тому, чтобы совершенная по отношению к нему несправедливость была чрезвычайно велика.

3) *Что касается права всемирного гражданства, я обхожу его здесь молчанием, потому что ввиду аналогии его с международным правом легко можно показать и оценить относящиеся к нему максимы.*

* *

*

Принцип несовместимости максим международного права с публичностью представляет собой, конечно, хороший критерий

несоответствия политики морали (как учению о праве). Нужно, однако, выяснить, каково же условие, при котором ее максимы согласуются с правом народов? Ведь нельзя делать обратный вывод, что те максимы, которые совместимы с публичностью, тем самым справедливы: тому, кто обладает твердой верховной властью, нет необходимости скрывать свои максимы. - Международное право вообще возможно при условии, если уже существует *правовое* состояние. Ведь без него нет публичного права, и всякое право, которое можно мыслить вне его (в естественном состоянии), есть только частное право. Но выше мы видели, что единственное *правовое* состояние, совместимое со свободой государств, - это их федерация, имеющая целью устранение войны. Итак, согласие политики с моралью возможно только в федеративном союзе (который, следовательно, в соответствии с принципами права дан a priori и необходим), и все государственное благоразумие имеет в качестве правовой основы установление такого союза в возможно большем размере. Без этой цели любое мудрствование есть неразумие и замаскированная несправедливость. - У подобной лжеполитики есть своя *казуистика*, не уступающая лучшей иезуитской школе: это *reservation mentalis*, т.е. составление публичных договоров в таких выражениях, которые при случае можно истолковать в свою пользу...; это пробабиллизм - стремление ложно приписывать другим злые намерения или делать вероятность их возможного превосходства правовым основанием для подрыва других, мирных государств; наконец, это *rescatum philosophicum* (*rescatillum, bagatelle*), т.е. поглощение *малого* государства, считающееся легко извинительной мелочью, если благодаря этому выигрывает гораздо *большее* государство, якобы для общего блага.

Этому содействует двуличность политики по отношению к морали; то тем, то другим ее учением политика пользуется для своей цели. - И любовь к

человеку, и уважение к *праву* людей есть долг; первое, однако, только *обусловленный*, второе же - *безусловный*, абсолютно повелевающий долг; и тот, кто захочет отдаться приятному чувству благосклонности, должен вначале полностью убедиться, что он не нарушил этого долга. Политика легко соглашается с моралью в первом смысле (с этикой), когда речь идет о том, чтобы подчинить право людей произволу их правителей, но с моралью во втором значении (как учением о праве), перед которой ей следовало бы преклонить колена, она находит целесообразным не входить в соглашение, предпочитая оспаривать всю ее реальность и всякий долг истолковывать лишь как благоволение. Такое коварство боящейся света политики легко парализовала бы философия, обнародовав ее максимы, если только политика решилась бы на то, чтобы обеспечить философу публичность его максим.

С этой целью я предлагаю другой, трансцендентальный и положительный принцип публичного права, формула которого должна быть такой:

«Все максимы, которые *нуждаются* в публичности (чтобы достигнуть своей цели), согласуются и с правом, и с политикой».

В самом деле, если эти максимы могут достигнуть своей цели только благодаря публичности, то они должны соответствовать общей цели общества (счастью), согласовываться с которой (делать общество довольным своим состоянием) - истинная задача политики. Но если эта цель достижима *только* благодаря публичности, т.е. благодаря устранению всякого недоверия к политическим максимам, то они должны быть в согласии также и с правом общества, так как только в праве возможно соединение целей всех...

...Если осуществление состояния публичного права, хотя бы только в бесконечном приближении, есть долг и вместе с тем обоснованная надежда, то *вечный мир*, который последует за мирными договорами (до сих пор их

называли неправильно; собственно говоря, это были только перемирия), есть не пустая идея, а задача, которая постепенно разрешается и (так как промежуток времени, необходимый для одинаковых успехов, будет, видимо, становиться все короче) становится все ближе к осуществлению.

Источник: *Иммануил Кант*. Соч. в 6-ти тт. Под ред. Т.И. Ойзермана. М.: Мысль, 1966, т. 6, с. 260-309.

Метафизика нравов

(1797 г.)

Продолжая разработку путей и способов достижения вечного мира, намеченных в одноименном трактате 1795 г., в «Метафизике нравов» Кант обратил особое внимание на роль международного права в совершенствовании системы международных отношений и продвижении к безопасному миру. Вклад Канта в разработку норм и принципов международного права сложно переоценить. Во-первых, он попытался систематизировать и классифицировать право, выделив внутригосударственное (конституционное) право; собственно международное (точнее – межгосударственное) право; космополитическое право (право народов и граждан мира). Во-вторых, Кант дал характеристику отраслевой структуры международного права в узком значении (как межгосударственного права), выделив три его вида – 1) право на войну (псевдоюридическое оправдание начала войны); 2) право во время войны (правила ведения военных действий) и 3) право после войны (заключение мирного договора). И хотя Кант, будучи принципиальным противником войны как средства решения международных проблем, не принимал два первых вида межгосударственного права и всячески (не всегда справедливо) критиковал его адептов, его разработки дали существенный стимул для дальнейшего развития права войны и мира. В-третьих, помимо права войны и мира, он внес существенный вклад и в развитие других отраслей международного права – права международных договоров, внешних сношений, международных организаций, гуманитарного права, международного коммерческого права и пр. Наконец, в-четвертых, Кант обосновал в своих работах практически все основные принципы

современного международного права, опередив свое время на полтора столетия.

Публичного права
Раздел первый
Государственное право

§43

Совокупность законов, нуждающихся в обнародовании для того, чтобы создать правовое состояние, есть *публичное право*.— Оно, следовательно, представляет собой систему законов, изданных для народа, т. е. для множества людей, или для множества народов, которые, оказывая друг на друга влияние, в правовом состоянии, когда действует одна объединяющая их воля, нуждаются в *конституции*, чтобы пользоваться тем, что основано на праве.— Такое состояние отдельных индивидов в составе народа в отношении друг к другу называется *гражданским* (*status civilis*), а их совокупность в отношении своих собственных членов — *государством* (*civitas*), которое в силу своей формы как нечто связанное общей заинтересованностью всех в том, чтобы находиться в правовом состоянии, называется *общностью* (*res publica latius sic dicta*), а в отношении к другим народам — просто *властью* (*potentia*) (отсюда и слово *Potentaten*); поскольку же оно (мнимо) унаследованное объединение, оно называется также коренным народом (*gens*), что дает основание мыслить под общим понятием публичного права не только государственное право, но и *международное право* (*ius gentium*); отсюда, поскольку земля представляет собой не бесконечную, а замкнутую поверхность, государственное и международное право необходимо приводят к идее права *государства народов* (*ius gentium*) или *права гражданина мира* (*ius cosmopoliticum*); так что, если среди этих

трех возможных форм правового состояния недостает хотя бы одной в ограничивающем внешнюю свободу законами принципе, здание всех остальных форм неизбежно будет подорвано и в конце концов рухнет...

§45

Государство (*civitas*) — это объединение множества людей, подчиненных правовым законам. Поскольку эти законы необходимы как априорные законы, т.е. как законы, сами собой вытекающие из понятий внешнего права вообще (а не как законы статуарные), форма государства есть форма государства вообще, т.е. государство *в идее*, такое, каким оно должно быть в соответствии с чистыми принципами права, причем идея эта служит путеводной нитью (*norma*) для любого действительного объединения в общность (следовательно, во внутреннем).

В каждом государстве существует три *власти*, т.е. всеобщим образом объединенная воля в трех лицах (*trias politica*): *верховная власть* (суверенитет) в лице законодателя, *исполнительная власть* в лице правителя (правлящего согласно закону) и *судебная власть* (присуждающая каждому *свое* согласно закону) в лице судьи (*potestas legislativa, rectoria et iudiciaria*), как бы три суждения в практическом силлогизме: большая посылка, содержащая в себе *закон* всеобщим образом объединенной воли; меньшая посылка, содержащая в себе *веление* поступать согласно закону, т.е. принцип подведения под эту волю, и вывод, содержащий в себе *судебное решение* (приговор) относительно того, что в данном случае соответствует праву.

§46

Законодательная власть может принадлежать только объединенной воле народа. В самом деле, так как всякое право должно исходить от нее, она

непременно должна быть не *в состоянии* поступить с кем-либо не по праву. Но когда кто-то принимает решение в отношении *другого лица*, то всегда существует возможность, что он тем самым поступит с ним не по праву; однако такой возможности никогда не бывает в решениях относительно себя самого... Следовательно, только согласованная и объединенная воля всех в том смысле, что каждый в отношении всех и все в отношении каждого принимают одни и те же решения, стало быть только всеобщим образом объединенная воля народа, может быть законодательствующей.

Объединенные для законодательства члены такого общества (*societas civilis*), т. е. государства, называются *гражданами* (*cives*), а неотъемлемые от их сущности (как таковой) правовые атрибуты суть: основанная на законе *свобода* каждого не повиноваться иному закону, кроме того, на который он дал свое согласие; гражданское *равенство* — признавать стоящим выше себя только того в составе народа, на кого он имеет моральную способность налагать такие же правовые обязанности, какие этот может налагать на него; в-третьих, атрибут гражданской *самостоятельности* — быть обязанным своим существованием и содержанием не произволу кого-то другого в составе народа, а своим собственным правам и силам как член общности, следовательно, в правовых делах гражданская личность не должна быть представлена никем другим...

§50

Страна (*territorium*), жители которой уже по конституции, т.е. без надобности совершить какой-нибудь особый правовой акт (стало быть, по рождению), суть сограждане одной и той же общности, называется *отечеством*; страна, где они таковы без этого условия, называется *зарубежной*, а если эта страна представляет собой часть территории, на

которую вообще распространяется власть [данного] государства, она называется *провинцией* (в том смысле, в каком это слово употребляли римляне), которая, поскольку она составляет не союзническую (*koalisierten*) часть империи (*imperii*) как *местожительства* сограждан, а лишь его *владение* как зависимое, должна уважать территорию господствующего государства как *метрополию* (*region domina*).

1. *Подданный* (рассматриваемый также как гражданин) имеет право эмиграции; ибо государство не могло бы удерживать его как свою собственность. Однако вывезти он может лишь свое движимое имущество и не может взять с собой недвижимое; недвижимое имущество он мог бы взять с собой лишь в том случае, если бы он был правомочен продать землю, на которой он до сих пор жил, и взять с собой вырученные за нее деньги.

2. *Государь* обладает правом покровительства *иммиграции* и населения [страны] чужестранцами (колонистами) (хотя бы коренные жители и косо смотрели на это), но лишь в том случае, если это не влечет за собой сокращение частных земельных владений подданных.

3. В случае если подданный совершил преступление, которое делает всякое общение с ним сограждан пагубным для государства, государь имеет право *изгнания* его в какую-нибудь провинцию за границей, где он будет лишен всех прав гражданина, иначе говоря, [государь имеет] право *сылки*.

4. Равным образом государь имеет право *высылки* из страны вообще (*ius exilii*), т.е. пустить своего подданного, совершившего преступление, по белу свету, т.е. за границу вообще (в древненемецком языке это называлось *Elend*); поскольку государь лишает его всякого покровительства, это равносильно тому, что в пределах государства он оказывается вне закона.

§51

Три власти в государстве лишь в той мере, в какой они вытекают из понятия *общности* вообще (*res publica latius dicta*), представляют собой отношения объединенной, а priori происходящей из разума воли народа и чистую идею главы государства, имеющую объективную практическую реальность. Этот глава (суверен) до тех пор остается лишь *пустым порождением мысли* (представляющим весь народ), пока еще нет физической личности, представляющей высшую государственную власть и обеспечивающей этой идее воздействие на волю народа. Отношение высшей государственной власти к воле народа можно мыслить трояким образом: либо *одно лицо* в государстве повелевает всеми, либо *некоторые* равные между собой совместно повелевают всеми остальными, либо, наконец, *все* вместе повелевают каждым, стало быть, и самим собой, иначе говоря, *форма государства* может быть либо *автократической*, либо *аристократической*, либо *демократической*. (Выражение *монархическая* вместо *автократическая* не подходит к имеющемуся здесь в виду понятию: ведь *монарх* — это тот, кто обладает *высшей* властью, *автократ* же, или *самодержец*, — тот, кто имеет *всю* власть; последний — суверен, первый же лишь представляет его.) — Легко заметить, что *автократическая* форма государства *самая простая*, а именно это [отношение] короля к народу, стало быть, это [такая форма], где лишь *один* законодатель. *Аристократическая* форма *сложена* уже из двоякого рода отношений, а именно из отношений знатных между собой (в качестве законодателей), цель которых — быть сувереном, и затем из отношения этого суверена к народу; *демократическая* же форма самая сложная, а именно она должна сначала объединить волю всех, дабы из этого образовать народ, затем волю граждан, дабы образовать общность, и, наконец, поставить во главе

этой общности суверена, который и есть сама эта объединенная воля.²⁰⁹ Что касается *применения* права в государстве, то, пожалуй, наиболее простая [форма государства] есть и наилучшая, однако в отношении самого *права* она и наиболее опасная для народа ввиду деспотизма, к которому она весьма сильно тяготеет. Правда, в механизме объединения народа посредством принудительных законов упрощение есть разумная максима, а именно когда весь народ пассивен и подчиняется одному лицу, которое стоит над ним; но это не делает подданных *гражданами*; что же касается утешения, которым должен довольствоваться народ, а именно что монархия (здесь, собственно говоря, автократия) — наилучший государственный строй, *если монарх хорош* (т.е. обладает не только волей к правлению, но и проницательностью), то такого рода утешение принадлежит к тавтологическим изречениям и означает только следующее: наилучшее государственное устройство — то, *благодаря которому* государь становится лучшим правителем, т.е. то, которое самое лучшее.

§52

...Всякая истинная республика есть и не может быть не чем иным, как *представительной системой* народа, дабы от имени народа путем объединения всех граждан обеспечить их права через посредство их уполномоченных (депутатов). Но коль скоро глава государства как лицо (будь то король, дворянство или вся масса народа, демократический союз) также может быть [кем-то] представлен, то объединенный народ не только *представляет* суверена, но он сам *есть* суверен; ведь именно у него (у народа) в руках первоначально находится верховная власть, производными от

²⁰⁹ Об извращении этой формы при захвате власти неправомочными властителями (об *олигархии и охлократии*), равно как и о так называемом *смешанном* государственном устройстве, я здесь не упоминаю, так как это завело бы нас слишком далеко.

которой должны быть все права отдельных лиц просто как подданных (во всяком случае как служащих государства), и основанной отныне республике нет уже больше надобности выпускать из рук бразды правления и возвращать их тем, кто держал их прежде и чей абсолютный произвол мог бы снова уничтожить все новые устройства...

Публичного права
Раздел второй
Международное право

§53

Люди, составляющие один народ, могут быть представлены как уроженцы [данной] страны по аналогии с происхождением от *общего рода* (*congeniti*), хотя они и не таковы; однако в интеллектуальном и правовом значении, как дети от одной матери (республики), они составляют как бы одну семью (*gens, natio*), все члены которой (граждане) по происхождению равны между собой и не смешиваются — как с людьми неблагородными — с теми, кто жил бы рядом с ними в естественном состоянии, хотя эти люди (дикари) с своей стороны ввиду не связанной законами свободы, которую они себе избрали, считают себя более благородными; они также составляют народности, но не государства. Право *государств* в отношении друг к другу, которое не совсем правильно называется *международным* правом — оно должно было бы, скорее, называться междугосударственным (*ius publicum civitatum*), - это то, право, которое мы должны рассмотреть под названием международного права, когда одно государство, рассматриваемое как моральное лицо по отношению к другому государству, в состоянии естественной свободы, а следовательно, и в состоянии постоянной войны

делает своей задачей установить отчасти право *на* войну, отчасти право *во время* (im) войны, отчасти право заставлять друг друга выйти из этого состояния войны, стало быть, установить строй, обеспечивающий прочный мир, т.е. право *после* войны; международное право содержит в себе лишь то, что отличает право народов от права естественного состояния отдельных людей или семей (в отношении друг к другу) таким образом, что в международном праве рассматриваются не только отношения одного государства к другому в целом, но и отдельных лиц одного государства в отношении отдельных же лиц другого, равно как и их отношение к другому государству в целом; это отличие от права отдельных лиц в чисто естественном состоянии требует лишь таких определений, которые легко могут быть выведены из понятия естественного состояния.

§54

Элементы международного права таковы: 1) государства, рассматриваемые во внешних взаимоотношениях (так же как не подчиняющиеся законам дикари), от природы находятся в неправоном состоянии; 2) это состояние есть *состояние* войны (права более сильного), хотя это и не действительная война и не постоянная действительная вражда, которая (поскольку обе стороны не стремятся к ее смягчению), если даже одна сторона тем самым не поступает с другой стороной не по праву, сама по себе в высшей степени несправедлива, почему соседние государства и обязаны выходить из этого состояния; 3) согласно идее первоначального общественного договора, необходим союз народов не для того, конечно, чтобы вмешиваться во внутренние раздоры другой стороны, а для того, чтобы оказывать друг другу помощь при нападении внешних врагов; 4) этот союз должен быть не суверенной властью (как в гражданском устройстве), а лишь

товариществом (федерацией), союзом, который в любое время может быть расторгнут и, стало быть, должен время от времени обновляться; это - право *in subsidium* другому, первоначальному праву — отвращать от себя возможность оказаться в состоянии действительной войны между государствами (*foedus Amphictyonum*)...

§56

В естественном состоянии государств *право на войну* (на вражду) — это дозволенный способ, каким одно государство осуществляет свое право по отношению к другому, а именно при помощи своей собственной *силы* когда оно считает, что другое государство нанесло ему ущерб; дело в том, что в естественном состоянии через *судопроизводство* (только через него разрешаются споры в правовом состоянии) это право осуществиться не может. — Помимо оскорбления действием (первого посягательства, которое следует отличать от первого проявления враждебности) существует еще *угроза*. Сюда относится либо тот случай, когда одно государство опережает другое в *вооружении*, на чем основывается *превентивное* право (*ius praeventionis*), либо же *внушающее страх* возрастание (благодаря завоеваниям) могущества (*potential tremenda*) какого-либо другого государства. Это есть нанесение ущерба менее могущественным в силу одного лишь *положения*, до всякого *действия превосходящего своей мощью государства*, и в естественном состоянии подобное нападение во всяком случае правомерно. На этом, следовательно, покоится право равновесия всех активно соприкасающихся друг с другом государств.

Что же касается *оскорбления действием*, дающего *право на войну*, то сюда относится удовлетворение по собственному почину за обиду, нанесенную народу народом другого государства, *возмездие* (*retorsio*) без

попытки добиться возмещения (мирным путем) от другого государства, что по своим формальным признакам сходно с внезапным началом войны без предварительного отказа от мира (без *объявления войны*): ведь если хотят найти какое-нибудь право в состоянии войны, то должно быть принято нечто аналогичное договору, а именно должно иметь место *принятие* заявления противной стороны, что обе стороны желают добиваться своего права таким путем.

§57

Право *во время* войны — это *как раз* то в международном праве, что вызывает наибольшую трудность, а именно составить себе понятие об этом праве и мыслить какой-то закон в этом свободном от законов состоянии (*inter arma silent leges*), не впадая в противоречие с самим собой; право это должно было бы быть следующим: вести войну, руководствуясь такими принципами, согласно которым еще остается возможность выйти из указанного естественного состояния государств (в области внешних взаимоотношений) и вступить в правовое состояние.

Ни одна война между независимыми государствами не может быть *карательной войной* (*bellum punitivum*). В самом деле, наказание может иметь место лишь при отношениях старшего (*imperantis*) к подчиненному (*subditum*), а взаимоотношения двух государств не таковы. — Точно так же эта война не может быть *истребительной* (*bellum internecivum*) или войной ради *порабощения* (*bellum subiugatorium*); такая война была бы моральным уничтожением государства (народ которого либо растворяется в массе народа победившего государства, либо попадает в рабство). [И это] не потому, что такое вынужденное средство, пускаемое в ход государством для достижения состояния мира, само по себе противоречит государственному праву, а

потому что идея международного права содержит в себе лишь понятие антагонизма в соответствии с принципами внешней свободы — сохранение *своего*, но не способ приобретения, который из-за возрастания мощи одного из государств может стать угрозой для другого.

Государству, которому объявлена война, разрешены всевозможные средства защиты, однако не те, пользование которыми сделало бы его подданных неспособными быть гражданами; ибо в таком случае это государство и себя сделало бы неспособным выступать согласно международному праву в междугосударственных отношениях в качестве лица (которое имело бы равные права с остальными). К таким средствам относятся: использование своих подданных в качестве шпионов, а шпионов, даже иностранных, в качестве убийц, отравителей (к этому разряду можно было бы отнести и метких стрелков, которые подстерегают в засаде одиночек) или же лишь для распространения ложных слухов; одним словом, нельзя пользоваться такими вероломными средствами, которые могут уничтожить доверие, требующееся для создания будущего прочного мира.

В войне разрешено взимать поставки и контрибуции, но не разрешено грабить народ, т.е. насильно отнимать у отдельных лиц то, что им принадлежит (это было бы ведь разбоем: не побежденный народ, а государство, под властью которого он находился, вело эту войну *через посредство* народа); сумма контрибуции должна быть *назначена* и взиматься по распискам, дабы при заключении мира соразмерно распределить повинности, наложенные на страну или на провинцию.

§58

Право *после войны*, т. е. в момент заключения мирного договора и в отношении его последствий, состоит в следующем: победитель ставит

условия и ведутся *переговоры*, цель которых — прийти к соглашению с побежденным относительно этих условий и добиться заключения мира, и притом не в соответствии с каким-либо правом, которое имеет победитель якобы в оправдание за мнимое оскорбление со стороны своего противника, а так, что, оставляя этот вопрос открытым, победитель опирается на собственную мощь. Поэтому победитель не может требовать возмещения военных расходов, так как в этом случае он должен был бы выдать войну своего противника за несправедливую, даже если он в мыслях и держит этот довод, он все же не может его привести, ибо иначе он объявил бы войну карательной и снова нанес бы оскорбление. К указанному праву относится и обмен (без всякого выкупа) военнопленными, не считаясь с тем, что число их может быть неодинаковым.

Побежденное государство или его подданные не теряют в результате завоевания страны свою гражданскую свободу, так что оно не низводится на положение колонии, а подданные — на положение рабов; в противном случае война была бы карательной, а такая война противоречит себе самой...

...Что с заключением мира связана *амнистия*, это заложено уже в самом его понятии.

§59

Право мира — это: 1) право находиться в состоянии мира, когда по соседству идет война, или право *нейтралитета*; 2) право требовать уверения в прочности заключенного мира, т. е. право *гарантии*; 3) право на взаимное *объединение* (федерацию) ряда государств для совместной защиты от любых внешних или внутренних возможных нападений, но не на объединение для нападения или внутренних завоеваний.

§60

Право государства по отношению к *несправедливому врагу* не имеет ограничений (правда, с точки зрения качества, а не количества, т.е. степени), т.е. государство, которому был причинен ущерб, может использовать для отстаивания *своего не все*, правда, средства, но сами по себе допустимые в той мере, в какой ему позволяют его силы. - Что же такое по понятиям международного права (в котором, как и вообще естественном состоянии, каждое государство есть судья в своем собственном деле) *несправедливый враг*? Это — тот, чья публично выраженная (будь то словом или делом) воля выказывает максимум, согласно которой, если сделать ее всеобщим правилом, невозможно состояние мира между народами и должно быть увековечено естественное состояние. Сюда относится такое нарушение публичных договоров, о котором можно предполагать, что оно касается дела всех народов, поскольку из-за этого нарушения под угрозой оказывается их свобода, почему от них и требуется объединение против подобного бесчинства для того чтобы лишить этого врага силы, давшей ему возможность нарушить договоры, но не для того, чтобы *разделить страну* врага и как бы стереть ее с лица земли, так как это было бы несправедливостью по отношению к народу [этой страны], который нельзя лишить его первоначального права — права объединения в общность; указанный союз должен дать возможность этому народу принять другое устройство, которое по самой своей природе не благоприятствовало бы склонности к войне.

Впрочем, выражение: «Несправедливый враг в естественном состоянии» — это *плеоназм*; ведь само естественное состояние есть состояние несправедливости. Справедливым врагом был бы тот,

сопротивляться которому было бы с моей стороны несправедливо; но в этом случае он и не был бы моим врагом.

§61

Поскольку естественное состояние народов, равно как и отдельных людей,— это состояние, из которого необходимо выйти, для того чтобы вступить в законное состояние, то до этого всякое право народов и все внешнее *мое* и *твое* государств, приобретаемое или сохраняемое войной, лишь *временны* и только в общем *союзе государств* (аналогичном союзу, благодаря которому народ становится государством) это право может стать *окончательно* действительным и истинным *состоянием мира*. Но так как при очень большом расширении такого государства народов, охватывающего самые отдаленные уголки земли, управление этим государством, а стало быть, и защита каждого отдельного его члена должны в конце концов стать невозможными, а многочисленность подобных объединений опять-таки приводит к состоянию войны, то *вечный мир* (конечная цель всего международного права) есть, разумеется, неосуществимая идея. Но политические принципы, нацеленные на то, чтобы вступать в такие [международные] связи, которые служили бы постоянному *приближению* к состоянию вечного мира, вполне осуществимы, поскольку такое приближение есть задача, основанная на долге и, стало быть, на праве людей и государств.

Такой *союз* нескольких *государств* для сохранения мира можно назвать *постоянным конгрессом государств*, присоединиться к которому не возбраняется ни одному из соседних государств; нечто подобное (по крайней мере в том, что касается формальностей международного права с целью сохранения мира) имело место еще в первой половине текущего столетия, а

именно собрание Генеральных штатов в Гааге; на нем министры большинства европейских дворов и даже самых маленьких республик жаловались на враждебные выпады со стороны других [участников собрания]; тем самым они мыслили себе Европу как единое федеративное государство, которое они рассматривали как бы в качестве третейского судьи в этих их публичных спорах; вместо этого в дальнейшем международное право осталось только в книгах, полностью исчезнув из [министерских] кабинетов, или же, после того как была уже применена сила, оно было в форме дедукций доверено тайникам архивов.

Однако под *конгрессом* разумеется здесь лишь произвольное, в любое время *могущее быть распущенным* собрание различных государств, а не такое объединение, которое (подобно Американским Штатам) основано на конституции и потому не подлежит роспуску; только при помощи такого конгресса может быть осуществлена идея основания публичного права народов разрешать споры между собой так, как это подобает цивилизованным народам, как бы судопроизводством, а не варварским (дикарским) способом, а именно войной.

Публичного права
Раздел третий
Право гражданина мира

§ 62

Эта идея разума — идея *мирной*, хотя еще не дружеской, общности всех народов земли без исключения, которые могут вступать друг с другом в полезные отношения,— вовсе не человеколюбивая (этическая) идея, а *правовой* принцип. Природа заключила все эти народы (в силу

шарообразности заселяемого ими пространства, представляющего собой *globus terraqueus*) в определенные границы, и так как владение территорией, на которой может обитать житель земли, мыслимо лишь как владение частью определенного целого, следовательно, как такое владение, на которое каждый житель первоначально имеет право, то все народы *первоначально* состоят в общности земли, но не в *правовой* общности владения (*communio*) и тем самым не в общности пользования землей или собственности на землю, а в физическом возможном *взаимоотношении* (*commercium*), т.е. во всестороннем отношении одного ко всем остальным, для того чтобы *предлагать* себя для взаимного *общения*; [каждый человек] имеет право пытаться вступать в такое общение, и за это чужестранец не вправе встречать его как врага.— Это право, поскольку оно имеет в виду возможное объединение всех народов для [установления] определенных всеобщих законов их возможного общения, можно назвать правом *гражданина мира* (*ius cosmopolitanum*).

Казалось бы, моря могут лишить народы всякого общения между собой, и тем не менее они благодаря судоходству как раз и есть самые благоприятные естественные условия для сношения между народами, которое, чем больше имеется близких друг к другу *побережий* (например, Средиземноморское побережье), тем больше может быть оживленным, причем посещение этих прибрежных стран и еще в большей мере заселение их для установления связи с метрополией приводит также к тому, что зло и насилие в каком-либо одном месте нашего земного шара чувствуются повсеместно. Но такое возможное злоупотребление не может уничтожить право гражданина земли *пытаться* вступать в общение со всеми и с этой целью *посещать* все страны на земле, хотя это не есть право *поселения* на

территории другого народа (*ius incolatus*); для такого поселения требуется особый договор.

Возникает, однако, вопрос: может ли какой-нибудь народ *располагаться* (*assolatus*) в новооткрытых странах и вступать во владение по соседству с народом, который уже поселился в данной местности, без его на то согласия? Когда заселение происходит в такой отдаленности от местонахождения первого [из этих народов], что ни один из них, пользуясь своей землей, не причиняет другому ущерба, то в праве на такое заселение не приходится сомневаться; но если это пастушеские или охотничьи народы (как, например, готтентоты, тунгусы или большинство американских народностей, пропитание которых возможно только при наличии обширных необитаемых территорий), то такое заселение может произойти не с помощью силы, а по договору, и при заключении самого, этого договора нельзя пользоваться неосведомленностью коренных жителей в вопросе об уступке подобных местностей; хотя оправдательные причины достаточно правдоподобны, чтобы такого рода насилие казалось служащим для блага мира — отчасти тем, что дикие народы приобщаются к культуре..., отчасти же ради очищения своей собственной страны от негодных людей в надежде на исправление их или их потомства в другой части света (например, в Новоголландии), - тем не менее все эти мнимодобрые намерения не могут смыть пятно несправедливости применяемых при этом средств.— Если же на это возразят, что при таких сомнениях в допустимости силой устанавливать состояние законности, быть может, вся земля до сих пор оставалась бы в состоянии беззакония, то такого рода возражение так же мало может уничтожить указанное правовое условие, как и предлог, который выдвигают революционеры, выступающие против государства, а именно что, когда государственный строй негоден, народу следует преобразовать его силой и

вообще раз и навсегда проявить несправедливость, дабы потом тем прочнее была установлена и процветала справедливость.

* *

*

Заключение

Если кто-то не может доказать, что вещь существует, то пусть он попробует доказать, что она не существует. Если же ни то ни другое ему не удастся (весьма частый случай), то он может еще спросить: *заинтересован* ли он в *принятии* того или другого положения (с помощью гипотезы), и если да, то в теоретическом или практическом отношении, т. е. для того ли, чтобы только объяснить себе некоторое явление (как, например, для астронома обратное движение или неподвижность планет), или же для того, чтобы достигнуть определенной цели, которая в свою очередь может быть либо *прагматической* (чисто технической целью), либо *моральной*, т.е. такой, поставить перед собой которую есть максима, а сама максима есть долг.— Само собой разумеется, что мы здесь сделали своим долгом не *предположение* (suppositio) о выполнимости упомянутой цели, которое есть чисто теоретическое и к тому же проблематичное суждение, ведь для этого (чему-то верить) нет обязательности; наш долг здесь — поступать в соответствии с идеей этой цели, если даже нет ни малейшей теоретической вероятности того, что цель эта будет достигнута; однако невозможность достижения ее также нельзя показать.

Итак, морально практический разум произносит в нас свое неотменимое veto: *никакой войны не должно быть*; ни войны между мной и тобой в естественном состоянии, ни войны между нами как государствами, которые внутренне хотя и находятся в законном состоянии, но внешне (во

взаимоотношениях) — в состоянии беззакония; война — это не тот способ, каким каждый должен добиваться своего права. Следовательно, вопрос уже не в том, реален ли вечный мир или нереален (...) и не обманываемся ли мы в нашем теоретическом суждении, когда допускаем первое; вопрос в том, что мы должны поступать так, как если бы было реально то, чего, быть может, нет, должны содействовать обоснованию его и принятию такого строя, который представляется нам для этого наиболее пригодным (может быть, республиканизм всех государств вместе и каждого в отдельности), дабы установить вечный мир и положить конец преступной войне, на которую до сих пор как на главную цель были направлены внутренние устроения всех без исключения государств. И если бы даже полное осуществление этой цели оставалось бы всегда лишь благим пожеланием, все же мы, без сомнения, не обманываемся, принимая максимум неустанно действовать в этом направлении, ибо эта максима — наш долг; если же мы считали бы моральный закон в нас обманом, то это вызвало бы отвратительное желание отречься от всякого разума и по своим основоположениям зачислить себя наряду с остальным животным миром в один и тот же механизм природы.

Можно сказать, что установление всеобщего и постоянного мира составляет не просто часть, а всю конечную цель учения о праве в пределах одного лишь разума; ведь состояние мира — это единственное гарантированное *законами* состояние *моего* и *твоего* среди множества живущих по соседству друг с другом людей, стало быть людей, существующих вместе при одном государственном строе; но правило, [которым им следует руководствоваться], должно быть заимствовано не из опыта других людей (которым до сих пор удавалось наилучшим образом им пользоваться) в качестве нормы для других, а вообще а priori заимствовано разумом из идеала правового объединения людей под публичными законами,

ибо все примеры обманчивы (они могут лишь пояснять, но ничего не могут доказать) и, таким образом, нуждаются в метафизике, необходимость которой неосторожно признают даже те, кто над ней смеется, когда, например, как это часто бывает, они говорят: «Наилучший строй тот, где власть принадлежит не людям, а законам». В самом деле, что может быть более метафизически сублимированным, чем именно эта идея, которая все же в соответствии с их собственным утверждением обладает самой верткой объективной реальностью, легко обнаруживаемой и в происходящих случаях, и которая единственная — если только ее испытывают и проводят не революционным путем, скачком, т.е. насильственным ниспровержением существовавшего до этого неправильного строя (ибо в этом случае вмешался бы момент уничтожения всякого правового состояния), а путем постепенных реформ в соответствии с прочными принципами — может при непрерывном приближении привести к высшему политическому благу — к вечному миру.

Источник: *Иммануил Кант*. Соч. в 6-ти тт. Под ред. Т.И. Ойзермана. М.: Мысль, 1965, т. 4, ч. 2, с. 231-283.

Приложение 3

Литература о Канте

Арзаканьян Ц.Г., Ойзерман Т.И. Примечания к 6-му тому // *Иммануил Кант*. Соч. в 6-ти тт. Под ред. Т.И. Ойзермана. М.: Мысль, 1966, т. 6, с. 655-658, 673-681.

Асмус В.Ф. Кант // *Философская энциклопедия*. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1962, с. 419-427.

Асмус В.Ф. Примечания к 4-му тому, часть 2-я // *Иммануил Кант*. Соч. в 6-ти тт. Под ред. Т.И. Ойзермана. М.: Мысль, 1966, т. 4, ч. 2, с. 441-453.

Гайденок П.П. *История новоевропейской философии в ее связи с наукой*. М.: Университетская книга, 2000.

Галанза П.Н. *Учение Иммануила Канта о государстве и праве*. М.: Госюриздат, 1960.

Глебов А.В. Вокруг трактата Канта «О вечном мире» // *Вопросы философии*, 1958, № 2, с. 173-175.

Гулыга А. *Кант*. Сер. «Жизнь замечательных людей». М., 1997.

История философии. Под ред. М.А. Дынника и др. М.: Издательство АН СССР, 1957, т. 2.

Кассирер Э. *Жизнь и учение Канта*. СПб: «Университетская книга», 1997.

Лазуренко В.Д. Немецкие мыслители-гуманисты (И. Гердер и И. Кант) о войне и вечном мире // *Советское государство и право*, 1963, № 10, с. 142-146.

Новгородцев П.И. *Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве*. М.: Алетейя, 2000 (Серия: «Классики русской философии права»).

Трактаты о вечном мире. Под ред. Ф.В. Константинова. М., 1963.

Butler, Nicholas Murray. Introduction // Kant, Immanuel. *Perpetual Peace*. New York: Columbia University Press, 1939, pp. VII-IX.

Doyle, Michael. Liberalism and International Relations // *Kant and Political Philosophy: The Contemporary Legacy*. Ed. By Ronald Beiner and William James Booth. New Haven & London: Yale University Press, 1993, pp. 173-193.

Friedrich, Carl Joachim. *Inevitable Peace*. Cambridge, Ma.: Harvard University Press, 1948.

Murphy, Cornelius F. *The Search for World Order*. Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers, 1985, pp. XI, 61-104.

Smith, Mary Campbell. Translator's Introduction // Kant, Immanuel. *Perpetual Peace: A Philosophical Essay*. London: George Allen & Unwin Ltd., 1917, pp. 7-46.

Veblen, Thorstein. *An Inquiry into the Nature of Peace and the Terms of its Representation*. New York: The Viking Press, 1945.

Wallensteen, Peter. The Origins of Peace Research // Peter Wallensteen (ed.), *Peace Research: Achievements and Challenges*. Boulder and London: Westview Press, 1988, pp. 7-8.

Williams, Howard. *Kant's Political Philosophy*. New York: St. Martin's Press, 1983, pp. 244-268.

Wilson, G.K. *A Global Peace Study Guide*. London: Housmans, 1982.

Summary

Immanuel Kant (1724-1804) is an outstanding scholar who made a great contribution to the foundation and development of International Relations Theory (IRT) generally and the IRT paradigms such as liberalism and globalism particularly. Of course, he can not be seen as a real (and the only) founding father of IRT (this discipline has obtained an autonomous status only in the middle of the 20th century) but his writings have stimulated the European academic community's interest to the IRT problematique and laid foundations for major theoretical approaches to the study of world politics.

Among the variety of Kantian ideas, his understanding of the nature of war is both provocative and encouraging further research. On the one hand, he admits that the war (and conflict as a such) has played a progressive role in the humankind's history by integrating nations, societies and states in the face of an external threat, stimulating the development of both military and dual-use technologies and, finally, spreading people around the planet (thus developing less- or unpopulated areas). However, on the other hand, (in contrast with the conflictual/realist paradigm) Kant believed that war/conflict is only the first (and not the most important and final) phase in human/countries' interaction. He saw cooperation as the main and the most important way of communication between nations and individuals. Again, in contrast with the school of *Realpolitik*, Kant suggested as a basic international relations principle not the power balance concept but the balance of interests model. He believed that only such a cooperative model of international relations could provide the humankind with a benign environment for its sustainable, secure and creative development. According to Kant, war should be

definitely excluded from the arsenal of international politics. In this regard, Kant went ahead of the IRT liberal paradigm at least for a century.

Kant's understanding of power in world politics deserves attention as well. First of all, he introduced a multidimensional vision of power by pointing out not only its military but also politico-diplomatic, financial-economic, legal and moral-ethic aspects. According to Kant, military power is not necessarily the most important instrument of international politics. Depending on international situation, each power's dimension can be more or less important. Kant believed that states should use their power (both military and non-military) cautiously, on the basis of self-restraint in order to avoid the escalation of a conflict and further degeneration of the latter to war. In his works, he revealed non-legitimate methods of use of force by some politicians and states and examined in detail which arguments they use to justify their policies. At the same time, Kant has admitted the use of force for self-defence and punishing those states that violated international peace agreements.

Kant's categorisation of international actors went ahead of his time as well. In the Kantian era the IR thought based on the premises that nation-states were the only actors on the international scene. Kant agreeing that states were the most important international actors, at the same time, made some essential reservations. First, contrary to the dominant schools of political thought that treated states as unitary actors he emphasised their non-monolithic, heterogeneous nature. He stressed the fact that nations consist of various social, ethnic, religious and other groups that have different political interests (including foreign policy sphere). For this reason, a state's foreign policy behaviour is defined by a complex of factors and impulses that make it often quite unpredictable and chaotic. To develop a clear and adequate international strategy a nation should build a foreign policy consensus that must be based on aggregated interests of various strata.

Second, Kant underlined that states are not the only actors on the world arena. In addition to them, he pointed out nations, mercenaries and individuals ('citizens of the world'/cosmopolites) who operate on the international arena bypassing states and formal diplomatic channels. He also predicted that a completely new type of international actors (international inter-governmental and non-governmental organisations) could emerge and step into the world politics in the foreseeable future. Kant believed that a special branch of international law ('cosmopolitan' law) should be developed to regulate new international actors' activities.

Kant paid a special attention to international organisations as a new type of political actors. He believed that an international organisation in a form of a federation (league, union, congress, etc.) could be an embryo of a new - more integrated and secure – international relations system. Such an organisation could be established on the basis of a perpetual peace treaty by the most developed nations that share common values and have the same (republican, i.e. democratic) system of government. Kant underlined that the earlier attempts to create such organisations (for example, the General States in the Hague that operated in the first half of the 18th century) have failed because they were formed by states with different systems of government and political cultures and, for this reason, were not homogeneous. The new type of federation could be helpful both in implementing a peace treaty and guaranteeing the compliance of its signatories with its provisions. Such an organisation could also protect its members from an external aggression and punish those signatories who violated the treaty.

Kant admitted that in the distant future nations (if they were to establish the same systems of government and political/moral values) in principle can form a 'world republic' or 'peoples' state'. But in the near future this idea can frighten most of the states and divert them from the simplest forms of integration because

they are unready to give up their sovereignty. For this reason, the model of a federation that was proposed by Kant did not foresee any sort of a supreme, supranational or centralised authority and should be strictly based on principles of voluntary membership, equality and parity of its members (independent of their size and role/influence in world politics).

Despite the fact that Kant has not had an intention to create a system of international law of his own (the latter was important for Kant as one of the instruments of transformation of the world and securing a more stable and safe international relations system) his contribution to this sphere of the law can be hardly overestimated. First, he made a categorisation of the law of his own by singling out national (constitutional), international (inter-state) and cosmopolitan law where each type of law should regulate activities of specific actors.

Second, Kant produced the categorisation of international law in its narrow sense (inter-state law): 1) the right to start war (according to Kant, a pseudo-legal justification of war); 2) the law of war (the code of conduct during the war-time period); and 3) the law of peace (legal procedures for peace negotiations and concluding peace agreements). Kant was a principal opponent to the two first types of international law and believed that they should be abolished in the distant future (along with war as an instrument of world politics). However, he was cognisant of the fact that at that point neither political leaders nor international lawyers were ready to reject completely war as a legitimate means of international strategy and accept only peaceful methods.

Third, along with the law of war and peace, Kant has greatly contributed to other (specific) branches of international law, including the law of international agreements (treaty law), law of external relations (diplomatic law), law of international organizations, humanitarian law, international commercial law, etc.

Finally, Kant has formulated all (ten) now widely accepted main principles of contemporary international law. It should be noted that they were developed in a systemic way much later - seven of them were postulated in the UN Charter (1945) and three – in documents, such as the Declaration of Principles of International Law (1970), Final Act of the Helsinki meeting of the Council for Security and Cooperation in Europe (1975) and the Final Act of the CSCE Vienna meeting (1984).

Kant paid a great attention to the moral/ethical dimension of world politics. Kant believed that ethics affects international politics in the following ways:

- Ethics serves as a moral/philosophical basis for politics that provides most responsible and forward-looking political leaders with strategic objectives and perspective
- Ethics is the basis of both national and international law because the latter is grounded on the idea of justice (which is a moral category)
- Ethics helps to limit aggressive/expansionist behaviour of most strong powers and protect weaker states
- Ethics (along with international law) makes war unlawful, immoral and unacceptable for the mankind and thus encourages nations to solve conflicts in a peaceful way, through negotiations
- Common moral norms and international law will become major instruments for establishing and maintaining perpetual peace

Kant believed that politics and morale were compatible and mutually complimentary. He criticised those politicians and social scientists who tried to argue that politics is a ‘dirty business’ by definition and that immoral methods can be used to attain specific political aims. Kant tried to argue that the human nature is strongly based on moral principles and the state and civil society’s important mission is to develop these capabilities to transform both domestic and

international politics in a pro-moral way. Combined with international law morale could be a really powerful instrument for building a just and secure world.

Kant has also made a significant contribution to the international security theory. First, as in case of the concept of power, he has introduced a multi-dimensional understanding of international security by singling out not only its military ('hard' security) but also diplomatic, economic, legal and moral ('soft' security) aspects. He underlined that under certain circumstances the non-military ('soft' security) problems can be more important (and dangerous) than traditional ('hard' security) threats and challenges.

Second, Kant has proposed a number of operational models of international security that inspired some contemporary liberal and globalist security concepts, such as 'collective security' (and its variation – 'concert of powers'), 'democratic peace', 'cooperative security', 'comprehensive security' and 'human security'.

In sum, Kant's teaching had a great impact on the IRT's formation and its further development and to the date serves as a source of inspiration for many contemporary IR scientists.